

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**БОГОСЛОВСКИЙ
СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМНАРИИ**

Выпуск VIII

Тамбов
2019

УДК 23/28
ББК 86.372я5
Б74

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви

ИС Р20-920-0758

Б74 Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии /
Тамбовская духовная семинария. – Тамбов : ООО «ТПС», 2019. –
Вып. 8. – 256 с.

В выпуск 8 Богословского сборника Тамбовской духовной семинарии вошли статьи, в которых изложены результаты научных исследований преподавателей, а также материалы II Всероссийской научно-практической Амвросиевской конференции (14 мая 2019 г.).

Публикации охватывают широкий круг вопросов, связанных с историей Церкви, развитием церковно-государственных отношений, актуальные темы богословия и философии, православной антропологии и педагогики, филологии.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам духовных и светских вузов, а также всем интересующимся историей Церкви и богословскими науками.

УДК 23/28
ББК 86.372я5

ISBN 978-5-98429-191-0 (т. 1)
ISBN 978-5-907132-81-8

© Тамбовская духовная семинария, 2019
© ООО «ТПС», 2019

PERIODIC SCIENTIFIC PUBLICATION

**THEOLOGICAL
COLLECTION
OF TAMBOV
THEOLOGICAL
SEMINARY**

Issue No 8

**Tambov
2019**

Recommended for publication
by the Publishing Council of the Russian Orthodox Church

Theological Collection of Tambov Theological Seminary /
Tambov Theological Seminary. – Tambov : OOO «TPU», 2019. –
Issue 8. – 256 p.

Issue 8 of the Theological Collection of the Tambov Theological Seminary includes articles representing results of scientific studies carried out by researchers and professors, as well as the proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Amvrosiev Conference (May 14, 2019).

The articles cover a wide range of issues related to history of the Church, the development of relations between the Church and the state, highly topical issues of theology and philosophy, Orthodox anthropology and pedagogy, philology. The issue is addressed to scientists, teachers, graduate students, students of theological and secular universities, as well as all those interested in history of the Church and theological sciences.

РЕДАКЦИЯ СБОРНИКА

Главный редактор	Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), доктор теологии, кандидат богословия, ректор Тамбовской духовной семинарии
Заместитель главного редактора	Грудинина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, проректор по научной работе Тамбовской духовной семинарии
Секретарь	Филиппова Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая сектором заочного обучения, заведующая кафедрой филологии Тамбовской духовной семинарии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Священник Виталий Щербаков, магистр религиоведения, первый проректор Тамбовской духовной семинарии

Алленова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Тамбовской духовной семинарии

Евтихий Петр Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий церковно-практической кафедрой Тамбовской духовной семинарии

Ряховская Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой богословия, библеистики и философии Тамбовской духовной семинарии

Зусман Юрий Андреевич, кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры филологии Тамбовской духовной семинарии

Булгыгина Светлана Викторовна, заведующая библиотекой Тамбовской духовной семинарии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев), доктор теологии, кандидат богословия, ректор Тамбовской духовной семинарии

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин), доктор исторических наук, кандидат богословия, Председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви, ректор Калужской духовной семинарии

Медведев Николай Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Факультета истории, мировой политики и социологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Ильин Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Тамбовского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Налетова Ирина Владимировна, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Безукладова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, начальник Управления международных связей по работе с иностранными студентами ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Хворова Людмила Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Сорокина Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики Факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

Протоиерей Виктор Лисюнин, кандидат богословия, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Диакон Антоний Дик, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теологии ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина», старший преподаватель кафедры церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Орлова Вера Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры церковной истории Тамбовской духовной семинарии

Игумен Пимен (Семилетов), кандидат богословия, старший преподаватель кафедры богословия, библеистики и философии Тамбовской духовной семинарии

 EDITORS

- Editor-in-Chief** Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo,
 Doctor of Theology,
 PhD in Theology,
 Rector of Tambov Theological Seminary
- Deputy Editor-in-Chief** Elena V. Grudinina,
 PhD of Philology,
 Vice-rector for scientific work
 Tambov Theological Seminary
- Editorial Assistant (Secretary):** Svetlana V. Filippova
 PhD in Philology
 Head of the Extramural Studies Division
 Head of the Philology Department
 Tambov Theological Seminary

EDITORIAL BOARD

Vitaly Shcherbakov, Priest, Master of Arts in Religion, First Vice-Rector, Tambov Theological Seminary

Inna V. Allenova, PhD in History, Vice-Rector for Academic Affairs, Tambov Theological Seminary

Petr N. Evtikhiev, PhD in Pedagogy Associate Professor Head of the Church and Practical Department Tambov Theological Seminary

Tatiana V. Ryakhovskaya, PhD in Philosophy, Head of the Theology Department, Tambov Theological Seminary

Yuri A. Zusman, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Tambov Theological Seminary

Svetlana V. Bulygina, Head of thr Library Tambov Theological Seminary

EDITORIAL COUNCIL

Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo, Doctor of Theology, PhD in Theology, Rector of Tambov Theological Seminary

Kliment (G.M. Kapalin), Metropolitan of Kaluga and Borovsk, Doctor of History, PhD in Theology, Chairman of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Rector of Kaluga Theological Seminary

Nikolai V. Medvedev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, World Politics and Sociology, Derzhavin Tambov State University

Aleksei Yu. Ilin, Doctor of History, Professor, Director of Tambov Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Derzhavin Tambov State University

Irina Yu. Bezukladova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the International Relations Department, Derzhavin Tambov State University

Lyudmila Ye. Khvorova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University

Natalia V. Sorokina, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and World Literature, Journalism; Faculty of Philology and Journalism, Derzhavin Tambov State University

Viktor Lisyunin, Archpriest, PhD in Theology, PhD in History Head of the History Department, Tambov Theological Seminary

Antony Dik, Deacon, PhD in History, Associate Professor, Head of the Theological Department, Derzhavin Tambov State University

Vera D. Orlova, PhD in History, Associate Professor, Church History Department, Tambov Theological Seminary

Pimen (Semiletov), Hegumen, PhD in Theology, Associate Professor, Department of Theology Tambov Theological Seminary

СОДЕРЖАНИЕ

Богословие и философия

**Митрополит Тамбовский
и Рассказовский Феодосий (Васнев)**
Наставления преподобного Амвросия Оптинского
монашествующим 16

Пчелкин Иван Сергеевич
Сердце как орган духовного преображения человека 23

Незнанова Екатерина Олеговна
Богословский взгляд на психологию как науку 35

История Церкви

**Акользина Марина Константиновна,
Сытин Дмитрий Александрович**
Духовенство в составе населения провинциального города
в первой половине XIX века 46

Каширина Варвара Викторовна
Памятные записки семейства Голдобиных (к 20-летию со дня
обретения мощей преподобного Илариона Троекуровского) 58

Орлова Вера Дмитриевна
Проблемы поведения прихожан в православных храмах
во второй половине XIX – начале XX века 68

Тетюхин Игорь Николаевич
Значение Номоканона в развитии Церковного суда в России 79

Священник Иоанн Минаев
Духовное окормление пациентов Тамбовской губернской
больницы в XIX веке 96

Священник Константин Рева

Основы духовного образования по учению ректора Тамбовской
и Воронежской духовных семинарий архимандрита Димитрия
(Самбикина) 103

Валеева Галина Викторовна,**Слобожанин Алексей Вячеславович**

Симфония Русской Православной Церкви
и государства в формировании и укреплении
духовно-нравственных ценностей современного общества 113

Воевудский Павел Леонидович

Схимонахиня Серафима Мичуринская и ее роль
в восстановлении Никольского храма города Воронежа 121

Иеромонах Ферапонт (Широков)

Отношение митрополита Крутицкого Петра (Полянского)
к «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского) 129

Священник Вадим Марасов

Деятельность Моршанского историко-художественного музея
по сохранению православного наследия в первой половине
XX века 138

Копылова Ольга Егоровна

Жизнь и мученический подвиг Владимира Камнева,
уроженца Моршанского уезда Тамбовской губернии 148

*Православная педагогика и антропология***Иеромонах Паисий (Буй)**

Модель христианской семьи в трудах святителя
Феофана Затворника 156

Евтихий Петр Николаевич

Псалтирь как учебная (дидактическая) книга: анализ
перспектив ее использования в современной школе 165

Ерохина Татьяна Александровна, Терехова Грета Леоновна Духовно-образовательная социокультурная среда школы в свете святоотеческого наследия	173
Слепцова Анна Олеговна Гармония небесной и человеческой мудрости в святоотеческой и педагогической мысли	183
Конобеева Наталия Николаевна Воспитание целомудрия.....	192
Плотникова Ксения Павловна Православная культура как фактор духовно-нравственного развития личности подростков.....	199
<i>Филология</i>	
Волкова Анна Геннадьевна Рождественские песнопения: опыт лингво-культурологического анализа.....	208
Грудинина Елена Валерьевна Чичиков и чичиковщина: проблема духовной деградации личности в русской литературе XIX века	215
Филиппова Светлана Викторовна Антиутопические реалии художественного и современного мира в романе Е.И. Замятина «Мы» и «Экологическом романе» С.П. Залыгина.....	223
Иеромонах Савва (Силантьев) Приемы художественной выразительности в творчестве святителя Тихона Задонского (на примере произведения «Сокровище духовное от мира собираемое»	240
Список сокращений.....	254

 CONTENT
Theology and Philosophy

Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo
Homilies of the Venerable Ambrose of Optina to monastics.....16

Pchelkin Ivan S.
Heart as an organ of a person’s spiritual transformation.....23

Neznanova Ekaterina O.
Theological perspective of psychology as a science35

History of the Orthodox Church

Marina K. Akolzina, Dmitri A. Sytin
The clergy as part of the population of a provincial city
in the first half of the 19th century46

Varvara V. Kashirina
Memorial notes of the Goldobin family (For the 20th Anniversary
of the uncovering of the relics of the Venerable Hilarion
of Troekurovo)58

Vera D. Orlova
Problems in the behavior of parishioners in Orthodox churches
in the second half of the XIX th – early XX th centuries68

Igor N. Tetyukhin
The importance of Nomocanon in the development
of the Church Court in Russia.....79

Ioann Minaev, Priest
Spiritual Guidance of Patients at Tambov Provincial
Hospital in the XIXth Century.....96

Konstantin Reva, Priest

Fundamentals of spiritual education according
to the teachings of Archimandrite Dimitri (Sambikin),
rector of Tambov and Voronezh theological seminaries 103

Galina V. Valeeva, Aleksey V. Slobozhanin

Symphonia of the Russian Orthodox Church and the state
in the rationing and strengthening of the spiritual
and moral values in modern society..... 113

Pavel L. Voevudsky

Schema nun Seraphima of Michurinsk and her role
in the restoration of St. Nicholas Church in Voronezh 121

Ferapont (Shirokov), Hieromonk

Attitude of Peter, Metropolitan of Krutitsy (Polyansky)
to the “Declaration” of Metropolitan Sergiy (Stragorodsky)..... 129

Vadim Marasov, Priest

Activities of the Morshansk Museum of History and Art
for the Preservation of the Orthodox Heritage in the First Half
of the 20th Century 138

Olga E. Kopylova

Life and Martyric Endeavor of Vladimir Kamnev, a Native
of Morshansk District, Tambov Province 148

*Orthodox pedagogy and anthropology***Paisiy (Buoy), Hieromonk**

The Model of a Christian Family in the Writings of St. Theophan
the Recluse 156

Petr N. Evtikhiev

The Psalter as an educational (didactic) book: analysis
of the prospects for its use in a modern school..... 165

Tatyana A. Erokhina, Greta L. Terekhova

The spiritual and educational socio-cultural environment
of the school in the light of patristic heritage 173

Anna O. Sleptsova

Harmony of heavenly and human wisdom in patristic
and pedagogical thought..... 183

Natalia N. Konobeeva

Chastity education 192

Ksenia P. Plotnikova

Orthodox culture as a factor in the spiritual and moral
development of the personality of teenagers 199

*Philology***Anna G. Volkova**

Christmas Hymnography: an approach to linguistic
and cultural analysis..... 208

Elena V. Grudinina

Chichikov and chichikovshchina: the problem of spiritual
degradation of personality in Russian literature
of the XIX century 215

Svetlana V. Filippova

Dystopian Reality of Artistic and Modern World
in E.I. Zamyatin's Novel *We* and S.P. Zalygin's Ecological Novel 223

Savva (Silantiev), Hieromonk

Techniques of artistic expressiveness in the work
of St. Tikhon Zadonsky (on the example of the work
"Spiritual Treasure collected from the world")..... 240

List of abbreviations..... 254

**БОГОСЛОВИЕ
И ФИЛОСОФИЯ**

УДК 2-35

НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО МОНАШЕСТВУЮЩИМ

**Митрополит Тамбовский
и Рассказовский ФЕОДОСИЙ**

доктор теологии, кандидат богословия,
ректор Тамбовской духовной семинарии
E-mail: admin@eparhia-tmb.ru

Для цитирования: *Феодосий (Васнев), митр.* Наставления преподобного Амвросия Оптинского монашествующим // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 16–22.

Аннотация

В статье представлен взгляд преподобного Амвросия Оптинского на сущность монашеского делания и произведена систематизация духовных наставлений подвизающимся на этом поприще. Особое внимание уделено развитию важнейших добродетелей – терпения и смирения, а также молитвенному подвигу, борьбе со страстями и поддержанию духовного здоровья монашествующих. Автор подчеркивает простоту и доступность для восприятия нравственных поучений преподобного Амвросия, благодаря которым духовное наследие старца сохраняет актуальность в наши дни.

Ключевые слова: монашество; преподобный Амвросий Оптинский; духовный подвиг; христианские добродетели.

Великий оптинский старец преподобный Амвросий Оптинский оставил после себя обширное эпистолярное наследие. Многие его письма с наставлениями о духовной жизни были адресованы монашествующим.

Монашеский образ жизни старец Амвросий называл верным способом спасения души. Он подчеркивал, что «монашество есть тайна» [2, с. 666], в нем больше возможностей жить в полном соответствии с заповедями Божиими. «Во всяком случае вернее и благонадежнее то, что мы находимся Промыслом Божиим в мо-

настыре и более имеем надежды получить милость Божию, поступивши в монастырь, нежели оставшись в мире», – писал он одному из своих адресатов [2, с. 690]. По мысли преподобного Амвросия, постригающийся в монашество должен быть готов ко множеству испытаний [2, с. 740]. Ссылаясь на святых отцов и подвижников, он говорил, «что если бы известно было, какие скорби и искушения бывают монахам, то никто не пошел бы в монастырь, а если бы знали, какие награды получают монахи, то весь мир устремился бы в обители» [1, с. 342].

Среди христианских добродетелей старец выделял терпение и смирение. «... Все святые утверждают, что терпение и смирение – на всё победа», – неоднократно повторял он в своих письмах [2, с. 666]. Смирение преподобный называл основой всех Божественных даров. «Дарований никаких не ищи, а лучше старайся усвоить мать дарований – смирение, – это прочнее», – наставлял старец [2, с. 669]. Предостерегая одну из монахинь от гордыни и самомнения, он поучал ее так: «Святые считали себя худшими всех, землей и пеплом; значит, если кто высокое о себе помышляет, тот не идет путем, указанным святыми отцами» [2, с. 710]. В смирении старец различал три степени. «Первая степень покоряться старейшине, не превозноситься же над равными. Вторая степень покоряться равным, не превозноситься над меньшими. Третья степень покоряться и меньшим и вменяти себе ничтоже быти» [1, с. 352]. Добродетель смирения, с которой начинается путь духовного совершенства для каждого христианина, имеет особое значение для монашествующих. В монастырь приходят люди, ищущие спасения, стремящиеся избавиться от греховных страстей. На верном пути будет тот, кто «пойдет путем смирения, во страхе Божиим и сохраняя по совести очи, слух и язык, а в ошибках прибегая к самоукорению» [2, с. 714]. Среди тех, кто пришел в монастырь, есть немало «неможных, хотя и благонамеренных, у которых самолюбие еще в силе, хотя бы и прикрывалось благовидно какими-либо мнимоблагословными предложениями» [2, с. 714]. Как им следует себя вести? «Очень просто, – отвечал старец, – сознавать свою немощь, прибегать к самоукорению и смирению и в неприятных случаях более обвинять себя, а не других, и прежде всего смотреть на вещи просто, что все мы люди, все человеки, всякий по-своему разумеает, по-своему

судит и толкует» [2, с. 714]. Трудно пребывать в монастыре, если не следовать данным наставлениям преподобного отца.

В письмах монашествующим Оптинский старец затрагивал тему отношения православного человека к болезням. Аргументируя свою точку зрения, он учил, что болезнь является «только малым наказанием» [2, с. 676] Божиим человеку и служит лекарством для «отражения или усмирения страстей» [2, с. 676]. Болезни тела, именуемые старцем попущением Божиим, «бывающим на пользу нашу Промыслом премудрым» [2, с. 703], необходимы для исцеления болезней духа.

Заботясь о духовном здоровье своих чад, преподобный предостерегал их от слепой веры в сны. Старец указывал, что они бывают истинные, а бывают и «с шуией стороны», приносящие вместо «мира и пользы душевной... общее смущение» [2, с. 704]. Он советовал не разгадывать сны, но молиться Спасителю и Пресвятой Богородице о том, чтобы все в жизни устраивалось по Божию Промыслу. «Если что по воле Божией будет, то пусть и будет, – писал он, – и эти вещи бывают обыкновенно и без нашей воли; а эти сны бывают иногда только одно надругание бесовское, на которое не следует обращать внимания» [2, с. 704].

Преподобный Амвросий говорил о важности молитвы и внутреннего духовного подвига для монахов. В одном из писем он напоминал слова старца Макария Оптинского, призывавшего «утро до полудня посвящать молитве, а потом заботиться об откровении помыслов старцам и беседовании с ними» [2, с. 677]. Преподобный считал, что молитва монашествующих должна быть сердечной, но она приходит не ко всем и не сразу. «Сердечная молитва требует наставника», – поучал он [2, с. 693]. «... Прежде сердечной молитвы постарайся иметь молитву умную, держа внимание в персях и заключая ум в самих словах молитвы. Такая молитва проще и удобнее; и если в этой молитве будет успех, то, по свидетельству некоторых, она переходит и в сердечную» [2, с. 680]. Если же этого не произошло, то следует «довольствоваться устной и умною» молитвой [2, с. 693].

Старец говорил, что тем, кто часто ходит в храм и не оставляет монашеских правил, Господь посылает особую милость. Вместе с тем он советовал не брать на себя самовольно никаких подвигов, чтобы не впасть в искушение. В одной обители жила монахиня,

которая вставала ночью на молитву после стука в дверь и помногу клала поклоны, что давалось ей весьма легко. Когда батюшка узнал об этом, то велел ей не вставать ночью на молитву, а утром положить двенадцать поклонов и идти на послушание. Следующей ночью в дверь снова постучали, но монахиня по благословиению преподобного не стала совершать молитву. Проснувшись утром, она хотела положить поклоны, но ударилась о стол лбом так, что пошла кровь, и она не смогла сделать ни одного поклона. Об этом матушка рассказала старцу, на что он ответил: «Вот видишь теперь, кто тебя будил; когда ты по своей воле молилась, то тебе не было тяжело сотни поклонов класть, а за послушание и двенадцати не положила, потому что врагу эти двенадцать поклонов гораздо тяжелее, чем твоя тысяча, и раньше он тебя будил, а теперь даже и не допустил» [1, с. 338–339].

В духовном делании монах может столкнуться с болезненным духовным состоянием, которое святые отцы называют «прелестью». Преподобный Амвросий призывал своих адресатов «быть осторожными касательно мнения о себе, когда покажется нам, что будто что-нибудь стяжали духовное и благодатное» [2, с. 680]. Как и святые подвижники, главным средством от «прелести» он считал покаяние. «Преподобные Марк Подвижник и Исаак Сирий пишут, – свидетельствовал старец, – что нет добродетели выше покаяния и что покаяние до смерти потребно не только грешным, но и праведным; потому что и праведник седмижды в день падает; и что самое совершенство совершенных несовершенно. По этой причине и все святые всегда смирялись и имели себя под всей тварью, потому и пребывали непадательны» [2, с. 680]. Некий монах, находившийся в переписке с преподобным Амвросием, во время молитвы, видимо, дал волю воображению, «возносясь умом к Престолу Святой Троицы и созерцая непостижимое Божество, по человеческому представлению, во образе и подобиях» [2, с. 712]. Отвечая на его письмо, старец писал, что такой «образ молитвы, с видением и возношением ума на небо, могут употреблять только бесстрастные, долгим временем и подвигом, паче же смирением и помощью Божией, очистившие себя от примеси страстей; а для новоначальных и немощных это весьма опасно и доводит до прелести вражий» [2, с. 712]. Этот ложный опыт духовный жизни своим последствием имел «горькие плоды», на которые старец намекал

в письме, подчеркивая, что непосредственной причиной для них послужило «тайное и тонкое кичение и оболъщение вражие» [2, с. 713]. Указывая на то, что все видения адресата являются бесовским наваждением, он советовал ему впредь «не верить ни снам, ни видениям» [2, с. 712]. Преподобный Амвросий призывал монаха молиться так, как молился мытарь из Евангельской притчи, который «не смел и очей телесных возвести к небу, а об уме и говорить нечего; т. е. никак не дерзал умом восходить на небо, а стоял перед Богом со страхом и смирением, как зримый свыше от Господа, и прося помилования» [2, с. 713]. Старец учил во время молитвы не думать о мирском, а быть сосредоточенным и не рассеянным.

Преподобный советовал каждому воспринимать свои ошибки без смущения, а с покаянием и смирением, чтобы не впасть в гордыню. Ошибки «нас и смиряют, – говорил старец. – Кабы на хмель не мороз, так он бы и дуб перерос». Он призывал монахов понуждать себя к смирению: «Бог любит только смиренных...» [1, с. 340]. «Когда человек понуждает себя смиряться, то Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та благодать, которую Бог подает смиренным (ср. Притч. 3, 34; Иак. 4, 6; 1 Петр. 5, 5). Самооправдание только кажется облегчающим, а на самом деле приносит в душу мрак и смущение» [1, с. 341].

В борьбе со страстями монашествующим следует проявлять терпение и настойчивость. «В терпении вашем стяжите души ваша» (Лк. 21, 19) и «претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10, 22). Эти слова старец часто любил повторять: они были его любимыми цитатами из Священного Писания [1, с. 339]. Побуждая к терпению, старец составил такое четверостишие: «Терпел пророк Елисей, терпел пророк Моисей, терпел пророк Илия, так потерплю ж и я» [1, с. 339].

Старец говорил, что в борьбе со страстями нельзя ослабевать. Он приводил в пример земледельца, который весной очищал землю от сорняков, но впоследствии сорная трава снова появлялась. Необходимо терпеливо удалять сорняки для того, чтобы вырастить хороший урожай. Проецируя этот пример на духовную жизнь, преподобный писал, что «тело наше создано из той же земли, и сколько человек ни старается очищать себя от страстей, страсти опять проникают, как дурная трава» [2, с. 681]. Он учил возделывать огород души так же, как это делал Адам, получивший от Бога

заповедь: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт. 3, 19).

Размышляя о монашеской жизни, преподобный рекомендовал одной игуменье взять к себе на послушание келейницу, чтобы избежать опасности, которая может появиться, если она много времени будет находиться одна. «Одной можно бы тебе душевно повредиться», – говорил он матушке [2, с. 705]. Для подтверждения своей мысли старец ссылаясь на Екклезиаста, который сказал: «Двоим лучше, нежели одному... горе одному, когда упадет, а другого нет, который бы поднял его» (Екк. 4, 9–10). Преподобный напоминал о святом Арсении Великом, который, пребывая в безмолвии, имел двух послушников.

Наставляя монашествующих, старец Амвросий излагал ответы на сложные вопросы их жизни в очень простой и доступной форме. Он заботился не только об их внутреннем духовно-нравственном состоянии, но не оставлял без внимания и внешние обстоятельства жизни, давал мудрые советы, как следует молиться и духовно совершенствоваться, как исполнять монашеские обеты и достигать смирения, незлобия, терпения, милосердия и любви.

Список литературы

1. Беседы великих русских старцев о православной вере, спасении души и различных вопросах духовной жизни / Трифионов Печенгский монастырь. – Москва : Ковчег, 2003. – 1504 с.
2. Собрание писем оптинского старца Амвросия. – Козельск : Введ. старопиг. муж. монастырь Оптина пустынь, 2012. – 768 с.

UDC 2-35

HOMILIES OF THE VENERABLE AMBROSE OF OPTINA TO MONASTICS

**Feodosy (Vasnev), Metropolitan
of Tambov and Rasskazovo**
Doctor of Theology,
Rector of Tambov Theological Seminary
E-mail: admin@eparhia-tmb.ru

For citation: *Feodosy (Vasnev), Metropolitan. Homilies of the Venerable Ambrose of Optina to monastics // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 16–22.*

Abstract

The article presents the view of Venerable Ambrose of Optina on the essence of monastic work and systematizes spiritual instructions to those who are engaged in this field. Particular attention is paid to the development of the most important virtues, such as patience and humility, as well as the prayer feat, the fight against passions and maintaining spiritual health of monks. The author emphasizes the simplicity and accessibility of the moral teachings of Venerable Ambrose, thanks to which the spiritual heritage of the elder remains relevant today.

Keywords: monasticism; Venerable Ambrose of Optina; spiritual feat; Christian virtues.

References

1. Besedy velikikh russikh startsev o pravoslavnoi vere, spasenii dushi i razlichnykh voprosakh dukhovnoi zhizni [Talks of Great Russian Elders about the Orthodox Faith, Salvation of the Soul and Various Issues of Spiritual Life]. Tryphon of Pechenga Monastery. Moscow, Kovcheg, 2003. 1504 p. (in Russian)
2. Sobranie pisem optinskogo startsa Amvrosiya [A Collection of Letters from Elder Ambrose of Optina]. Kozelsk, Vvedenski Staropigialny Muzhskoi Monastyr Optina Pustyn, 2012. 768 p. (in Russian)

УДК 2-136.2; 2-143

СЕРДЦЕ КАК ОРГАН ДУХОВНОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Пчелкин Иван Сергеевич
выпускник Тамбовской духовной
семинарии 2018 г.
E-mail:tdsmetod@yandex.ru

Для цитирования: *Пчелкин, И.С.* Сердце как орган духовного преобразования человека // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 23–35.

Аннотация

В статье особое внимание уделено человеку как венцу творения Божия, обладающему окружающим миром. В контексте православной антропологии рассматривается сердце как вместилище жизни, орган духовного преобразования человека, основа внутренней иерархии личности. Структура личности человека осмысливается как результат его общения с Богом, питающим Животворящим Духом энергии духовного сердца. В заключение сделан вывод о гармонизирующей роли духовного сердца, направляющего всю деятельность и усилия человека на очищение и соединение ума и сердца.

Ключевые слова: православная антропология; структура внутреннего человека; иерархия личности; согласование ума и сердца; естественное сердце; душевно-духовное сердце.

Православная богословская традиция, определяя человеческую личность, исходя из понятия образа Божьего, восходит к святоотеческим трудам. Так, например, святитель Василий Великий сформулировал следующую дефиницию: «Человек есть разумное творение Бога, созданное по образу своего Творца» [1, с. 438]. Это богоданное свойство антропологии обеспечивает основное условие – саму возможность единения человека с Богом. Неся образ Божий, первые люди, прародители, осуществляли промысел Божий о роде человеческом, ибо весь тварный мир «был дан в удел

человеку» (Быт. 1, 28). Сам же человек призван был стать уделом Божества. Адам и его потомки были предназначены, по выражению преподобного Макария Великого, стать *престолом* Божиим, местом Его *почивания* [10, с. 312], а для этого между Богом и Его созданием должно быть нечто общее, позволяющее преодолеть пропасть трансцендентности и жить в единстве; нечто, делающее человека соответствующим своему Творцу. Это «нечто» – Дух Животворящий.

Святые отцы понимают человеческий дух как неотъемлемую и высшую часть души. Святой Иустин Философ, говоря, что «тело есть жилище души», тем не менее, добавляет – «а душа есть жилище духа». Из данной посылки святой Иустин выводит: «Эти три сохраняются в тех, которые имеют искреннюю надежду и твердую веру в Бога» [7, с. 483].

О природе человеческой личности писал святитель Феофан Затворник: «В человеке надо различать душу и дух. Дух содержит чувство Божества – совесть и ничем неудовлетворимость. Он есть та сила, которая вдохнута в лицо человека при сотворении. Душа – низшая сила, или часть той силы, назначенная на ведение дел земной жизни» [14, с. 212–213]. Толкования святителя аксиоматически воспринимаются другими отечественными богословами. Так, протоиерей Вадим Леонов характеризует дух человеческий как высшую часть души, соединяющую человека со сверхчувственным миром и позволяющую ему находиться в благодатном единстве с Богом, воспринимать божественные энергии и тем самым обоживаться [8, с. 74].

Человек осуществляет духовно-телесную миссию на земле (1 Кор. 6, 13, 19–20). Поэтому Господь обращает особое внимание в Евангелии на сердце: «От избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Мф. 12, 34–35); «люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мк. 7, 6). Здесь сердце понимается в духовном смысле. Взаимосвязь духа с другими частями человеческой природы описывает святитель Ириней Лионский: «Совершенный же человек состоит из трех: плоти, души и духа, из коих один, то есть дух, спасает и образует, другая, то есть плоть, соединяется и образуется, а средняя между ними, то есть душа, тогда, когда следует духу, возвышается им, а когда угождает плоти, ниспадает в земные похотения» [6, с. 462].

Сформулированная святителем Иринем Лионским истина оказалась духовно близкой богословию святителя Тихона Задонского, который определял различные качества сердца. Во-первых, обладая естественной природой, сердце – это естественный орган, дающий жизнь телесному организму человека. О таком сердце нельзя сказать, что оно доброе или злое [5, с. 1682–1683]. Выполняя естественную функцию, сердце является еще и сверхъестественным органом, выступая посредником между Богом и человеком [8, с. 81]. Без сердца не осуществляется ни одна функция человеческого организма: движения всех органов реализуются при взаимодействии сердца с соответствующей частью человеческой природы [8, с. 86]. Святитель пояснял: «Сердце – начало и корень всех наших деяний. Что ни делаем внутри и вне нас, делаем сердцем – или добро, или зло. Сердцем веруем или не веруем; сердцем любим или ненавидим; сердцем смиряемся или гордимся; сердцем терпим или ропщем, сердцем прощаем или озлобляемся; сердцем примиряемся или враждуем, сердцем обращаемся к Богу или отвращаемся от Него; сердцем приближаемся, приходим к Богу или отходим и удаляемся» [5, с. 1672].

Каким же образом происходит работа сердца в духовной области? Что от нас закрыто из-за нашей греховности, являясь областью трансцендентного, вневременного (вечного)? Что уходит своими корнями в сферу абсолютного и метафизического? «Сердцем христианин должен стремиться к Небу, так как он небесный гражданин» [5, с. 1683], – в этом афористическом заключении архимандрита Иоанна (Маслова) раскрыт смысл земной миссии человека, который обязан стать гражданином «Церкви торжествующей».

Закономерности осуществления богоугодной миссии составляют сложный процесс, на который указывает святоотеческое предание, основываясь на Священном Писании. Центральное и гармонизирующее значение сердца в жизни человека изъясняют многие святые отцы: святой Максим Исповедник: «Сердце – центр жизни» [2, с. 103]; святой Никодим Святогорец: «Сердце является естественным центром человека, поскольку оно раньше всех других членов появляется в организме и позже других разрушается и поскольку оно есть корень всех чувственных и мысленных сил души» [11, с. 38]; святитель Феофан Затворник: «Сердце наше точно есть корень и центр жизни» [15, с. 27].

В святоотеческом наследии охарактеризована посредническая роль сердца как внутри телесного человека, так и внутри человека духовного, а также между человеком и Богом, человеком и окружающим его миром. О сердце как органе, осуществляющем внутреннее согласование, свидетельствует святитель Феофан Затворник. «Сердце есть как бы центр существа человеческого, – говорит он, – фокус всех его сил духовных, душевных и телесных, и через него человек входит в связь со всем существующим» [15, с. 27]. Преподобный Макарий Великий усматривал всеобъемлющее свойство сердца: «В сердце есть какая-то беспредельная глубина; есть там и пиршественные горницы, и опочивальни, и двери, и преддверия, и многие службы, и выходы; есть там рабочая хранилища дел правды и неправды; есть там смерть, есть там и жизнь» [10, с. 126]. В сердце протекают жизненно-духовные процессы, которые могут давать жизнь, а могут и отравлять ее: «...А исходящее из уст – из сердца исходит – сие оскверняет человека» (Мф. 15, 18).

Различение сердца телесного и духовного в богословской традиции сопряжено с понятием изначально присущей человеку благодати, отнятой у него после грехопадения. Современный греческий богослов П. Неллас считает, что после грехопадения телесные органы, не питаемые благодатью, переключились лишь на физиологические функции, предназначены же были и для духовных [12, с. 180]. Подобную мысль встречаем у святителя Луки (Войно-Ясенецкого), который опирался на свой врачебный опыт. Он указывал, что после смерти физической человеческая душа, разлучившаяся с телом, не утрачивает своей умственной способности, а значит, в своем существовании ум человеческий не обусловлен телесными органами [9, с. 110 – 126].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о работе сердца. В теле человека сердце представлено в виде физиологического органа, который посредством кровообращения обеспечивает жизненной силой все части тела, аналогично происходят и внутренние процессы, ответственные за человеческое состояние, за духовное сердце.

Наиболее ясно этот вывод подтвержден богословскими трудами святителя Феофана Затворника, который рассматривал сердце как источник жизненной силы: «Оно (сердце) поддерживает энер-

гию всех сил души и тела» [15, с. 26]. Высокая иерархия сердца в человеке определена его способностью «управлять жизнью» [15, с. 27].

В Православной антропологии особый духовный статус сердца определен его способностью отдавать и обретать энергию. Через отношение к Богу, подчиняясь Его замыслу о человеке, сердце обретает духовную энергию. Путем обращения божественной энергии преобразуется человеческая природа. В зависимости от наполнения сердца, человек избирает свой вектор как жизни земной, так и вечной: «Какое направление примут силы сердца, в такое направление устремляются силы тела. И преобразуют влечения тела сообразно влечению сердца – из плотского и скотоподобного в духовное, святое, ангелоподобное» [4, с. 413].

Отторжение от благодати Божией, от богообщения заставляет сердце питаться тварной энергией, что приземляет человеческую природу, ведя ее к греху. Обращенность сердца к телесным энергиям меняет существование человека, приводя его к падшим духам, низводящим и уничтожающим сердце духовное. Такое энергоснабжение чревато саморазрушением и смертью, телесной и духовной [4, с. 22].

Душевно-духовное сердце работает подобно сердцу телесному: второе принимает и отдает кровь, обеспечивая кровоснабжение всего тела, первое – питается впечатлениями, преобразуя их в человеческие реакции, наполненные желаниями, настроениями, эмоциями, мотивирующими деяния.

После грехопадения сердце человека «вдыхает» в основном внешние впечатления, а «выдыхает» помыслы и желания, чаще всего суетные, земные, нередко греховные – собственное «хочу». Такое сердце не может в полной мере реализовать свое предназначение. Упрощенно сердце можно сравнить с плавильной печью, в которую попадают предметы разного рода и преобразуются под действием огня. Если сердце человека горит божественным пламенем, то все греховное в нем постепенно сгорает, а все доброе очищается и становится бесценным, вечным сокровищем души. Если же сердце объято пламенем греховных страстей, то оно стремится воспринять только то, что поддерживает этот огонь, а все доброе, противодействующее страстям, отвергает. Такое сердце становится личным крематорием, преддверием ада. Оно производит в

основном греховный пепел и шлак, порождая предчувствие вечных мук [8, с. 86].

Понимание душевно-духовного сердца как вместилища добродетели или греха также восходит к святоотеческому богословию. Так, например, преподобный Макарий Великий рисует образ душевно-духовного сердца как поля брани горнего и падшего: «Сердце – малый сосуд, но там есть змеи, там есть львы, там есть ядовитые звери, там все сокровища порока, там пути негладкие и стропотные, там пропасти, но там также и Бог, там Ангелы, там жизнь и царство, там свет и апостолы, там сокровища благодати, там есть всё. Ибо там бывает мгла, распростертая по всей вселенной, и человек не видит человека, так со времени преступления тьма века сего лежит на всей твари, на всем естестве человеческом, почему люди, покрытые сею тьмою, ведут жизнь в ночи, в местах страшных. И как в ином доме бывает множество дыма, так грех с скверными его помыслами и бесчисленное множество демонов вкрадывается в сердечные помыслы и заседают там» [10, с. 202]. Ту же закономерность природы душевно-духовного сердца отмечает и преподобный Никодим Святогорец, который предупреждает: «Сердце является центром и нижеестественным, поскольку все нижеестественные страсти, все хульные, гордостные и лукавые помыслы и все злые желания рождаются в сердце и находятся там» [11, с. 39].

Строй душевно-духовного сердца несет ответственность и за состояние иерархии внутреннего человека. Этот строй обеспечивается единством воли Бога и воли человека. При разрушении единства этого волеизъявления разрушается и внутренний строй человеческой личности. Рассогласование волеизъявлений происходит под воздействием греховных помыслов, выходящих за границы контролируемой мотивации, вызывающих неконтролируемые эмоции, поступки [8, с. 87].

Чаще всего такое рассогласование происходит за счет омрачения ума. Ум формирует сознание человека, а сердце – подсознание (понимается как внутренняя жизнь души, недоступная для сознания человека, не управляемая его сознательной деятельностью) [8, с. 86]. Ум порождает мысли, сердце – помыслы. Помысел – является произвольной мыслью, побуждающей человека к действию [3, с. 208]. Характерное отличие помысла от мысли заключается

в том, что помысел имеет подсознательную природу и не всегда является плодом сознания человека, а иногда, напротив, бывает враждебной мыслью, от которой человек не может освободиться [8, с. 86]. «Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления – это оскверняет человека» (Мф. 15, 19–20).

При недостатке любви к Богу греховные пристрастия, проникшие в сердце, не сгорают полностью, но лишь вытесняются из сознания, как бы прячутся, и снова обнаруживают себя в соблазнительных ситуациях в виде помыслов, желаний, воспоминаний. А.П. Позов в своих трудах по древнецерковной антропологии утверждает, что причиной надменного действия греха над человеком является наслаждение, которое исходит корнями из сердца: «Страстные помыслы выходят из центрального источника, из сердца <...> ум прислушивается к душевным движениям, испытывая наслаждения, <...> делая наслаждения внутренним состоянием» [13, с. 435]. Об этом говорит святитель Игнатий (Брянчанинов): «Без наслаждения оно (сердце) быть не может» [4, с. 413]. Силой, оберегающей сердце от греховной порчи, является благодать Божия: «Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33, 9). Однако путь в сердце для благодати открыт только посредством покаяния: «Любовь входит в сердце, очищенное покаянием» [5, с. 204]. Из сказанного следует вывод, что сердце не может оставаться пустым, оно являетсяместищем или благодати, или греховного влечения и наслаждения, поэтому в нераскаянном сердце грехи легко повторяются, а их внутренние причины остаются сокрытыми от сознания человека. По причине временного молчания страстей, духовной слепоты и самооправдания люди часто не замечают в себе корни грехов и потому могут считать себя даже праведниками. Мы можем наблюдать это на примере фарисеев.

Какое же лекарство применительно? «Отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях» (Еф. 4, 22–24). Всегда исцеляющим врачом является Сам Господь, создавший святую Церковь со всеми ее таинствами и священной иерархией. По словам святителя Тихона Задонского, благодать Божия, нисходит прямо в сердце, так как именно оно является централизирующим органом в организме: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21), и у апостола Павла: «... Бог по-

слал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: „Авва, Отче!“» (Гал. 4, 6), и в другом месте: «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым» (Рим. 5, 5) [11, с. 38–39].

Даровав возможность стать каждому членом Церкви, причастником благодати и богообщения, Бог обращается к человеку через его духовное сердце. Люди, поработившие себя греху, не способны полностью уничтожить в себе богодарованное начало – образ Божий, поэтому, даже впад в грех, они чувствуют приглушенные укоры совести и, если еще не переступили порог телесной смерти, только находясь под покровом Церкви, имеют возможность перенаправить сердечный вектор, от жизни по плоти, в сторону жизни по Духу: «Когда сердце вкусит сладость духовную, тогда только оно может оторваться от наслаждений плотской сластью» [4, с. 413].

Здоровье духовного сердца обеспечивает пребывание человеческой личности в богообщении. «Сердце тогда только может наслаждаться блаженным миром, когда оно пребывает в евангельских заповедях, когда пребывает в них с самоотвержением», – заключает святитель Игнатий (Брянчанинов) [4, с. 504]. Крайне важна связь сердца с Богом в молитве: истинная жизнь христианина заключается в умении молиться, то есть в изменении сердца: «Покаяние состоит в перемене сердца... сердце веселится от плача духовного» [4, с. 505]; «Молитва должна быть в сердце» [4, с. 506]. Суть сердечной молитвы – войти в сердце и взывать оттуда к Богу: «Собери ум свой в сердце, и оттуда мысленным воплем призывай на помощь Господа Иисуса, говоря: Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» [3, с. 33]. Цель такой молитвы – обретение первоначальной духовной цельности, иначе именуемой в христианстве как стяжание благодати Духа Святаго: «В сердцах через слово Божие действует Святой Дух» [5, с. 40].

Сама деятельность и усилия человека должны быть направлены на очищение и соединение ума и сердца. Единство ума и сердца было свойственно Адаму, который, пребывая в раю в состоянии божественного созерцания и духовной радости, находился в непрерывном богообщении. Эта изначально дарованная человеку способность не исчезла совершенно и после грехопадения. Человек, согласуя ум и сердце с Божественной волей, может восстановить утраченное при содействии благодати Святого Духа. Путь восстановления богообщения характеризует Григорий Синаит: «Ум,

пребывая в сердце, увидит там безобразие внутреннего человека, оскверненного мерзкими зрелищами, какие он видел, лукавыми словами, какие он слышал, так что человек поневоле смирится и восплачет о своей греховности... Ведь он (ум) видит сердце свое связанным столькими страстями, видит, что весь его внутренний человек – это не храм Божий, а вертеп разбойников. И видя плач и сокрушение, Господь освободит его от страстей и бесов» [11, с. 40]. Архимандрит Иоанн (Маслов) ставит обращение сокрушенного человеческого сердца к Богу условием действенности его молитвы: «Если человек не обратился всем сердцем к Богу, то молитва ему не принесет успеха» [5, с. 206].

Таким образом, сердце является органом преобразования и совершенствования человека. Личный опыт жизни, собираемый в сердце, должен освящаться благодатью Божией, но для этого Божественная благодать должна беспрепятственно входить в сердце. «На скрижалях сердца благодать Божия, – как учит преподобный Макарий Великий, – пишет законы Духа и небесные тайны, потому что сердце владычественно и царственно в целом телесном сочленении. И когда благодать овладевает пажитями сердца, тогда царствует она над всеми членами и помыслами» [10, с. 298].

Список литературы

1. *Василий Великий, свт.* Беседа первая о сотворении человека «по образу» / святитель Василий Великий // Василий Великий, свт. Творения : в 2 т. – Москва : Сиб. Благовонница, 2008. – Т. 1. – С. 430–446.

2. *Дионисий Ареопагит, свт.* Сочинения / святитель Дионисий Ареопагит. Толкования / преподобный Максим Исповедник. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 863 с.

3. Добротолюбие. В 5 т. Т. 5. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. – 482, VI с.

4. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4. Аскетическая проповедь и письма к мирянам / святитель Игнатий (Брянчанинов). – Москва : Ковчег, 2006. – 559 с.

5. *Иоанн (Маслов), архим.* Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / архимандрит Иоанн (Маслов). – Москва : Самшит-издат, 2003. – 1199 с.

6. *Иринея Лионский, св.* Сочинения / святитель Иринея Лионский ; пер. П. Преображенского. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1900. – 548 с.

7. *Иустин Философ, св.* О Воскресении, 10 // Иустин Философ, св. Творения. – Репр. воспр. изд. – Москва : Паломник : Благовест, 1995. – С. 469–484.

8. *Леонов В., прот.* Основы православной антропологии / протоиерей Вадим Леонов. – Москва : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2013. – 452 с.

9. *Лука (Войно-Ясенецкий), св.* Дух, душа и тело / святитель Лука (Войно-Ясенецкий). – Москва : Православ. Св.-Тихон. Богослов. ин-т, 1997. – 137 с.

10. *Макарий Великий, прп.* Духовные беседы / преподобный Макарий Великий. – Репр. изд. – Сергиев Посад : Св.-Троиц. Сергиева Лавра, 1994. – 467, XXIII с.

11. *Никодим Святогорец, прп.* О хранении чувств / преподобный Никодим Святогорец. – Москва : Изд-во Моск. Подворья Св.-Троиц. Сергиевой Лавры, 2000. – 58 с.

12. *Nellas P.* Deification in Christ : Orthodox Perspectives on the Nature of the Human Person / Panayiotis Nellas. – New York : St. Vladimir's Seminary Press, 1987. – 254 p.

13. *Позов А.П.* Основы древнецерковной антропологии. В 2 т. Т. 1 / А.П. Позов. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. – 573 с.

14. *Феофан Затворник, св.* Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. В 8 вып. Вып. 7/8. Собрание писем / святитель Феофан Затворник ; Св.-Успен. Псково-Печер. монастырь. – Москва : Паломник, 1994. – 256, X, 228, XII с.

15. *Феофан Затворник, св.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться / святитель Феофан Затворник. – Москва : Изд-во Моск. подворья Св.-Троиц. Сергиевой Лавры, 1997. – 254 с.

UDC 2-136.2; 2-143

**HEART AS AN ORGAN OF A PERSON'S
SPIRITUAL TRANSFORMATION****Ivan S. Pchelkin**

Graduate of Tambov Theological

Seminary of 2018

E-mail:tdsmetod@yandex.ru

For citation: *Pchelkin, I.S.* Heart as an Organ of a Person's Spiritual Transformation// Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 23–35.

Abstract

The article focuses on man as the crown of God's creation and the possessor of the world around them. In the context of Orthodox anthropology, the heart is looked upon as a reservoir of life, an organ of a person's spiritual transformation, the basis of the individual's internal hierarchy. The structure of a man's personality is understood as the result of their communication with God, who nourishes the energy of the spiritual heart with the Life-giving Spirit.

The author draws a conclusion about a harmonizing role of the spiritual heart in the structure of the man's personality. Therefore, all human activities and efforts should be aimed at cleansing and connecting the mind and the heart.

Keywords: Orthodox anthropology; structure of the inner man; personality hierarchy; harmony of the mind and the heart; natural heart; mental and spiritual heart.

References

1. *Basil the Great, St.* Beseda pervaya o sotvorenii cheloveka po obraztsu [Talk One about Creation of Man after the Image]. Basil the Great, St. Creations: in 2 volumes. Moscow, Siberskaya Blagozvonitsa, 2008, vol. 1, pp. 430–446. (in Russian)
2. *Dionysius the Areopagite, St.* Sochineniya [Compositions]. Maximus the Confessor, venerable. Tolkovaniya [Comments]. St. Petersburg, Aleteya, 2003. 863 p. (in Russian)

3. Dobrotolyubie [Philokalia]. In 5 vols, vol. 5, Sergiev Posad, Holy Trinity Sergiev Lavra, 1992. 482 p. VI (in Russian)

4. *Ignatius (Brianchaninov), Saint*. Sobranie sochinenii. [Collected Works]. In 7 volumes. Vol. 4. Asketicheskaya propoved', i pis'ma k miryanam [Ascetic Sermon, and Letters to the Laity]. Moscow, Kovcheg, 2006. 559 p. (in Russian)

5. *Ioann (Maslov), Archimandrite*. Simfoniya po tvoreniyam svyatitelya Tikhona Zadonskogo [Symphony on the Works by St. Tikhon of Zadonsk]. Moscow, Samshit-izdat, 2003. 1199 p. (in Russian)

6. *Irenaeus of Lyons, St.* Sochineniya [Writings]. Translated by P. Preobrazhensky. 2nd ed., St. Petersburg, 1900. 548 p. (in Russian)

7. *Justin the Philosopher, St. O Voskresenii* [On the Resurrection]. Justin the Philosopher, St. Tvoreniya [Creations]. Moscow, Palomnik, Blagovest, 1995, pp. 469–484. (in Russian)

8. *Leonov, V., Archpriest*. Osnovy pravoslavnoi antropologii [Fundamentals of Orthodox Anthropology]. Moscow, Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2013, 452 p. (in Russian)

9. *Luke (Voyno-Yasenetsky), St.* Dukh, dusha i telo [Spirit, Soul and Body]. Moscow, St. Tikhon's Orthodox Theological Institute, 1997. 137 p. (in Russian)

10. *Macarius the Great, Venerable*. Dukhovnye besedy [Spiritual Homilies]. Sergiev Posad, Holy Trinity Sergiev Lavra, 1994. 467, XXIII p. (in Russian)

11. *Nicodemus of the Holy Mountain, Venerable*. O khranении chuvstv [On Preserving Feelings]. Moscow, Publishing House of the Moscow Monastery of the Holy Trinity Sergius Lavra, 2000. 58 p. (in Russian)

12. *Nellas, P.* Deification in Christ : Orthodox Perspectives on the Nature of the Human Person. New York : St. Vladimir's Seminary Press, 1987. 254 p. (in Russian)

13. *Pozov, A. P.* Osnovy drevnetserkovnoi antropologii [Fundamentals of the Old Church Anthropology]. In 2 vols., vol. 1, St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008. 573 p. (in Russian)

14. *Theophan the Recluse, St.* Tvoreniya izhe vo svyatykh otsa nashego Feofana Zatvornika [Works by our Holy Father Theophan the Recluse. In 8 issues. Issue 7/8. Collection of letters / Holy Dormition

Pskov-Pechersk monastery. Moscow, Pilgrim, 1994. 256, X, 228, XII p. (in Russian)

15. *Theophan the Recluse, St. Chto est' dukhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya* [What is Spiritual Life and How to Set your Heart on it]. Moscow, Publishing House of the Moscow monastery of the Holy Trinity Sergius Lavra, 1997. 254 p. (in Russian)

УДК 159.99

БОГОСЛОВСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПСИХОЛОГИЮ КАК НАУКУ

Незнанова Екатерина Олеговна
социальный педагог, ТОГБПОУ
«Строительный колледж»
E-mail: e.neznanova@mail.ru

Для цитирования: *Незнанова, Е.О.* Богословский взгляд на психологию как науку // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 35–44.

Аннотация

Статья посвящена попытке реконструкции психологических воззрений св. Феофана, Вышенского Затворника, в контексте научных психологических достижений середины XIX века, на самой заре развития психологического знания. На основе творений святителя проводится богословский анализ методологических принципов научного исследования психических явлений в основных психологических школах, а также обосновывается необходимость и даже неизбежность создания «психологии христианской» как одного из практических направлений церковной науки.

Ключевые слова: психология; методология науки; психотеология; святитель Феофан Затворник; умозрительная психология; аскетика; христианская психология; духовность.

На первый взгляд, они принадлежат к различным эпохам: психология как наука и выдающийся богослов святитель Феофан, Вышенский Затворник, при котором она только зарождалась.

Общеизвестно, что раскрытие и признание психологии совершилось лишь в конце XIX – начале XX века выведением ее из статуса «служанки философии» на уровень университетского образования и практического использования. Возвращение к первоисточкам этой науки, ее методологии, предмета и объекта могло бы многое рассказать о современной нам психологии. Тем более что не только в XIX столетии, когда совершал свое служение святитель Феофан, но даже в XX веке психология не была неким монолитом, как не является она таковым и в наши дни.

Сегодня, как и сто лет назад, в психологической науке наблюдается некоторая неопределенность в решении ряда фундаментальных методологических вопросов, например, в определении предмета научного исследования, а также способов научного объяснения. Ведь области, которых касается психология и о которых нет единого мнения в различных психологических системах: теории человеческой личности, определение в качестве предмета психологии «души» человека или ее энергий («психики»), – представляют собой мировоззренческие вопросы, не решаемые только естественнонаучными, «объективными» методами.

По выражению К. Юнга, основателя аналитической психологии, «психология – наука <...> молодая», и «тот, кто глубже проник в сущность психологии и предъясвляет к психологии как науке более высокие требования», нежели просто влачение ею жалкого существования, ограниченного «пределами естественнонаучной методике, тот, наверное, убедился в том, что экспериментальной методике никогда не удастся достаточно правильно подойти к сущности человеческой души или хотя бы набросать приблизительно верную картину сложных психических явлений» [11, гл. Определение терминов].

Не стоит думать, что речь идет о некоей единичной, оригинальной точке зрения. Как психоанализ, так и гештальт-, экзистенциальная, гуманистическая, трансперсональная и многие другие направления психологии самим своим существованием и методологическими подходами, существенно отличающимися от естественнонаучных, показали неспособность позитивистским путем решить главнейшие вопросы психологии.

Святитель Феофан Затворник не был человеком, далеким от нарождавшейся науки. В Орловской духовной семинарии и Киевской

духовной академии он особенно интересовался психологией и антропологией. Преподавая в духовных школах, будучи профессором, а затем и ректором Санкт-Петербургской духовной академии, он стоял у истоков российской науки как таковой. Ведь в отечественных духовных школах психология начала преподаваться уже с начала XVIII века, когда в университетах еще отсутствовала такая дисциплина. Профессора, которые приглашались университетами для чтения философских дисциплин, в состав которых входила психология, как правило, были выпускниками духовных академий [3, с. 11–17; 7, с. 335].

В этом не было ничего удивительного, поскольку все западные психологи до начала XIX века, так или иначе, сформировали свои психологические концепции под влиянием теологического университетского образования, где в то время в богословских исследованиях широко практиковался психологический экспериментальный подход. Так, среди предшественников «науки о душе» можно назвать таких религиозных мыслителей и богословов, как: доминиканские монахи Альберт Великий и Фома Аквинский; ученый францисканец У. Оккам; воспитанник иезуитского колледжа Р. Декарт; знаменитый математик, ученый и богослов Б. Паскаль; Б. Спиноза, богословско-психологические взгляды которого во многом были обусловлены значительным, если не определяющим влиянием еврейской общины Амстердама и богословием Каббалы; выпускники богословских колледжей Оксфордского университета Т. Гоббс и Д. Локк; протестантские богословы Г. Лейбниц и Х. Вольф; священник Д. Гартли, швейцарский богослов И. Лафатер и др. Да и самим своим названием эта область знания обязана протестанту Х. Вольфу, определившему термином «психология» «науку о душе и душевных проявлениях» [5, с. 78–107].

Влияние западной теологии на развитие психологии в XIX веке также было вполне очевидно богословскому взгляду профессоров духовных академий, поскольку многие взгляды западных психологов имели ярко выраженный конфессиональный оттенок. Можно проиллюстрировать это положение оценкой многих современных психологических концепций как неких «психотеологий».

При свт. Феофане Затворнике в русской духовно-академической науке знаковым явлением становится так называемая «умозри-

тельная психология», с одной стороны, продолжавшая традицию западного богословско-психологического исследования, с другой – игравшая апологетическую и экспертную роль в деле выявления неоправданных попыток психологов и философов мешать с наукой определенные неортодоксальные религиозные воззрения. Не считая экзегетических трудов, основными работами свт. Феофана в области «душеведения» (т.е. психологии как «науки о душе») можно считать его лекции по нравственному богословию, прочитанные в Санкт-Петербургской духовной академии и изданные в 1868 году под названием «Начертание христианского нравоучения» и «Путь к спасению (Краткий очерк аскетики)», многочисленные «Письма о духовной жизни», среди которых особо выделяется произведение «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?», а также квинтэссенция психолого-аскетических исследований святителя – новая русскоязычная версия «Добротолюбия». Последнее произведение представляет собой не просто перевод греческой «Филокалии», сборника творений древних христианских подвижников, но именно особое «святоотеческое творение», включающее в себя скрупулезный методологический анализ деятельной христианской жизни и призванное быть «понятной широкому кругу читателей различного духовного уровня и образования» [6, с. 11–13].

Подход свт. Феофана характеризуется оригинальным взглядом, прежде всего, на саму методологию науки. Наука и духовность, по его мнению, вопреки рационалистическому взгляду на проблему, не могут противоречить друг другу. Если же наблюдается противоречие, то лучше попроситься с такой суетной «ученостью», поскольку она представляет собой не науку, а мировоззрение, идеологию, все подводящую под свои нигилистические, разрушающие нравственность догматы [10].

«Духовная ревность, – писал свт. Феофан, – не гонит душевной (научности, художественности, житейскости, гражданственности), а только умеряет ее и упорядочивает, направляя ее к своим видам, не позволяя ей ревновать о чем-либо таком, что противно ей самой...

Бывает (однако) ревность и душевная, и ревность сильная. Но она вся обращена на устройство временного быта. Кто о научности ревнует..., кто о художественности..., кто о промышленности

и торговле..., кто о другом чем, житейском или гражданском. Все это было бы ничего, но то беда, что когда какая-либо из сих ревностей завладеет вниманием и силами человека, то она погашает ревность духовную... А о других ревностях и говорить нечего, как они противны духовной. Ибо есть еще ревность суетная (о нарядах и подобном) и есть ревность злая – порочная и грешная, обращенная на удовлетворение страстям. Эти последние не охлаждают только ревность духовную, но совсем враждебны ей и как в себе самих подавляют ее, если она как-либо зашевелится в совести, так и в других гонят ее и преследуют...» [9].

«Пусть одобрение заслуживает не одна успешность в науках, а также вера и добронравие», ведь очень важна целостность постигаемого знания, мировоззрение, «а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никак не должно ставить ее так высоко и в таком блестящем виде, чтобы она занимала все внимание и поглощала всю заботу. Нет ничего ядовитее и гибельнее для духа жизни христианской, как эта научность и исключительная о ней забота. Она прямо ввергает в охлаждение и потом навсегда может удерживать в нем, а иногда еще и присовокупить разврат, если встретятся благоприятные тому обстоятельства» [9].

На что же действительно «должно обращать внимание», так это на «дух преподавания или воззрения на предметы обучения... У нас самое опасное заблуждение то, что преподают науки без всякого внимания к истинной вере, позволяя себе вольность и даже ложь, в том предположении, что вера и наука – две области, решительно разъединенные» [9].

Психология же, как и все остальные науки, по свт. Феофану, может быть и досточтимой, и полезной, если вплетается в целостное традиционное мировоззрение. Иначе и наука, и знания могут принести человеку не только пользу, но и большой вред.

Разница между аскетической психологией и секулярной психотерапией, по мысли свт. Феофана, заключается, прежде всего, в том, что первая основана на религиозном опыте, а вторая, даже пытаясь использовать естественную религиозность, присущую человеку, не знает основ религиозной жизни, которую прежде отвергла, как «ненаучную». Потому она и не подозревает, например, что удовлетворяя свои страсти, человек не исцеляет себя, поскольку

ку «*всякий, делающий грех, есть раб греха*» (Ин. 8, 34). Обращаясь к «духовности», используя техники, обряды и философию восточных религий, многие психотерапевтические системы сами стали, по сути, языческими религиями.

Так, в экспериментах необихевиориста Альберта Бандуры было явно показано, что люди, использовавшие метод психоаналитического отреагирования, не только не становились при этом более выдержанными, но, привыкая к вере во временное катарсическое облегчение при избиении груши, в реальности «становились более, а не менее агрессивными» [4, с. 66–67]. Интимная свобода середины XX века не способствовала крепости семейных супружеских отношений, а, наоборот, ослабила их.

Несмотря на схожесть многих терапевтических сеансов с исповедью, присутствие на них таких понятий, как: «инсайт», или озарение, стремление к познанию смысла жизни, и «высокодуховность», исследование человеческого опыта в целях нахождения ошибок и изменения шаблонов поведения на «приемлемые», святитель отмечает общую бесплодность нерелигиозного подхода практической психологии.

Перефразируя слова известного психолога Г. Айзенка, последствия революции в психологии и психотерапии «огромны и впечатляющи. Смущает лишь одна маленькая деталь – пациентам не становится лучше» [1, с. 127].

Да, пишет свт. Феофан: «говоришь: покаюсь – и каюсь», то есть пытаюсь признать свои ошибки, промахи (как в психоанализе, когнитивной, экзистенциальной терапии). «Но не твое дело, – пишет святитель, – поставлять условия» в экзистенциальной, т.е. религиозной, смысловознательной области. «Может и покаяние идти в дело, но когда Сам Бог его постановит и согласится принимать. А само по себе что оно?! Ушибся и больно – что тут?!» [10].

Подвижник считал, что воссоединение с Богом не в нашей власти, а потому не стоит «ломать голову» об образе, порядке, условиях его совершения. Достаточно иметь стремление это воссоединение совершить. И тогда «возьмет силу дух, подчинит себе душу и тело, упорядочит потребности и желания и выгонит страсти». Поэтому «если Богу угодно было установить закон и порядок сего воссоединения, поспеши приять его полною верою и воспользоваться им с теплою благодарностью. И благодарение человеколюбивому Богу,

все уже для того совершенно, установлено и растолковано! Принимай и пользуйся». Подводя итог своего рассуждения свт. Феофан подчеркивал, что «для восстановления духа нашего и воссоединения его с Богом необходимо, чтобы Дух Божий нисходил в него и оживлял его» [10]. Отсюда важнейшее условие – сакральная жизнь в Церкви, и жизнь активная, а не пассивная – это отдельная тема для исследования психологического творчества святителя.

Главное – то, что психология свт. Феофана включает в себя и собственно психическую область, и выходит за ее рамки, рассматривая психологическую жизнь «одухотворяющегося» человека, подвижника. Так что его практическая психология – не уже, а шире «научной» психологии, рассматривающая, по выражению более позднего автора, еп. Варнавы (Беляева), психическую жизнь человека не в трех, а чуть ли не в девяти динамических измерениях, следуя святоотеческой традиции [2, с. 239–241].

Психология свт. Феофана явилась лишь одной из опытных систем, сложившихся в отечественной духовно-нравственно-ориентированной психологической школе. Но этот опыт весьма ценен, так как ориентирован преимущественно на практическую психологию христианского аскетизма, религиозного подвига, «науку из наук» [8, с. 36], науку спасения, которая современной психологии пока практически неизвестна.

Список литературы

1. *Белорусов, С.А.* Психология духовности, веры и религии / С.А. Белорусов // Психология религиозности и мистицизма : хрестоматия. – Минск : Харвест ; Москва : Аст, 2001. – С. 92–145.
2. *Варнава (Беляев), еп.* Основы искусства святости : опыт изложения православной аскетики. В 4 т. Т. 1 / епископ Варнава (Беляев). – Нижний Новгород : Братство во имя св. кн. Александра Невского, 1998. – 478 с.
3. *Карандашев, В.Н.* Методика преподавания психологии : учебное пособие / В.Н. Карандашев. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 250 с.
4. *Крайг, Г.* Психология развития / Крайг Грейс, Бокум Дон. – 9-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 940 с. – (Мастера психологии).

5. *Лагутов, Н.В.* Теологический анализ стратегий и техник психотерапии : монография / Н.В. Лагутов. – Сергиев Посад : Изд-во Академии гуманитарных и общественных наук, 2012. – 296 с.

6. *Митрофан (Волкодав), иером.* Основы духовной жизни по славянскому «Добротолочию» / иеромонах Митрофан (Волкодав). – Москва : Олма Медиа Групп, 2002. – 176 с.

7. *Сухова, Н.Ю.* Вертоград наук духовный : сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века / Н.Ю. Сухова ; Православ. Св.-Тихон. Гуманитар. ун-т. – Москва : Православ. Св.-Тихон. Гуманитар. ун-т, 2007. – 382, [2] с.

8. О жизни временной и вечной (по святителю Феофану Затворнику). – Москва : Отчий дом, 1996. – 80 с. – (Общедоступная православная библиотека).

9. *Феофан Затворник, свят.* Путь к спасению / святитель Феофан Затворник // Ни-Ка : сайт православ. христианина. URL: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=wayrescue#sfzp4> (дата обращения: 27.08.2013).

10. *Феофан Затворник, свят.* Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться? / святитель Феофан Затворник // Ни-Ка : сайт православ. христианина. URL: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=spirituallife#sfz23> (дата обращения: 27.08.2013).

11. *Юнг, К.Г.* Психологические типы / К.Г. Юнг. – Санкт-Петербург : Ювента ; Москва : Прогресс-Универс, 1996. – 716 с.

UDC 159.99

THEOLOGICAL PERSPECTIVE OF PSYCHOLOGY AS A SCIENCE

Neznanova Ekaterina O.

Social Care Teacher

Construction College, Tambov

E-mail: e.neznanova@mail.ru

For citation: *Neznanova, E.O.* Theological perspective of psychology as a science // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 35–44.

Abstract

The article makes an attempt to reconstruct psychological views of St. Theophan the Recluse of Vysha in the context of scientific psychological achievements of the middle of the 19th century, at the very dawn of the development of psychological knowledge. On the basis of the works by the Holy Hierarch, a theological analysis of methodological principles of scientific study of psychic phenomena in the main psychological schools is carried out. The article also gives the ground for the necessity and even inevitability for the church science to create 'Christian psychology' as a theological and practical science, correcting the shift towards theoretical scholastics, which is typical of theological science.

Keywords: psychology; methodology of science; psychotheology; St. Theophan the Recluse; speculative psychology; asceticism; Christian psychology; spirituality.

References

1. *Belarusov, S.A.* Psikhologiya dukhovnosti, very i religii [Psychology of Spirituality, Faith and Religion]. Psychology of religiosity and mysticism : Reader. Minsk : Kharvest, Moscow, Ast, 2001, pp.92–145. (in Russian)
2. *Barnabas (Belyaev), Bishop.* Osnovy iskusstva svyatosti : opyt izlozheniya pravoslavnoi asketiki [The Basics of the Art of Holiness : Experience of Presentation of Orthodox Asceticism]. In 4 vols., vol. 1, Nizhny Novgorod : Brotherhood in the name of Holy Prince Alexander Nevsky, 1998. 478 p. (in Russian)
3. *Karandashev, V.N.* Metodika prepodavaniya psikhologii : uchebnoe posobie [Methods of Teaching Psychology : Textbook]. St. Petersburg, Peter, 2006. 250 p. (in Russian)
4. *Craig, G.* Psikhologiya razvitiya [Developmental Psychology]. Craig Grace, Baucum Don. 9th edition, St. Petersburg, Peter, 2006. 940 p. (Masters of Psychology). (in Russian)
5. *Lagutov, N.V.* Teologicheskii analiz strategii i tekhnik psikhoterapii : monografiya [Theological Analysis of Strategies and Psychotherapy Techniques : Monograph]. Sergiev Posad, Publishing House of the Academy of Humanities and Social Sciences, 2012. 296 p. (in Russian)
6. *Mitrofan (Volkodav), Hieromonk.* Osnovy dukhovnoi zhizni po slavyanskomu "Dobrotolyubiyu" [Fundamentals of Spiritual Life

According to the Slavic «Philokalia»]. Moscow, Olma Media Grup, 2002. 176 p. (in Russian)

7. *Sukhova, N.Yu.* Vetrograd nauk dukhovny : sbornik statei po istorii vysshego dukhovnogo obrazovaniya v Rossii 19 – nachala 20 veka [Spiritual Garden of Sciences: a collection of articles on history of higher spiritual education in Russia in the 19th and early 20th centuries]. Moscow, Orthodox St. Tikhon Humanitarian University, 2007. 382, [2] p. (in Russian)

8. O zhizni vremennoi i vechnoi (posvyatitelyu Feofanu Zatvorniku) [About Temporary and Eternal Life (according to St. Theophanes the Recluse)]. Moscow, Otchii dom, 1996. 80 p. (Public Orthodox Library). (in Russian)

9. *Theophan the Recluse, St.* Put' k spaseniyu [The Path to Salvation]. // Ni-Ka : Orthodox Christian website. (in Russian). Available at: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=wayrescue#sfzp4> (Accessed: 27.08.2013).

10. *Theophan the Recluse, St.* Chto est' dukhovnaya zhizn' i kak v neyo nastroit'sya? [The Spiritual Life: And How to Be Attuned to It]. // Ni-Ka : Orthodox Christian website. (in Russian). Available at: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=spirituallife#sfz23> (Accessed: 27.08.2013).

11. *Jung, K.G.* Psikhologicheskie tipy [Psychological Types]. St. Petersburg, Yuventa, Moscow, Progress-Univers, 1996. 716 p. (in Russian)

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

УДК 930.8

ДУХОВЕНСТВО В СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Акользина Марина Константиновна
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики
и гуманитарно-педагогического
образования ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г.Р. Державина»
E-mail: akolmarina@yandex.ru

Сытин Дмитрий Александрович
студент 4-го курса ФГБОУ ВО
«Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: sytin.dima2015@yandex.ru

Для цитирования: *Акользина, М.К., Сытин, Д.А.* Духовенство в составе населения провинциального города России в первой половине XIX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 46–57.

Аннотация

В статье предпринята попытка на материалах административной и церковной статистики проследить изменение численности представителей духовенства в составе населения уездных городов Тамбовской губернии, а также состав духовенства, занятия, материальное положение, социальную мобильность.

Основным материалом для изучения проживавших в городе лиц духовного сословия послужили данные светского и церковного учета: ревизских сказок, исповедных ведомостей, ведомостей о состоянии храмов и др.

Ключевые слова: приходское духовенство; священнослужители; церковнослужители; причт; городские приходы.

Духовенство в России к началу XIX века превратилось во второе свободное сословие [15, 16, 18, 19, 20]. Данные для изучения положения провинциального городского духовенства содержат материалы Ведомостей о состоянии церквей благочиний, Клировых ведомостей церквей городов Тамбовской губернии, Исповедных ведомостей, Историко-статистического описания Тамбовской епархии [5–14, 17, 22].

Источники свидетельствуют о преобладании православного населения в городах Тамбовской губернии в первой половине XIX века, с увеличением его после присоединения слобод в 1864 году. Доля раскольников была невелика и, судя по ее резкому сокращению после слияния горожан и жителей слобод, в основном приходилась на городское население. Это же относится к представителям других христианских вероисповеданий.

Численность белого православного духовенства в уездных городах Тамбовской губернии в первой половине XIX века не была постоянной. Доля его в составе населения города была невелика (максимум 1,91 % в 20-е гг. XIX в.) и постоянно, хотя и незначительно, сокращалась (минимум 0,82 % в 1864 г.), как и в целом по России. Например, к концу исследуемого периода процент священнослужителей в общей численности населения Моршанска был значительно ниже, чем по городам России в целом – 0,9 и 2 соответственно.

Удельный вес священников (≈ 30 % духовенства) и причетников был несколько ниже, чем в целом по городам России, а дьяконов (≈ 20 %) – выше. Это свидетельствует о возрастании доли священнослужителей за счет дьяконов в исследуемый период. Доля причетников в это же время оставалась практически без изменений (≈ 50 %). Тем не менее священнослужителей в составе причта не стало больше церковнослужителей, т.е. позитивного качественного сдвига в составе приходского духовенства не произошло. Об этом свидетельствовал также образовательный уровень приходского духовенства. До 30 % священников имели полное образование (духовное училище, духовная семинария, духовная академия), 10 % дьяконов получили полное (уездное училище) и 5 % – неполное образование, у всех причетников образование было незаконченным [1, с. 36–38]. В целом образовательный уровень духовенства городских приходов был ниже, особенно у священников, чем в целом по городам России.

Данные архивных документов свидетельствуют о более низком уровне внутрисословной мобильности духовенства уездных городов Тамбовской губернии в сравнении с духовенством России в целом. Самыми мобильными были дети причетников, затем – священников. Это определялось полученным образованием для детей священников (или легкостью и доступностью образования для них), и стремлением к получению духовного образования детей дьячков, пономарей и других причетников. Например, священник Софийской церкви Федор Егоров происходил из дьячков; дьякон той же церкви, Иван Васильев – из пономарей; священником Никольской церкви пригородной Базиевской слободы стал сын дьякона Софийского собора Алексей Федоров; сторож Софийского собора Константин Семенов¹ Илларионов, был сыном дьячка; дьякон Вознесенской церкви г. Моршанска Михаил Васильев Софийский, сын дьячка Софийской церкви; у дьячка Вознесенской церкви г. Моршанска Серафима Никитина Никольского отец – дьякон Никольской церкви с. Старого Устья Моршанской округи; дьякон Никольской церкви Барашевской пригородной слободы Василий Иванов Виноградский, дьячковский сын, закончил Тамбовскую духовную семинарию; священник той же церкви Николай Петров Пономарев, пономарский сын, закончил Тамбовскую духовную семинарию; дьячок Никольской церкви пригородной Базиевской слободы Михаил Иванов, сын священника, был исключен из Тамбовского уездного училища. Протоиерей Софийского собора г. Моршанска Андрей Яковлев Воскресенский, дьяконов сын, закончил Московскую духовную академию; дьячок той же церкви Филимон Федоров, сын священника; пономарь той же церкви Яков Лебемянский, сын священника. Священник церкви св. Николая пригородной Базиевской слободы Василий Ильин Алмазов, пономарский сын, закончил Тамбовскую духовную семинарию; дьякон Никольской церкви Барашевской пригородной слободы Петр Фокин Курганский, сын священника, был исключен из Тамбовской духовной семинарии; пономарь той же церкви Иван Михайлов Никольский, сын священника, также был исключен из высшего отделения Шацкого духовного училища; священник

¹ Семенов – читай «Семенович». Здесь и далее в приводимых примерах полных имен священно- и церковнослужителей вторым указывается отчество: Константин Семенович Илларионов, Михаил Васильевич Софийский, Василий Иванович Виноградов и т.д.

Вознесенской церкви г. Моршанска Федор Николаев Воздвиженский, сын дьячка, закончил Тамбовскую духовную семинарию [2, с. 9–19]. В уездных и приходских училищах обучались дети священнослужителей Иван Софийский, Авраамий Содомов, Владимир Уметский, Иван Моршанский, Онисифор Вознесенский, Михаил Писцов, Федор и Порфирий Славинские, Петр Иерусалимский, Константин, Владимир и Михаил Образцовы, Иван Православов, Федор Кардиналов и др. [5].

На протяжении первой половины XIX века в уездных городах Тамбовской губернии у духовенства сохранялась традиционная патриархальная разветвленная по родственным связям семья [3, с. 255–256]. По данным исповедных ведомостей можно сделать вывод о преобладании у духовенства семей, состоявших из 2-х поколений родственников (супруги с детьми). В среднем семьи состояли из 5 человек. Средний возраст глав реальных семей священнослужителей составлял 45 лет (меньше, чем у других сословий). Юноши и девушки из духовного сословия женились и выходили замуж до 20 лет. Повторные браки заключались редко. В семьях вдовцов с детьми, как правило, проживали родственницы. Одинокие вдовы проживали вместе, вели общее хозяйство. В системе родственных связей духовного сословия в целом сохранялись характерные для аграрного общества родственные связи.

О материальном положении представителей духовного сословия в городах имеются только фрагментарные сведения. Так, жители Моршанска «между которыми много усердного к благолепию храмов богатого купечества, доставляют содержание городскому духовенству несравненно лучшее, чем в других городах и округах епархии. Сверх того, при трех церквях оно получает доходы с земли, которой к таким церквам издавна отмежевано 118 десятин. Священно-церковнослужителям Церкви Феодоровской прихожане, за не имением земли, ежегодно платят по 71¹/₂ руб. сереб.» [21, с. 28].

В уездных городах православное духовенство выполняло разнообразные функции. Кроме пастырского служения, священнослужители занимались благотворительностью [4], обучением детей, участвовали в борьбе властей с раскольниками и сектантами. Реальные данные о числе сектантов предоставляют исповедные ведомости, в которых священниками фиксировались причины отсутст-

вия на исповеди, и ведомости о состоянии церквей, учитывавшие в составе прихожан и раскольников.

Среди жертвователей в пользу городских учебных заведений источники зафиксировали моршанского протоиерея Федора Михайлова, устьинского священника Афанасия Иванова, сокольниковского священника Сергия Дмитриева, Моршанской соборной церкви иерея Афанасия Иванова, той же церкви священника Григория Агишевского, священника Вознесенской церкви Сергея Дмитриева, священника Никольской церкви Алексея Федорова.

Учителя в основном были выходцами из духовенства, получившими профессиональную подготовку. В 1804 году в Тамбовском Главном народном училище математику, русский и латинский языки и «рисовальное искусство» преподавал титулярный советник Лукьян Антонович Антонов, 50-летний «малороссиянин» из Слободской Украины, из военнослужащих, получивший образование в Киевской духовной академии и в Санкт-Петербургской учительской гимназии; подал в отставку по состоянию здоровья – «глухота и слабость зрения» [6]. История и география находились в ведении 23-летнего учителя Ивана Андреевича Голубева, бывшего жителя Московской губернии «из духовного звания» [6], закончившего Московскую академию и Санкт-Петербургскую учительскую гимназию. Учитель 2-го разряда коллежский протоколист 38-летний Никифор Пальмов получил образование в Рязанской семинарии. В письме епископа Тамбовского Ионы директору училищ Тамбовской губернии И.П. Менделееву в ноябре 1819 года сообщалось, что бывшие учащиеся среднего отделения Тамбовской духовной семинарии Степан Елатомский, Петр Чуевский и Александр Романовский, исключенные «за неспособность продолжать науки и желающие служить в Министерстве народного просвещения за неимением препятствий уволены из духовного звания... Даны свидетельства из правления духовной семинарии о поведении, науках и успехах их» [7]. Протоиерей собора Михаил Гермогенов (обучался в Воронежской семинарии) был утвержден в должности законоучителя в Усманском уездном училище Советом Казанского университета. Дьякон Вознесенский был учителем приготовительного класса в Темниковском уездном училище. В Шацком уездном училище преподавали Василий Никольский

и законоучитель священник Никита Салтыков, в Козловском – Иван Салтыков (из учеников Тамбовской семинарии) и священник Ильинской церкви Андрей Студенецкий, в моршанском – священники Александр Севастьянов, Григорий Агишевский и Карп Алексеев («обучался в Тамбовской духовной семинарии с низших классов до окончания курса богословия»), в Усманском – священник Лука Вишневецкий и священник Иван Ивановский (учился в Тамбовском духовном уездном училище, потом в семинарии), в Елатомском – священник Дмитрий Федоров и законоучитель священник Василий Космин (оба обучались в Тамбовской духовной семинарии), в Темниковском – священник Михаил Дмитриев, дьякон Даниил Вознесенский, выпускник Пензенской семинарии Иван Лебедев, в Лебедянском – Василий Боголюбов и Дмитрий Кадомский [8, 9]. В Козлове функционировала школа пономаря Назарова на 24 ученика, а в Усмани – две частные школы, которые содержали дьякон Афанасий Анохин и дьячок Петр Дмитриев.

По воскресеньям и в табельные дни после чтения Евангелий и объяснения части литургии учащиеся училищ обязательно посещали церковь «для слушания Божественной литургии» [10].

«Отличнейшие из духовенства» [11] принимали активное участие в проведении «годового испытания» экзаменов по Закону Божию и Священно-церковной истории в городских учебных заведениях. «В сих предметах преосвященнейший Феофилакт сам много предлагал вопросы и отличнейшие из учеников, к порадованию чиновников училища, отвечали довольно основательно и проворно» [12] и были награждены книгами Священного Писания. В дни проведения экзаменов ученики в сопровождении дежурного учителя ходили ко Всенощному бдению и к Божественной литургии, в присутствии архипастыря Феофилакта пели молитвы. В Елатомском уездном училище в 1829 году на годовичном испытании учеников присутствовали смотритель духовного училища благочинный протоиерей Иоанн Стефанов с «прочим города Елатымы духовенством» [13].

В монастырях занимались предпринимательством. Так, в 1840-е годы поверенному монаху Саровской пустыни Гавриилу были выданы два билета на «заготовление в дачах той пустыни в урочищах» [14]. Монахи и трудники заготавливали и вывозили смолье, бересту, еловый и дубовый кряж, доски, осиновые и ело-

вые бревна, еловый донник, половые доски. По воде сплавляли дубовые колесные и бочкарные ободья. Иеромонах Исаяя, казначей Саровской пустыни, и ее игумен Нифонт руководили заготовкой и вывозом древесины (ольховые и дубовые дрова, еловые кряжи из валежника, еловые сырые и сухие бревна, еловый кровельный сухой тес, жерди осинового и березового, сосновые сухие валы, колесные дубовые спицы, дубовые доски, бочкарные доски), и отходов (ветролом, вершинник и валежник, сосновый клиник, осинового лодки, стланик, дровяной сухарник) [14].

В итоге проведенного исследования духовного сословия в составе населения провинциальных городов Тамбовской губернии в первой половине XIX века установлено, что в среде городского приходского православного духовенства уменьшалось количество священнослужителей и увеличивалось число церковнослужителей. Между отдельными *стратами*¹ духовенства, как и в других городах России, существовали незначительные перемещения.

Список литературы

1. *Акользина, М.К.* Образовательный уровень православного приходского духовенства в городах Тамбовской губернии в первой половине XIX века / М.К. Акользина // Православная история и традиционная культура : тезисы VI Международной научно-практической конференции, 24 марта 2014 года / Музей-усадьба С.В. Рахманинова «Ивановка» ; ред.- сост. И.Н. Вановская. – Тамбов : Издательство Першина Р.В., 2014. – С. 36–38.

2. *Акользина, М.К.* Православное приходское духовенство г. Моршанска Тамбовской губернии в первой половине XIX в. / М.К. Акользина // Провинциальное духовенство дореволюционной России : сб. науч. тр. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 1. – С. 9–19.

3. *Акользина, М.К.* Семья провинциального православного приходского духовенства в первой половине XIX в. / М.К. Акользина // Духовно-нравственное воспитание в системе среднего и высшего образования: традиции и инновации : материалы Всерос. науч.-

¹ По мнению Г.Л. Фриза, в России XIX века отмечалось существование в рамках сословий целого ряда небольших социальных групп – страт.

практ. конф., 12 окт. 2016 г. / Адм. Тамб. обл. [и др.] ; редкол.: Н.Е. Астафьева [и др.]. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 254–258.

4. *Акользина, М.К.* Тамбовские благотворители : (взаимоотношения купечества и Церкви в XIX в.) / М.К. Акользина // Тамбовские епархиальные ведомости. – 2012. – № 10 (58). – С. 44–48.

5. ГАТО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 68.

6. Там же. Д. 1. Л. 195.

7. Там же. Д. 20. Л. 56.

8. Там же. Д. 30. Л. 30

9. Там же. Д. 323. Л. 21, 33, 37.

10. Там же. Д. 3. Л. 101.

11. Там же. Д. 3. Л. 190.

12. Там же. Д. 3. Л. 191.

13. Там же. Д. 92. Л. 221.

14. ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1613. Л. 5.

15. Духовенство // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского ; издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., 1893. – Т. 11 (21). – С. 253–266.

16. *Елпатьевский, А.В.* Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII – начало XX в.) / А.В. Елпатьевский // Источниковедение отечественной истории, 1984 : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; отв. ред. В.И. Буганов, отв. секр. В.Ф. Кутьев. – Москва : Наука, 1986. – С. 34–72.

17. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. – Тамбов : Типо-литография Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1911. – 878, XX с.

18. *Миронов, Б.Н.* Американский историк о русском духовном сословии / Б.Н. Миронов // Вопр. истории. – 1987. – № 1. – С. 153–158.

19. *Миронов, Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демогр., соц. и экон. развитие / Б.Н. Миронов. – Ленинград : Наука, 1990. – 272 с.

20. *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : генезис личности, демократ. семьи, граждан. о-ва и правового гос-ва. В 2 т. Т. 1 / Б.Н. Миронов. – Санкт-Петербург : Дм. Буланин, 1999. – 548 с.

21. Орлова, В.Д. Материальное положение причтов городских церквей Тамбовской епархии во второй половине XIX в. / Орлова В.Д. // Провинциальное духовенство дореволюционной России : сб. науч. трудов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 1. – С. 28–39.

22. Хитров, Г.В. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / Г.В. Хитров. – Тамбов : В тип. коллеж. регистратора К.И. Закржевского, 1861. – 340 с.

UDC 930.8

THE CLERGY AS PART OF THE POPULATION OF A PROVINCIAL TOWN IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Marina K. Akolzina

PhD in History

Associate Professor

Department of Linguistics and
Humanitarian-Pedagogical Education

Derzhavin Tambov State University

E-mail: akolmarina@yandex.ru

Dmitri A. Sytin

Fourth year student

Derzhavin Tambov State University

E-mail: sytin.dima2015@yandex.ru

For citation: *Akolzina, M. K., Sytin, D.A.* The Clergy as Part of the Population of a Provincial Town in Russia in the First Half of the 19th Century. Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue. 8. P. 46–57.

Abstract

The article attempts to trace the change in the number of representatives of the clergy in the population of the district cities of Tambov province, as well as the composition of the clergy, occupation, financial situation, social mobility

on the basis of administrative and Church statistics. In the County towns, the Orthodox clergy performed a variety of functions.

The main material for the study of the clergy living in the city was the data of secular and Church records: audit tales, confession statements, statements about the state of churches, etc.

Keywords: parish clergy; clergy; clergy; parish; urban parishes.

Referens

1. *Akolzina, M.K.* Obrazovatel'nyi uroven' pravoslavnogo prihodskogo dukhovenstva v gorodakh Tambovskoi gubernii v pervoi polovine 19 veka [Educational Level of the Orthodox Parish Clergy in the Towns of Tambov Province in the First Half of the 19th Century] / Orthodox history and traditional culture : abstracts of the 4th International Scientific and Practical Conference, 24 March, 2014 / S.V. Rakhmaninoff Memorial Estate. Ed. by I.N. Vanovskaya. Tambov, Izdatel'stvo Pershina R.V., 2014, pp. 36–38. (in Russian)

2. *Akolzina, M.K.* Pravoslavnoe prihodskoe dukhovenstvo g. Morshanska Tambovskoi gubernii v pervoi polovine 19 v. [Orthodox Parish Clergy of Morshansk, Tambov Province in the First Half of the 19th Century] / M.K. Akolzina // Provincial clergy of pre-revolutionary Russia: collection of scientific works. Tver, Tver State University, 2005, issue 1, pp. 9–19. (in Russian)

3. *Akolzina, M.K.* Sem'ya provintsial'nogo pravoslavnogo prihodskogo dukhovenstva v pervoi polovine 19 v. [Family of Provincial Orthodox Parish Clergy in the First Half of the 19th Century] / M.K. Akolzina // Spiritual and moral education in the system of secondary and higher education: traditions and innovations: materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Oct 12 2016 / Adm. Tamb. obl. [etc.]; Editorial: N.E. Astafyeva [etc.]. Tambov, Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2016, pp. 254–258. (in Russian)

4. *Akolzina, M.K.* Tambovskie blagotvoriteli: (vzaimootnosheniya kupechestva i Tserkvi v 19 v.) [Tambov Philanthropists: (the Relationship of Merchants and the Church in the 19th Century)] / M.K. Akolzina // Tambov diocesan journal, 2012, no. 10 (58), pp. 44–48. (in Russian)

5. GATO. F. 105. Op. 1. D. 68. [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 68.]. (in Russian)
6. GATO. F. 105. Op. 1. D. 1. L. 195. [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 1. Sheet 195]. (in Russian)
7. GATO. F. 105. Op. 1. D. 20. L. 56. [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 20. Sheet 56]. (in Russian)
8. GATO. F. 105. Op. 1. D. 30. L. 30 [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 30. Sheet 30]. (in Russian)
9. GATO. F. 105. Op. 1. D. 323. L. 21, 33, 37. [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 323. Sheets 21, 33, 37]. (in Russian)
10. GATO. F. 105. Op. 1. D. 3. L. 101. [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 3. Sheet 101]. (in Russian)
11. GATO. F. 105. Op. 1. D. 3. L. 190. [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 3. Sheet 190]. (in Russian)
12. GATO. F. 105. Op. 1. D. 3. L. 191. [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 3. Sheet 191]. (in Russian)
13. GATO. F. 105. Op. 1. D. 92. L. 221. [The State Archives of Tambov Region. Fund 105. Series 1. File 92. Sheet 221]. (in Russian)
14. GATO. F. 12. Op. 1. D. 1613. L. 5. [The State Archives of Tambov Region. Fund 12. Series 1. File 1613. Sheet 5]. (in Russian)
15. *Dukhovenstvo // Entsiklopedicheskii slovar'* [The clergy // Encyclopedic Dictionary]. / Ed. by Prof. I.E. Andreyevsky. Publishers: F.A. Brockhaus (Leipzig), I.A. Efron (St. Petersburg), ST. Petersburg, 1893, vol. 11 (21), pp. 253–266. (in Russian)
16. *Elpatievsky, A.V. Zakonodatel'nye istochniki po istorii dokumentirovaniya soslovnoi prinadlezhnosti v tsarskoi Rossii (18 – nachalo 20 v. [Legislative Sources on History of Documenting State in Tsarist Russia (18th – Early 20th Centuries) / A.V. Elpatievsky // Sources of domestic history, 1984, Collection of articles / Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR; ed.-in-chief Buganov, executive editor V.F. Kutiev. Moscow, Nauka, 1986, pp. 34–72. (in Russian)*
17. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Tambovskoi eparkhii [Historical and Statistical Description of Tambov Diocese]. / ed. A.E. Andrievsky. Tambov, Tipo-lithografiya N. Berdonosova i F. Prigorina, 1911. 878, XX p.*

18. *Mironov, B.N.* Amerikanskii istorik o russkom dukhovnom soslovii [American Historian about the Russian Clerical Order]. / B.N. Mironov // Issues of History, 1987, no. 1, pp. 153–158. (in Russian)

19. *Mironov, B.N.* Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demogr., sots. i ekon. razvitie [Russian Town in the 1740s-1860s: Demographic, Social and Economic Development]. / B.N. Mironov. Leningrad, Nauka, 1990. 272 p. (in Russian)

20. *Mironov, B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (18 – nachalo 20 v.): genesis democrat. sem'i, grazhdan. O-va i pravovogo gos-va [Social History of Russia in the Imperial Period (18th–Early 20th Centuries): the Genesis of Personality, Democratic Families, Civil Society and Rule-of-Law State]. In 2 vols., vol. 1 / B.N. Mironov. St. Petersburg, Dm. Bulanin, 1999. 548 p. (in Russian)

21. *Orlova, V.D.* Material'noe polozhenie pritchnov gorodskikh tserkvei Tambovskoi eparkhii vo vtoroi polovine 19 v. [The material Situation of the Clergy of Town Churches of Tambov Diocese in the Second Half of the 19th Century]. / Orlova V.D. // Provincial clergy of pre-revolutionary Russia. Collection of scientific works. Tver, Tver State University, 2005, issue 1, pp. 28–39. (in Russian)

22. *Khitrov, G.V.* Istoriko-statisticheskoe opisaniye Tambovskoi eparkhii [Historical and Statistical Description of Tambov Diocese]. / G.V. Hitrov. Tambov, Tipografiya kollezhskogo registratora K.I. Zakrzhevskogo, 1861. 340 p. (in Russian)

УДК 82-6

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ СЕМЕЙСТВА ГОЛДОБИНЫХ (К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОБРЕТЕНИЯ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО ИЛАРИОНА ТРОЕКУРОВСКОГО)

Каширина Варвара Викторовна

доктор филологических наук, профессор
Российской академии живописи, ваяния
и зодчества Ильи Глазунова
E-mail: v_kashirina@mail.ru

Для цитирования: *Каширина, В.В.* Памятные записки семейства Голдобиных (к 20-летию со дня обретения мощей преподобного Илариона Троекуровского) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 58–67.

Аннотация

Настоящая публикация содержит рукописные воспоминания Анны Николаевны Голдобиной о преподобном Иларионе Троекуровском, основателе и небесном покровителе Свято-Дмитриевского Троекуровского Иларионовского женского монастыря, с авторскими комментариями и пояснениями. Данный архивный материал впервые вводится в научный оборот и его публикация приурочена к 20-летию обретения мощей преподобного Илариона Троекуровского, прославленного в соборах святых Тамбовской, Рязанской, Липецкой и Воронежской епархий.

Ключевые слова: преподобный Иларион Троекуровский; подвижник; семейство Голдобиных; духовные чада.

Преподобный Иларион Троекуровский (1774–1853) является основателем и небесным покровителем Свято-Дмитриевского Троекуровского Иларионовского женского монастыря, который ныне возрождается в Липецкой области. Ровно 20 лет назад, 13 июля 1999 года, состоялось обретение мощей святого угодника Божиего, прославленного в соборах святых Тамбовской, Рязанской, Липецкой и Воронежской епархий.

Почитание преподобного Илариона Троекуровского началось сразу после его кончины. Известно, что на погребение

старца собралось до 10 тысяч богомольцев. Среди близких его духовных чад были сестры Голдобины – Александра Николаевна и Анна Николаевна, а также семейство Ключаревых – Федор Захарович (1810–1872) и Александра Николаевна (+1881). Федор Захарович Ключарев и Александра Николаевна Голдобина по благословению старца стали его душеприказчиками. Благодаря их трудам в 1857 году община была учреждена указом Священного Синода, а также значительно благоукрашена и благоустроена.

После кончины старца Илариона Федор Захарович вместе со своей семьей поселился при Оптиной пустыни, пользуясь наставлениями оптинских старцев. Спустя некоторое время супруги приняли монашество. Федор Захарович – в Оптиной пустыни. Александра Федоровна – в Белевском Крестовоздвиженском монастыре. Как дань памяти своему первому духовному руководителю, много времени и сил Федор Захарович отдал на соби́рание материалов и подготовку жизнеописания старца Илариона. Он подробно расспрашивал всех близких к старцу людей, его духовных чад, записывал их воспоминания или просил их самих записать свои воспоминания и передать ему для работы. Как впоследствии отмечал архимандрит Агапит (Беловидов), Ф.З. Ключарев «при жизни говаривал, что никто не имеет об о. Иларионе столь точных и подробных сведений, как он» [1, с. 3–4].

При жизни Ф.З. Ключарева (в монашестве Феодора) многочисленные материалы [3, 4], собранные им, не были подготовлены к изданию. По его кончине они были использованы о. Агапитом (Беловидовым), учеником и письмоводителем преподобного Амвросия Оптинского, при составлении жизнеописания троюкуровского подвижника [1].

Как впоследствии вспоминал о. Агапит, он пришел к о. Амвросию и просил совета, взяться ли ему за составление жизнеописания старца Илариона Троюкуровского. «Старец о. Амвросий на это с ласковою улыбочкою ответил:

– Возьмись, возьмись, да и поучись, как надо будет писать жизнеописание-то.

А сам все улыбается и улыбается... Точно он предвидел, что приведет Господь мне писать его жизнеописание» [2, с. 404].

«Жизнеописание в Бозе почившего Троекуровского затворника Илариона Мефодиевича Фокина, основателя Богородичного Иларионовского женского монастыря» было подготовлено о. Агапитом в 1888 году и было признано лучшим и самым полным житием троекуровского старца.

В жизнеописание частично вошли записки Анны Николаевны Голдобиной [1, с. 97–109]. Составитель отмечал, что эти воспоминания «могут дать наглядное понятие о взаимоотношениях между старцем и этим благочестивым семейством» [1, с. 103].

В архиве Оптиной пустыни сохранился автограф воспоминаний Анны Николаевны Голдобиной с небольшой редакторской правкой, которые значительно дополняют опубликованные материалы. Рукописные воспоминания Анны Николаевны Голдобиной по архивному источнику публикуются впервые.

Памятные записки семейства Голдобиных¹

Покойные наши родители очень давно знали о Богоугодной жизни отца Илариона, и по смерти нашего родителя мать наша осталась вдовою, имевши у себя 6 человек детей в самых еще юных летах. При такой своей горести она не искала ни в чем себе утешения, кроме Единого Господа и Пресвятой Богородицы, и в безмерной скорби своей всегда прибегала к святым молитвам отца Илариона; она изливала пред ним все горестные чувства души своей, которой с христианскою любовью соучаствовал скорбям ее и подавал ей мудрые духовные советы и наставления в перенесении ее горестей и в угнетенной жизни вдовства ее с юными сиротами (четырёх дочерей и двух сыновей), и к дополнению сего матушка наша была в расстроенных обстоятельствах своего состояния: и когда время от времени приходило оное в упадок, должно было приступить к продаже трех деревень ее за сходную цену. В таком положении мать наша поверглась к стопам старца и усиленно просила его святых молитв к умилоствлению всех Промысленника Бога! к ее сирым детям. Тогда отец Иларион! утешил ее, подбодрил упованием на благость Божию, но между сим временем он возложил на себя пост и молитву, ко успокоению всех нас. И молитва его много успеха к улучшению нашего состояния.

¹ Публ. по: [5].

Следует не умолчать и сего. Помещик села сего Иван Иванович г. Раевский¹, имевши в селе своем сего добродетельного подвижника и внимая строгой святой жизни его, коего сам и вызвал к себе на жительство, много уважал старца и нередко посещал его. – В одно время, когда г. Раевской посетил его, он тотчас стал просить г. И.И. Раевского, дабы он принял участие в нашем положении и, сколько ему возможно, помог госпоже Голдоб<иной>. Он из уважения старца старался всячески желал быть нам полезен, и когда посетил нас, то спрашивал матушку нашу, говоря ей: «Научите меня, чем я могу вас успокоить, меня просил о вас отец Иларион. Я готов вам помочь, если только могу. Что вам сделать полезное с вашими сиротами».

Матушка наша благодарила за милостивое внимание к ней с ее семейством; но он после сего уже неоднократно посещал нас и, приняв все наше семейство под свое покровительство по просьбе нашего Батюшки отца Илариона, понуждал непрестанно сказать ему, какие ему принять меры к нашему общему спокойствию. Ибо он сам утверждал сию истину, говоря: «Когда я прихожу на молитву в мой храм и стою пред чудотворною иконою Владимирской Божией Матери, то как будто какой глас слышу от образа Ее: “Твоя молитва не будет услышана: до тех пор пока не успокоишь вдову с сиротами”». Г. Раевский говорил матушке нашей: «Я готов исполнить волю и просьбу старца, дабы вас успокоить». Матушка наша, быв удивлена таковым чудом, что причитала святым молитвам старца Илариона, сказала² Раевскому: «Вот, благодетель наш, чем вы меня с моим семейством можете успокоить, купите мою большую деревню Каменку за ту самую цену, какую я сама заплатила, и тем самым вы пополните все наши недостатки. Г. Раевский с радостью согласился принять сие предложение, говоря: «Хотя мне ваша деревня совсем не нужна, но желая тем угодить отцу Илариону и вам в том помочь, даю за ваше имение ту самую сумму, что вы за оную дали и, хотя я не имею теперь наличных денег, но беру ваш долг на себя и вам остаюсь в долгу, и в скором времени расплачусь с вами». Действительно, так и было. Г. Раевский во всем

¹ Раевский Иван Иванович (ок. 1768–1850) – владелец села Троекурова. По его приглашению в Троекурово поселился старец Иларион и впоследствии основал женскую общину.

² Первоначально в тексте написано: «быв в удивлении таком чудом, что причитал святым молитвам».

матушку нашу и нас всех успокоил покупкою деревни нашей. Тут еще более удостоверились мы все в сильных молитвах отца Илариона и в его предведении будущего; ибо он говорил, чтобы мы только¹ надеялись на милость Божию, а Бог сирых не оставит, но утешит. Слава благодати Божией! Мы всегда обязаны помнить и благодарить Господа и доброго подвижника в Бозе почившего отца Илариона, который своими мольбами возвратил нам наше достояние, ибо довольно получа за деревню нашу остальных денег от г. Раевского, матушка наша² опять улучшила наше состояние, и мы все снова оживились.

Впрочем, много и много времени к описанию дивных чудес, бывающих от отца Илариона, но сокращая оное, изъяснить хотя несколько отчасти.

Отец Иларион, любя все наше семейство, а в особенности старшую сестру нашу Александру Николаевну, позволял нам нередко бывать у него, а наипаче сестре нашей, которой однажды, предвидя наперед внезапную болезнь ее, прислал ей³ всю разбитую просвиру и велел чрез посланного спросить о ее здоровье, но здоровье ее было уже в отчаянном положении; ибо во время зимнее она, поскользнувшись, упала на обледенелую железную скобку и вся разбилась до такой степени, что сильно рассекла себе нос, ручьями текла у нее кровь и она слегла в постель, но за его святыми молитвами и при помощи доктора и просвиры от старца, которую больная кушала по милости Божией, получила уже после долгого времени исцеление от болезни.

Смерть матушки нашей и двум сестрам за несколько времени предсказал и подтвердил, что нас только останутся две. Так пророчество его и исполнилось. Болезнь мою тоже уврачевал дивно. Я имела на правой коленки большую опухоль, в которой оказалась затверделость, и внутри оной после сего образовалось как бы самое мелкое семя и, когда, касаясь до оной опухоли рукою, то чувствовала большую боль, и можно было осязать рукою, как рассыпалась что-то в сей опухоли. И когда мы просили Батюшку, дабы он помог мне в том, то он изволил дать масло от святых икон его и приказал

¹ Первоначально в тексте написано: «чтобы только мы».

² Первоначально в тексте написано: «и матушка».

³ Первоначально в тексте написано: «предвидя вперед внезапную болезнь ее, прислал ей».

помазать мне оным три раза больную коленку, что я вскоре исполнила. – И вот дивно болезнь моя внезапно прошла и опухоль тут же исчезла.

Еще я от испуга страдала унынием и бессонницею и неизъяснимым каким-то страхом, в особенности при закате солнца вечером и ночью, так что я приходила вне себя, и когда сестра моя Александра Николаевна, бывши у Батюшки отца Илариона, сказала ему о моей болезни, то он изволил ей дать ветку вайи и приказал оную меня три раза ударить, сестра моя по приезде от него и при встрече меня исполнила его приказание, и вскоре после сего я избавилась от ужасного страха.

Еще я помню чудный случай его прозорливости в юности еще всех нас, когда по смерти нашего родителя мы приехали все к Батюшке. И он по милости своей благословил всех моих сестер образами, а меня ничем: то я о сем много скорбела и, пришедши к одной старице в келью, села и очень уныла духом, и мыслила, говоря сама с собою: «Вот и от Батюшки ничего не получила в благословение в путь. (Ибо мы отправлялись тогда¹ в С.-Петербург.) и размышление мое было сие, хотя бы меня Батюшка благословил крестом в утешение. В таком унынии сидя, я вдруг услышала стук в дверь, келейный его Никита² входит, поднося мне от Батюшки крест и говоря: «Вот вам Батюшка прислал»³. Я удивилась, как он скоро проникнулся моими чувствами и, благодаря келейного, приняла оной к неизъяснимым чувствам радости, крест сей был кипарисовый небольшой на красной орденской ленте, шириною пальца в два, который я соблюдаю даже и по сие время.

Еще вот одно событие, кое меня много удивило, по приезде нашем из С.-Петербурга, когда мы все пришли к дивному сему подвижнику, он всех нас много приветствовал и приказывал нам жить в Задонске, делал много наставлений, как покойной нашей матушке, так и сестрам, а как я была большая любительница до музыки и нередко забавлялась с фортепьянами, и по молодости моей пришла мне мысль, стоя пред самым старцем, благословит ли мне Батюшка играть так часто на фортепьянах и петь, и при желании таковом изъяснить оное Батюшке. Он скорее предупре-

¹ Слово вписано над строкой.

² Первоначально в тексте написано: «его келейный Никита».

³ Первоначально в тексте написано: «говоря: вот крест вам Батюшка прислал».

дил меня еще прежде моего вопроса. Обращаясь собственно ко мне и говорит: «А ты, Анна, если будешь играть на фортепьянах: то не ходи ко мне в келью». Это чудо даже потрясло мои чувства, и слова такового кроткого старца как будто бы угрожали меня продолжать мою забаву, я оставляла постепенно уже занятие мое в пении и игрании, а только иногда играла и пела что-нибудь духовное и малопомалу отвыкла от музыки; наконец, он приказал даже продать и фортепьяно, и тем кончились мои мирские забавы.

По благому же изволению отца Илариона мы из С.–Петербурга переселились на жительство в Задонск и оттуда приказал переехать в нашу задонскую деревню, где проживши около пяти лет, благословил нас купить деревню близ себя в расстоянии одной версты, и когда мы совсем сюда переселились, то он приказал сестре моей Алек<сандре> Нико<лаевне> взять на себя труд стараться об устройстве женской обители при его гробе, о которой он еще за несколько лет предсказывал, что будет здесь обитель; действительно, так и случилось. Его прозорливость оправдала его доверие сестре моей, она за его молитвами при помощи Всевышнего успела исполнить его желание в скором времени, обитель женская ныне уже существует в селе Троекурове с предоставляемой ей от старца Илариона землею¹; ибо с помощью многих благодетелей старец купил для своей обители 362 десят. земли, коею обитель ныне довольствуется. Но в покупке сей земли и устройстве обители были предивные чудеса Божии, предведение отца Илариона по смотрению Божию на самом деле совершилось таким дивным образом, ибо, начиная покупать землю для устройства своей обители, старец не имел у себя никакой наличной суммы. Сделавши же сестру мою своей душеприказчицей, немедленно велел ей покупать такое большое количество земли; мы же, видя, что старец не имел у себя в готовности денег, стали унывать духом, говоря: «На что вы, Батюшка, хотите купить землю, у вас нет денег и у нас: то как же с этим быть», – но он не пременял своего желания, подтверждая тем, что он надеется на Бога и на Царицу Небесную, Кои ему помогут в собрании денег для покупки земли сей. И действительно, он просил всех своих благодетелей, кого лично, а кого чрез письма помочь ему, и в скором времени набрал более сорока тысяч, уважая его, многие ему жертвовали, по тысячи, по две и менее ассигнациями, а главные его

¹ Первоначально в тексте написано: «и принадлежащей ему землею».

благодетели г. Кл<ючаревы> пожертвовали 7000 р. ассигн., из С.-Петер. 12 000 руб. ассигн. Громовы, о коих он прежде предрекал, говоря, что мне даст одна добрая барыня 10 000 руб. ассигн., и подлинно сделалось чудо, когда по недостатку денег за 2-ю половину земли, заложила сию землю по совершении крепости тому же помещику г-ну Хвощинскому, мы пришли в большое уныние духа, полагая, что и деньги, заплаченные слишком 20 000 руб. ассигн., и земля в закладе пропадут, судя по тому, что у старца много недоставало суммы на другую половину земли, и в ужасном с сестрою были мы смущении¹, то, к удивлению нашему, вдруг на почте присылает г-жа Громова билет на имя сестры А<лександры> Н<иколаевны> в три тысячи руб. серебром, не исключая в оном и процентов для доставления отцу Илариону на покупку земли для его обители, тут-то мы удивились твердому упованию на благость Божию отца Илариона и вспомнили его предсказание, то он нам объявил прежде, чтобы мы не сомневались в недостатке денег, что у него есть добрая барыня, которая даст ему денег² 10 000 руб., и после сего тоже от многих благотворителей набралась и другая половина денег, более 20 000, коими выкупили заложенную землю и оставили чистою за обителью в вечное владение в пользу оной. Вот какой дивной жизни был старец, что ему все возможно было упросить от Бога.

Список литературы

1. Жизнеописание в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле : в 2 ч. / сост. схиархимандрит Агапит (Беловидов). – Репр. воспр. изд. 1900. – Сергиев Посад : Изд-во Св.-Троиц. Сергиевой Лавры, 1992. – 152 с.

2. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. – Москва : Отчий дом, 1997. – 415, [1] с.

3. *Ключарев, Ф.З.* Сказание о жизни и подвигах старца Илариона, основателя Владимирской Троекуровской женской общины / Ф.З. Ключарев // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт-325. Ед. хр. 1.

4. *Ключарев, Ф.З.* Памятные записки о прозорливости и предвещении в Бозе скончавшегося старца отца Илариона / Ф.З. Ключарев // НИОР РГБ. Ф. 214. К. 325. Оп. 2. Ед. хр. 8.

¹ Первоначально в тексте написано: «и в ужасном мы с сестрою были смущении».

² Первоначально в тексте написано: «которая ему даст денег».

5. Памятные записки семейства Голдобиных. См.: Ключаревы Федор Захарович и Александра Николаевна. Сведения о жизни основателя Владимирской Троекуровской женской общины Илариона, собранные Федором Захаровичем и Александрой Николаевной Ключаревыми от разных лиц, в автографах, копиях и записях рукою Ф.З. Ключарева, 1853–1865 // НИОР РГБ. Ф. 214. Опт-325-2. Л. 23–28 об.

UDC 82-6

**MEMORIAL NOTES OF THE GOLDOBINS
(FOR THE 20TH ANNIVERSARY OF
THE UNCOVERING OF THE RELICS
OF THE VENERABLE HILARION OF
TROEKUROVO)**

Kashirina Varvara V.

Doctor of Philology, Professor
Ilya Glazunov Russian Academy of
Painting, Sculpture and Architecture
E-mail: v_kashirina@mail.ru

For citation: *Kashirina, V.V.* Memorial Notes of the Goldobins (for the 20th Anniversary of the Uncovering of the Relics of the Venerable Hilarion of Troekurovo // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue. 8. P. 58–67.

Abstract

The article contains handwritten memoirs of Anna Nikolaevna Goldobina about the Venerable Hilarion of Troekurovo, founder and heavenly patron of the Holy Dmitrievsky Troekurovo Hilarion Convent, with author's comments and explanations. It is the first time that this archival material is introduced into scientific circulation, and its publication is dedicated to the 20th anniversary of the uncovering of the relics of the Venerable Hilarion, glorified in the cathedrals of Tambov, Ryazan, Lipetsk and Voronezh dioceses.

Keywords: Venerable Hilarion of Troekurovo; devotee; the Goldobins; penitents.

References

1. *Agapit (Belovidov), Archimandrite*. Zhizneopisanie v Boze pochivshogo Troekurovskogo zatvornika, startsa Ilariona Mefodieвича Fokina, osnovatelya Bogorodnichnogo Troekurovskogo zhenskogo monastyrya [The Life of the Deceased Hermit of Troekurovo, Elder Hilarion Methodius Fokin, Founder of the Mother of God Hilarion Troekurovsky Convent]. Moscow, 1888. (in Russian)

2. Zhizneopisanie Optinskogo startsa ieroskhimonakha Makariya [The Life of the Optina Elder Hieroschemamonk Makarii]. Moscow, Otchii dom, 1997. 415, [1] p. (in Russian)

3. *Klyucharev, F.Z.* Skazanie o zhizni i podvigakh startsa Ilariona, osnovatelya Vladimirskei Troekurovskoi zhenskei obshchiny [The Story of the Life and Heroic Deeds of Elder Hilarion, the Founder of the Vladimir Troekurov Covent]. Research Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund. 214. Series 325. File one. (in Russian)

4. *Klyucharev, F.Z.* Pamyatnye zapiski o prozorlivosti i predvedenii v Boze skonchavshegosya startsa otsa Ilariona [Memorable Notes on the Insight and Foreknowledge of the Deceased Elder Father Hilarion]. Research Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund. 214. K. 325. Series 2. File 8. (in Russian)

5. Pamyatnye zapiski semeistva Goldobinykh [Memorable Notes of the Goldobins]. See: The Klyucharyovs, Fedor Zakharovich and Aleksandra Nikolaevna. Information about the Life of the Founder of Vladimir Troekurovo Hilarion Covent, collected by Fyodor Zakharovich and Aleksandra Nikolaevna Klyucharyov from different people, in autographs, copies and notes by F.Z. Klyucharyov, 1853–1865 // Research Department of Manuscripts, Russian State Library. Fund 214. Series 325-2. Sheets 23–28 on the reverse side.

УДК 17.026

ПРОБЛЕМЫ ПОВЕДЕНИЯ ПРИХОЖАН В ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Орлова Вера Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры
церковной истории Тамбовской духовной
семинарии

E-mail: verorl@yandex.ru

Для цитирования: Орлова, В.Д. Проблемы поведения прихожан в православных храмах во второй половине XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 68–78.

Аннотация

В статье проанализировано влияние охватывавшей все более широкие слои населения моды на внешний облик и поведение паствы православных приходов. В качестве источников использованы отчеты отцов благочинных Тамбовской епархии и изданные на рубеже XIX и XX веков книги о правилах поведения в обществе. Основное внимание уделено горожанам. Выделены наиболее беспокоившие духовенство новые манеры поведения прихожан. Затронуты некоторые детали траурного и свадебного костюмов и церемонии. Сделаны выводы о роли модернизации общества в нарушении православных традиций.

Ключевые слова: духовенство; прихожане; мода; модернизация общества; этикет.

В середине XIX века в Российской империи православное вероисповедание было доминирующим во всех слоях общества. Но общество не оставалось неизменным. Наступило время развития урбанизации страны и модернизации общественных отношений. Возникали противоречия между традициями и новыми веяниями. Формировалась индустрия моды. Менялись принципы воспитания поведенческих навыков детей и молодежи. После отмены крепост-

ного права резко возросла территориальная и социальная мобильность населения. В повышении статуса человека важную роль стали играть денежные доходы. Для внешней фиксации достижений на социальной лестнице, в первую очередь, использовался костюм и смена публичного поведения. Ведь их сменить быстрее и легче, чем культуру речи, уровень образования, эрудиции и бытовую культуру. Подобная ситуация, отчасти, напоминает состояние общества в начале XXI века, когда для достижения имиджа многие ориентируются на доносимые средствами массовой информации поверхностные модные веяния. Поэтому обращение в прошлое актуально для осознания нынешних проблем.

В рассматриваемый период широкое распространение получили издания с рекомендациями по соблюдению светских манер поведения. Более ранние из них, в основном переводные, предназначались для воспитателей подростков и юношеского полезного чтения. Они имели вполне светский характер, отражавшийся в названиях. «Искусство быть забавным в беседах», «Разговор о свете», «Наука быть учтивым», «Женская школа, или Нравоучительные правила для наставления прекрасного пола, как оному в свете разумно себя вести при всяких случаях должно» и т.п. В них не было разделов о поведении в православном храме, т.к. в основе лежали книги католических или протестантских стран. Затем главным адресатом советов по этикету стали взрослые люди, не получившие в детстве и отрочестве должного светского воспитания, но желавшие внешне представить себя в обществе наравне с выпускниками элитных учебных заведений. Включение в изданные на рубеже XIX и XX веков сборников правил по этикету глав о поведении в храме и роли Церкви в воспитании детей было не обязательным. Но все подобные книги служат источником, позволяющим представить отношение зажиточной верхушки общества к церковным таинствам.

Так как приходской храм был местом коммуникации жителей, то новые веяния не миновали приходские общины. Проблема эта была не нова для Церкви. И в эпоху Ивана Грозного обнародовались рекомендации о необходимости смиренного поведения в церкви даже царственных женщин. Прихожанке надлежало всю службу стоять в левом нефе, крестообразно сложив руки. Осуждались праздные разговоры в храме. Трудно сказать, насколько уда-

валось достичь этого единообразия на практике даже в конце сурового средневековья.

Вот и в XIX веке духовенство с нарастающей тревогой стало отмечать нерегулярное посещение служб, раскованное поведение прихожан и общее несоответствие, с его точки зрения, модных нарядов православным традициям. В отчетах благочинных церковью Тамбовской епархии в 1890–1910-е годы мы видим их нарастающее недовольство поведением прихожан, их внешним обликом на праздничных богослужениях [1]. В первую очередь это касалось представителей городов и крупных пригородных сел. Из сельской глубинки подобные сетования были редкими. На первом месте по подобным замечаниям стоят города Тамбов и Козлов с их развитой инфраструктурой и торговлей. О новых веяниях в поведении и выборе одежды священники иногда отзывались как о «железнодорожной культуре», имея в виду, порой безвкусные, внешние заимствования моды и манер поведения, которые провинциалы подсматривали на вокзальных перронах и получали из быстро доставлявшейся поездами корреспонденции.

В первую очередь духовенство отмечало следующие негативные тенденции: посещение храма в праздник только представителями семьи, обычно старухами и женщинами среднего возраста с ребятишками; экономия на свечках (покупали мало или приносили с собой свои, уносили огарки); скупые пожертвования на храм и нужды причта; праздные разговоры в храме; желание обратить на себя внимание, пробравшись вперед в любой толпе; стремление родственников и знакомых стоять общей кучкой без разделения по полу; пьяный разгул на свадьбах и крестинах; унижение членов причта. Реже всего современники отмечали недопустимое поведение в храме на отпевании и похоронах. А вот поминальные обеды в традициях ресторанного застолья были осуждаемы многими.

Испокон веков на церковных службах свахи и будущие свекрови оценивали потенциальных невест по их внешности и престижным нарядам. Ярмарка невест была непременным атрибутом многих праздников. Претензии духовенства к выбору прихожанами их праздничного костюма, чаще всего женского, заключались в следующем. В рассматриваемое время, во-первых, одежда, как никогда, вызывала зависть у окружающих и активно обсуждалась во время богослужения, а иногда становилась предметом громких

ссор. Во-вторых, нарушались традиции четкой фиксации в одежде и прическе возраста и семейного статуса девушки и женщины. Молодые рано надевали костюм и украшения взрослого типа, пользовались косметикой, носили модные головные уборы европейского образца. Изменилось общественное восприятие девичьих причесок. Дело в том, что с 1832 года нижняя планка брачного возраста девушек была поднята с 12 до 16 лет. Пока венчали с 12 лет, празднично распущенные по плечам волосы 10-летней потенциальной невесты никого в храме не смущали. Но в начале XX века уже не считались безнадежными перестарками девушки лет 22–23-х. И их роскошные волосы до колен, пусть и повязанные атласной лентой, уже вызывали разговоры. Одни считали эту прическу недопустимой, а другие любовались поющими на клиросе длинноволосыми красавицами в полном соку. Засидевшиеся в девках крестьянки не хотели демонстрировать соответствующей сменой своего костюма и прически крушение надежд на первобрачного жениха.

Традиционное восприятие начала старения женщины относилось годам к 35. Примерно в это время рождались первые внуки от дочерей. Много рожавшая и тяжело работавшая крестьянка этих лет, хотя еще могла иметь своих малышей, выглядела соответственно этим представлениям. Но городской образ жизни к концу XIX века продлил время женской привлекательности. Горожанки уже не собирались смиренно лет с сорока принять и отразить в костюме свою наступившую старость. Хотя книги по этикету настаивают, что после 35 лет уже нельзя надевать украшения молодости, а с 40 недопустимо ни по каким случаям носить белые платья, после пятидесятилетия лиф платья должен быть всегда покрыт накидкой, шалью или жакетом, а волосы скрыты, как минимум, кружевной наколкой, эти рекомендации нарушались, прежде всего, в семьях торговцев. В приходах порой бушевали страсти из-за конфликтов еще молодых женщин с молодящимися товарками, общественным мнением уже причисленными к старухам. Взрослые сельские прихожанки тоже не хотели сохранять элементы традиционного костюма, показывавшие количество детей, и вовремя отразить в одежде статус бабушки-старухи. Они как бы продляли свой бабий век по-прежнему яркими и сложными нарядами.

Косвенным отражением негативного отношения образованной публики к утрачиваемой в народе традиции «говорящего» жен-

ского русского костюма были некоторые произведения изобразительного искусства. Особенно детально старались отразить в картинах и рисунках на исторические сюжеты соответствие одежды возрасту и семейному статусу женщин А.П. Рябушкин, В.М. и А.М. Васнецовы. Репродукции их работ печатались в качестве наглядного пособия для школ.

В-третьих, изменилась колористика одежды в целом. Предпочтение фабричным тканям и галантерее, следование модным расцветкам, ношение бижутерии в массе порождало провинциальную безвкусицу. В-четвертых, некоторые девушки и женщины стали надевать в храм праздничные платья с сильно открытой грудью, спиной, руками. В большинстве своем они не разбирались в правилах этикета о ношении декольтированного костюма. В свете его не полагалось надевать раньше шести вечера и являться в нем на заутреню, вне бала декольте прикрывали накидкой. А богатые необразованные прихожанки щеголяли в декольте на дневном венчании или крестинах, с вечера приходили расфуфыренными на пасхальную службу. В-пятых, как никогда раньше, активно стала использоваться парфюмерия, и в большой праздник аромат модных цветочных одеколонов почти перебивал в храме запах ладана, хотя пособия по светскому этикету настоятельно советовали не использовать для посещения публичных мест особенно сильно пахнущие мускусные духи.

К. Светозарская в изданной впервые в 1880 году книге «Светские манеры» в главе «В церкви» не только подчеркнула важность следования нормам поведения в храме, но и отразила свою встревоженность реальным положением вещей. «К сожалению, нельзя не признаться, что сама церковь не избегла пагубного нигилистического направления, прокравшегося с недавнего времени в наше русское общество, и нередко молодые люди обоего пола входят в храм Божий с излишнею, неприличною развязностью, смело поглядывают по сторонам, как будто на каком-нибудь рауте, отыскивая знакомые лица, и вместо правильного креста пошевеливают только пальцами между пуговицами своего мундира, если они военные, или по накрахмаленной груди модной сорочки, если они штатские, или около завязок своей шляпки, если это женщина, более или менее щеголевато одетая» [8, с. 20]. Автор напоминает, что пришедший после начала службы прихожанин должен

стать у стены, а не пробираться вперед, что при чтении Евангелия должно склонить голову, что беседа в храме неуместна, что осуждение других молящихся недопустимо, что просфора берется только рукой без перчатки. «В церкви более чем где-либо следует оказывать уважение старости, женщинам и священнослужителям. Им уступают лучшие места, заботятся об их спокойствии и нередко приносят себя в жертву их немощам и слабостям. Идти в толпе впереди священника и не дать ему дороги считается крайне невежливым» [8, с. 25]. К. Светозарская ушла и возможность посещения храма образованной публикой с искусствоведческими целями. «Входя в церковь с целью осмотреть какие-нибудь художественные произведения, в ней заключающиеся, должно выбирать те часы, когда нет службы, но все-таки при вступлении мужчина должен не только снять шляпу, что само собою разумеется, но и перчатку с правой руки, а также перекреститься» [8, с. 24].

Мода на одежду заботила прихожан высокого и среднего достатка. Они стремились следовать ее тенденциям. Городская мода подстроилась под традицию соблюдения траура и ввела новое в costume, утвердив в XIX веке черный цвет. В традиционной культуре черный был нейтральным, практичным, будничным. Его носили люди старших возрастов. Срок соблюдения траура родственниками, его этапы и соответствующие им ткани и покрой костюма, нормы поведения в обществе в правилах этикета были расписаны очень детально. Но это компонент светской культуры. Духовенство не требовало особых одежд от скорбящих родственников. Но обычаи были очень сильны.

Мужской траур внешне был менее заметен. Траурные повязки в России не получили распространения. Женский траур был строгим и длинным. Начинался он с девочек. Лет в 6–10 им вплетали черные ленты и надевали темные платья, но не обязательно покрывали головы. Юные девушки носили легкие траурные накидки на голове. У взрослых женщин полагались шляпы с вуалью, а ткань платья и ее оттенок менялся в зависимости от этапа двухлетнего траура. Во время траура были допустимы украшения из волос, агата и каменного угля. По малышам траур не надевали даже в день похорон.

Траурный костюм женщины шили и носили гораздо чаще мужчин, для которых период печальных ограничений предполагался

вдвое короче. В глубоком трауре носили только матовые шерстяные материи и креп. В обыкновенном – блестящие черные. В полутрауре можно было надевать на черные или лиловые платья светлые воротнички и кружева. В народной бытовой культуре черная шаль или платок приобрели сугубо траурное предназначение только к концу XIX века и окончательно закрепились в Первую мировую войну.

Священники не акцентировали особое внимание на одежде сирот, вдов и осиротевших матерей взрослых детей, считая своей главной миссией их утешение. Поведение в храме людей в состоянии глубокого горя не требовало регламентации. Тем не менее в советское время ношение черного траурного платка осуждалось активистками партийных и комсомольских ячеек и считалось признаком принадлежности покрывшей его молодой женщины к «церковникам».

Поведенческие ограничения в трауре больше касались девушек-сирот и вдов. Общество осуждало молодых вдовушек, пренебрегающих необходимостью компаньонки. Повторное венчание женщины, похоронившей мужа, допускалось не раньше, чем через год, а вдовца через полгода. При этом для нее считалось прилично оставаться в трауре два года. В случае смерти близких родственников не всегда откладывали уже назначенную свадьбу. Более того, молоденькую девушку-сироту спешили обвенчать, дав ей кровительство новой семьи. На день такой свадьбы траур для участников свадебной церемонии прерывался и возобновлялся на следующий день, не допуская длинных пышных торжеств и развлечений вроде свадебного путешествия.

Вторжение моды в организацию крестин коснулось зажиточных горожан. Советы по этикету рекомендовали выбирать в крестные людей одного социального положения с родителями малыша. Тогда их решения не вызывали противоречий. Таких прихожан не интересовало мнение духовенства. На купеческих крестинах купель девочки украшали розами, крестильную одежду младенца заказывали лучшим белешвейкам и покупали по каталогам столичных магазинов. Используемую в обряде ткань, называемую ризками, тоже видоизменили. Вынутого из купели малыша вместо льняного холста стали класть на большой отрез дорогой платьевой ткани, которую затем кума дарила матери.

Свадьба к началу XX века более всего вырвалась из традиций. Только крестьянки долго хранили верность этническому костюму. Например, в селе Новотомниково Тамбовской губернии и в начале XX века девушки венчались в черном сарафане. В городе белый наряд первобрачной в рассматриваемый период стал практически нормой. Его выбирало для своих дочерей и духовенство, в том числе сельское.

Женихом и невестой считались только помолвленные священником мужчина и женщина. После помолвки они должны были молитвенно готовить себя к таинству. Но встречалось пренебрежение этой подготовкой и даже неблагоговейное поведение молодых при венчании. В книге по этикету в разделе «Поучение против неблагопристойного поведения при совершении таинства брака» говорилось: «Уж очень неблагообразно и не по чину вы себя теперь ведете. К святым иконам и алтарю Господню стоите одни спиной, другие вполоборота, свободно разговариваете, без стеснения смеетесь, переходите с места на место, так что за всем этим едва слышны голоса священнослужителей. И прискорбнее всего то, что никто из вас не возмущается таким неблагочином церковным, как будто бы, так и должно быть.... Если же кто не вразумится, то Сам Господь того покарает» [3, с. 125].

Свадебная мода регулировала все детали венчальных нарядов. И прихожанок это очень заботило. Первобрачной девице полагалось белое платье из тяжелой материи. В венке и букете ей приличествовали флердоранж и ландыши. В беднейшем варианте допускались мелкие полевые или садовые цветочки. Популярный в Европе мирт в венках юных невест в России встречался редко. У большинства невест цветы в венке и букете бывали искусственными. Обязательна была длинная фата. Из украшений девушке под венцом полагались только сережки и ожерелья из жемчуга, коралла или бирюзы в серебре. Из золота допускался только нательный крестик. «В храме бриллианты на девушке просто неприличны» [3, с. 64]. Фамильные драгоценности, в том числе и бриллианты, новобрачная могла надеть только на свадебном балу. После бала ей не полагалось их надевать до рождения первенца.

Вдова получала букет из роз, а венка и фаты ей не полагалось. Голова покрывалась вуалью. Платье не должно было быть белым.

Его цвет зависел от возраста. У молоденькой оно могло быть светло-серым, а у пожилых особ лиловым. При венчании второбрачных шаферы держали венцы над плечами молодых. Ограничений в украшениях не было. У дважды вдовы, венчающейся третий раз, цветов и венца не полагалось.

Если венчание совершалось, как положено, утром, то платье невесты шилось с высоким воротом и длинными рукавами. Приглашенные дамы также должны были быть в закрытых костюмах и в головных уборах. Но многие зажиточные горожане стремились уговорить духовенство обвенчать их детей вечером. Ведь тогда так эффектен ярко освещенный храм, а дамы надевают декольте, пусть и прикрыв его пелеринами.

Таким образом, в условиях модернизации общества духовенству было нелегко противостоять захлестнувшим их прихожан модным веяниям, претендовавшим на перемены внешнего вида и поведения людей в храме. Невысокая образованность и культура большинства горожан даже на богослужениях выводила на первое место наружный лоск, отодвигая на второй план молитвенность. Отказавшись от старинных традиций и не усвоив нормы этикета светского общества, определенная часть зажиточной публики вызывающе вела себя в церкви, одевалась несообразно со случаем и допускала конфликты с духовенством. Поиск нового тона общения с паствой требовал от священников твердости в принципиальных требованиях, определенной эрудиции в вопросах моды и терпения, которых хватало не всем и не всегда.

Список литературы

1. ГАТО. Ф. 181. Д. 1792, 1835, 2076, 2092, 2310.
2. *Безгин, В.Б.* Состояние нравственности сельских прихожан в материалах епархиальных отчетов конца XIX – начала XX века / В.Б. Безгин // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2015. – Вып. 2. – С. 189–196.
3. *Жизнь в свете и дома* / сост. В. Третьякова. – Москва : ТЕРРА, 1997. – 368 с.
4. *Лаврентьева, Е.В.* Светский этикет пушкинской поры / Е.В. Лаврентьева. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 640 с.

5. Орлова, В.Д. Тревога тамбовского духовенства о нравственности прихожан в конце XIX – начале XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – Вып. 2. – С. 183–188.

6. Правила вежливости и светского этикета. – Репр. воспр. изд. 1889 г. – Москва : Белый город, 2007. – 272 с.

7. Русские традиции. Правила хорошего тона. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 304 с.

8. Светозарская, К. Светские манеры / К. Светозарская. – Москва : Абрис, 2018. – 256 с.

UDC 17.026

PROBLEMS IN THE BEHAVIOR OF PARISHIONERS IN ORTHODOX CHURCHES IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES

Orlova Vera D.

PhD in History, Associate Professor

Department of History

Tambov Theological Seminary

E-mail: verorl@yandex.ru

For citation: *Orlova, V.D. Problems in the Behavior of Parishioners in Orthodox Churches in the Second Half of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue. 8. P. 68–78.*

Abstract

The article analyzes the influence of fashion, which has spread over a wider population, on the appearance and behavior of the flock of Orthodox parishes. The sources used were the reports of the fathers of the deaneries of the Tambov diocese and books published at the turn of the 19th and 20th centuries on the rules of behavior in society. The main attention is paid to the townspeople. New behavior patterns of parishioners, which worried the clergy most of all, have been highlighted. Some details of the mourning and wedding costumes

and ceremonies are touched upon. Conclusions are drawn about the role of modernization of society in violating Orthodox traditions.

Keywords: the clergy; laity; fashion; modernization of society; etiquette.

References

1. GATO. F. 181. D. 1792, 1835, 2076, 2092, 2310. [The State Archives of Tambov Region. Fund 181. Files 1792, 1835, 2076, 2092, 2310]. (in Russian)

2. *Bezgin, V.B.* Sostoyanie npravstvennosti sel'skikh prikhozhan v materialakh eparkhial'nykh otchetov kontsa 19 – nachala 20 veka [The Moral Status of Rural Parishioners in the Materials of Diocesan Reports of the Late 19th – Early 20th Centuries]. // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2015, issue 2, pp. 189–196. (in Russian)

3. *Zhizn' v svete i doma* [Life in the Light and at Home]. / comp. V. Tretyakova. Moscow, TERRA, 1997. 368 p. (in Russian)

4. *Lavrentieva, E. V.* Svetskii etiket pushkinskoi pory [Secular Etiquette in the Time of Pushkin]. Moscow, OLMA-PRESS, 1999. 640 p. (in Russian)

5. *Orlova, V.D.* Trevoga tambovskogo dukhovenstva o npravstvennosti prikhozhan v kontse 19 - nachale 20 veka [Anxiety of the Tambov Clergy about Morality of Parishioners in the late 19th - Early 20th Centuries]. // Theological collection of the Tambov Theological Seminary, vol. 2, pp. 183–188. (in Russian)

6. *Pravila vezhливости i svetskogo etiketa* [Rules of Politeness and Social Etiquette]. Repr. vospr. izd. 1889, Moscow, Belyi gorod, 2007. 272 p. (in Russian)

7. *Russkie traditsii. Pravila khoroshego tona* [Russian Traditions. Good Manners]. Moscow, OLMA Media Group, 2015. 304 p. (in Russian)

8. *Svetozarskaya, K.* Svetskie manery [Secular Manners]. Moscow, Abris, 2018. 256 p. (in Russian)

УДК 34

ЗНАЧЕНИЕ НОМОКАНОНА В РАЗВИТИИ ЦЕРКОВНОГО СУДА В РОССИИ

Тетюхин Игорь Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент, научный сотрудник
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: tetuhinin@mail.ru

Для цитирования: *Тетюхин, И.Н.* Значение Номоканона в развитии Церковного суда в России // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 79–95.

Аннотация

В статье на основании историко-юридического наследия рассмотрен вопрос о влиянии греческого сборника Номоканона, включающего в себя каноны и гражданские законы по церковным делам, на развитие законодательства Древнерусского государства и новой России. Особое внимание уделено положениям Церковного суда и его влияния на становление и развитие светского судоустройства и судопроизводства.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Номоканон; Церковный суд.

Юристам древности было известно, что Церковь по своему происхождению и условиям существования значительно отличается от других общественных объединений, политических или гражданских. Как божественное образование Церковь не подчиняется светским законам, но как общественная организация она находится в сфере общих правовых условий существования в государстве: вступает в те или иные правоотношения с государством и другими общественными образованиями. Таким образом, Церковь находится внутри государственного правового порядка: ее члены одновременно являются гражданами государства. В настоящее время для изучения институтов Церковного, государственного, гражданского и даже уголовного права не только юристам,

но и историкам необходимо иметь представление о Номоканоне как источнике права.

В своей фундаментальной «Истории»¹ митрополит Макарий (Булгаков) (1816–1882) утверждает, что в то время, когда великий князь Владимир принял святую веру из Византии, там уже существовал полный свод церковного законоположения. Оставался еще в употреблении Номоканон, составленный в VI в. патриархом цареградским Иоанном Схоластиком (565–578); существовал и находился уже во всей силе номоканон и другого знаменитого цареградского патриарха Фотия, появившийся к кон-

¹ Бывший епископ Винницкий и ректор Санкт-Петербургской духовной академии, доктор богословия, член главного управления училищ, ординарный академик Императорской Академии наук, действительный член Императорского московского общества истории и древностей российских, почетный член Императорского археологического общества при Московском и Харьковском университетах, ордена 1-й степени Анны, Императорской короной украшенный кавалер, Макарий (Булгаков) был назначен епископом Тамбовским и Шацким 1 мая 1857 г., а ровно через два года по приезду в Тамбов переведен на епископскую кафедру в Харьков (1859). (Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Составлено Тамбовского кафедрального собора священником, магистром Георгием Хитровым. Тамбов, 1861. С. 257). Поэтому утверждение краеведа Тамбовского края В.А. Кученковой со ссылкой на протоиерея Певницкого о том, что «*Будучи в Тамбове, он уже был давно известен как ученый – богослов, и начал составлять в Тамбове великую многотомную историю Русской Церкви ... Но в захолустном Тамбове для такого ученого труда не было никакого удобства...*» (Кученкова В.А. Житие архиереев Тамбовских. Тамбов, 2012. С. 59) неверно, т.к. первые три тома «Истории Русской Церкви» высокопреосвященного Макария (Булгакова), митрополита Московского и Коломенского, были опубликованы в 1857 г., т.е. до назначения на Тамбовскую кафедру и составляли по замыслу автора, один большой раздел: «История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240)». Первые три тома «Истории Русской Церкви», так же как и появившаяся несколько ранее «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю русской церкви», изданной в 1846 г., были отделены от всего остального корпуса «Истории» исследовательской паузой. Она была вызвана переводом автора из Санкт-Петербургской духовной академии сначала на епископскую кафедру в Тамбов, а затем назначением его в 1859 г. архиепископом Харьковским (Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 2. История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995. С. 5).

Сам епископ Винницкий Макарий в предисловии к «Истории Русской Церкви» пишет: «В 1846 году я издал в свет „Историю Христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю Русской Церкви“. Ныне, с Божией помощью, приступаю к изданию самой „Истории Русской Церкви“» (Истории Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. Т. I. Санкт-Петербург, 1857. С. I). Таким образом, сведения, представленные священником, магистром Георгием Хитровым (современником Макария (Булгакова) и научным редактором второй книги А.В. Назаренко, составившего комментарий к современному изданию «Истории Русской Церкви», не противоречат друг другу.

цу IX в. (883). Оба Номоканона состояли из двух частей. В первую входили собственно церковные законы, именуемые правилами или канонами (κάνων) (правила св. Апостолов, четырех вселенских и шести поместных Соборов и свт. Василия Великого; последний вмещал, вместе с правилами св. Апостолов, правила всех семи вселенских и девяти поместных Соборов и правила св. Отцов, принятые вселенскою Церковью). Во вторую часть входили законы гражданские по делам церковным, дарованные православными императорами, преимущественно Юстинианом Великим, и именуемые указами или узаконениями (νόμος) [1, с. 113].

При написании статьи использовались греческая Иверская Кормчая IX–X веков с собраниями канонов и законов Иоанна Схоластика, описанная И.И. Срезневским¹ [2, с. 1–209], Кормчая (Номоканон): отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа [3, с. 1–1481], Русская летопись по Никонову списку [4, с. 1–235], Летопись преподобного Нестора по Лаврентьевскому списку [5, с. 1–172], «История Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова) [1, с. 1–296], «Опыт курса Церковного законовещения» архимандрита Иоанна [6, с. 1–515], исследования А.С. Павлова «Первоначальный славяно-русский Номоканон» [7, с. 1–100], «Номоканон при большом Требнике» [8, с. 1–520], сочинение барона Г.А. Розенкампа «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» [9, с. 1–750], «Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные» Н. Левитского [10, с. 1–185], «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона [11, с. 1–176] и др. источники.

В истории русского канонического права до сих пор остается неразрешенным вопрос: с какого времени появился у нас и вошел во всеобщее церковное обращение славянский перевод греческого

¹ Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) – русский филолог-славист, этнограф, палеограф, археолог. Академик Петербургской академии наук (1851). В 1855–1880 гг. декан историко-филологического факультета Петербургского университета. Составитель «Словаря древнерусского языка». Его труды по истории русского языка заложили основы исторического изучения русского языка, диалектологии, памятников древней славянской и русской письменности.

Работы И.И. Срезневского по *кормчей книге* начались приблизительно в конце 1860-х годов и продолжались с перерывами до конца его жизни; к печати они не были подготовлены, хотя несомненно предназначались для издания, это видно из сохранившегося в бумагах И.И. Срезневского первоначального плана сочинения о русских *кормчих*.

Номоканона? По мнению митрополита Евгения (Болховитинова), славянская Кормчая принесена к нам из Болгарии, вместе с другими церковными книгами, при обращении Руси в христианство. Напротив, барон Г.А. Розенкампф¹ в своем известном «Обзрении кормчей книги в историческом виде» склоняется к мысли, что до второй половины XIII века церковные правила употреблялись у нас почти исключительно в подлинном греческом тексте [7, с. 1–2].

По мнению барона Розенкампфа, «Болгарское и Русское духовенство со времени крещения обоих народов было между собою в сношениях по части славянских священных книг; следовательно, можно полагать, что первый перевод, составленный для болгар, не остался безызвестным у Киевских и Северных Славян» [9, с. 50]. Однако далее, Г.А. Розенкампф указывает: «Известно, что со времени крещения великого князя Владимира до 1250 г., более 20 Митрополитов были родом Греки, и что сверх того, многие Епископы были так же Греки. Конечно они предпочитали чтение Греческих подлинных Правил Славянским; следовательно, хотя и могли находиться Славянские списки в руках некоторых особ; однако они не были в общем употреблении» [9, с. 50]. Не умоляя заслуг барона Г.А. Розенкампфа, необходимо уточнить, что первый русский по

¹ Розенкампф, барон Густав Андреевич (1764–1832) – русский юрист; потомок шведского офицера, возведенного королем Карлом XII в дворянское достоинство. Обучался в Лейпцигском университете. В 1803 г. перешел на службу в комиссию под названием «Комиссия для сочинения нового уложения», образованной 16.12.1796 г., затем название было изменено в связи с расширением задач по составлению книг законов гражданских, уголовных и казенных дел. В 1804 г. Г.А. Розенкампф составил проект преобразования этой комиссии и получил в ней место главного секретаря и первого референдаря. Так как работа в комиссии велась очень медленно по поручению Императора Николая I (1796–1855) 1.01.1810 г. Директором Комиссии составления законов был назначен М.М. Сперанский (1772–1839). Со вступлением в состав комиссии М.М. Сперанского комиссия вновь преобразуется, и Г.А. Розенкампф назначается начальником гражданского отделения. В 1817 г. Г.А. Розенкампф получил баронское достоинство великого княжества Финляндского. В 1822 г. он вышел из состава комиссии составления законов, но продолжал оставаться в финляндской комиссии до ее закрытия в 1826 г. В комиссии составления законов Г.А. Розенкампф работал над проектами гражданского и уголовного уложений, торгового устава, устава судопроизводства, устава о государственной службе, рекрутского устава; редактировал положения о крестьянах в остзейских провинциях. Под руководством Г.А. Розенкампфа комиссия законов произвела сличение постановлений византийского права с нашими законами. Кроме того, изучение кормчих книг, история которых и отношение к постановлениям светской власти были в то время мало известны, привели Г.А. Розенкампфа к мысли опубликовать свои исследования под названием «Обзрение кормчей книги в историческом виде» (М., 1829; 2 изд., СПб., 1839, исправное и более полное, было выпущено в количестве лишь 100 экземпляров).

своему происхождению предстоятель нашей Церкви, митрополит Киевский Иларион был поставлен на митрополию в 1051 г. собором архиереев по воле Великого князя Киевского Ярослава Владимировича (в поздней историографической традиции Ярослав Мудрый (ок. 978–1054).

В «Повести временных лет»¹ под 1051 г. читаем: «*Влѣто С.Ф.Н.Θ. [1051] Поставленъ бысть Митрополитъ на Руси спои-ми епископы. Ярославу, сыну Владимирову, внуку Святославлю, со Греки брани и нестроения быша: и сице Ерославъ съ епископы своими Рускими свецавшѣ, умыслиша по священному правилу, и уставу Апостольскому сице. Правило святыхъ Апостолъ А. е: «Два или три епископы да поставляютъ единого епископа. И по сему священному правилу и уставу божественныхъ Апостолъ, сошедшея Рустиі епископы, поставиша Илариона Русина Митрополита Киеву и всей Рустей земли, не отлучающесе от православныхъ Патриархъ и благочестия Греческаго закона, ни гордящесе отнихъ поставлятися, на соблюдающесе от вражды и лукавства, якоже быша тогда» [4, с. 139–140].*

За этой краткой записью стоит чрезвычайное событие в истории Древней Руси. Все киевские митрополиты со времени основания на Руси митрополии были греками и только патриарх Константинопольский мог направить в Киев митрополита. Ярослав Мудрый нарушил этот обязательный пункт церковного устава и поставил митрополитом пресвитера княжеской церкви Святых Апостолов в местечке Берестове под Киевом «именем Ларион, муж благ, книжен и постник» (прозвище Русин) [5, с. 88]. Там, возможно, Иларион и написал свое знаменитое «Слово о Законе и Благодати», ставшее одной из первых попыток христианского осмысления русской истории.

Творение Илариона, по мнению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Сычева), «есть как бы голос всенародного раздумья о призвании русского народа – «глас радования» православного люда, ощутившего избавление от томительного рабства греху и в то же время напряженно размышляющего о том,

¹ «Повесть временных лет» – наиболее ранний из дошедших до нас летописных сводов. Относится к началу XII в. Свод этот известен в составе ряда летописных сборников, сохранившихся в списках, из которых лучшими и наиболее старыми являются Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский конца XIII – начала XIV в. Найден Н.М. Карамзиным в Ипатьевском монастыре в Костроме – отсюда и название.

какого служения ожидает Господь от Своих новообретенных чад» [11, с. 5–6]. Необходимо заметить, что составитель «Повести временных лет» преподобный Нестор Летописец (~1056–1114) писал после того, как было написано знаменитое «Слово о Законе и Благодати».

Необходимо заметить, что один из лучших знатоков канонического права, ординарный профессор кафедры церковного законоведения юридического факультета Императорского Московского университета А.С. Павлов¹ считал, что первые иерархи, пришедшие к нам из Византии при св. Владимире, принесли с собой, вместе с другими церковными книгами, и канонический кодекс своей Церкви – Номоканон в тех редакциях, которые в то время были в практическом употреблении у греков. Такими редакциями были: Номоканон Иоанна Схоластика и Номоканон в 14 титулах с принадлежащей к нему Синтагмой канонов. А.С. Павлов уточняет: «Перевод первого номоканона сохранился до нас в списке, находящемся в Московском Публичном Румянцевском музее (№ 230). Розенкампф и Востоков, подробно описавшие этот список, относят его по письму к XIII в., а по содержанию и языку – к эпохе обращения болгар в христианство. Особая печать древности, заметная в содержащемся здесь переводе правил, дает основание видеть в нем памятник переводных трудов славянского апостола – св. Мефодия, в житии которого содержится известие, что он вместе с другими церковными книгами перевел для славян и *номоканон, рекше закону правило*» [12, с. 83–84].

¹ Алексей Степанович Павлов (24.05.1832–28.08.1898) – русский юрист и историк права, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1873). Родился в семье причетника Томской епархии, в детстве отличался выдающимися способностями, в шесть лет самостоятельно научился читать, благодаря лицевым изображениям, висевшим в доме его отца, и знал наизусть все святцы, любому человеку мог назвать день ангела-хранителя, помнил, когда какой святой вспоминается в Православной церкви. Местный правящий архиерей Агапит (Вознесенский), посещая свою епархию, встретился с «чудо-юдо» ребенком; поговорив с мальчиком Алексеем и убедившись в его способностях, архиерей подарил мальчику золотой. После окончания в 1854 г. Тобольской семинарии поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1858 г. первым магистром богословия. Был оставлен преподавать в ней литургику и каноническое право (первую свою лекцию Павлов прочитал 10 января 1859 г.); магистр богословия (1860). Позднее – профессор канонического права Казанского, Новороссийского университетов. С 1876 г. – ординарный профессор кафедры церковного законоведения/церковного права юридического факультета Московского Императорского университета; заслуженный профессор Московского университета (с 1884).

По мнению А.С. Павлова, в исследуемом нами вопросе митрополит Макарий (Булгаков) в I томе «Истории Русской Церкви» следует митрополиту Евгению (Болховитинову), а в V Г.А. Розенкампу [7, с. 2]. Там мы читаем: «И в. кн. Владимир, принимая св. веру для себя и для всей России, тем самым уже обязывался принять и существенные церковные каноны, даже не мог не принять их: потому что одно с другим связано нераздельно. ... След. не должно подлежать ни малейшему сомнению, что первая, наибольшая часть Кормчей, обнимающая собою законы собственно церковные, вошла в Россию с самого основания Русской Церкви. ... Совсем другого рода вопрос: принял ли равноапостольный просветитель России вместе с церковными правилами и те гражданские постановления византийских Государей на пользу Церкви, которые заимствованы преимущественно из закона Юстинианова и составляли вторую часть Номоканонов Схоластикова и Фотиева?». И далее: «Мудрые советники, надобно полагать, объяснили Князю, что греко-римские законы на пользу Церкви как примененные к состоянию совсем другого общества, было бы бесполезно принять во всей целости для России, а что лучше на основании номоканона, сделать из них только извлечение и отчасти дополнить это извлечение соответственно потребностям вновь просвещенного св. Верою народа русского. Так Владимир и поступил. На основании номоканона, по примеру греческих Императоров, он дал для русской Церкви собственный *Устав*, который можно назвать, с одной стороны, первым приложением к условиям жизни русской общего церковного, и в частности византийского законоположения, а с другой – первым опытом местного, самобытного церковного законодательства в России» [1, с. 114–118].

Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных дошел до нас в многочисленных списках XIII–XIX веков. В научный оборот был введен в 1775 году Г. Миллером, который опубликовал одну из наиболее поздних его обработок XVI века в составе Степенной книги. Расширение числа известных редакций Устава позволило митрополиту Евгению (Болховитинову) высказать мнение (1825), что в основе их лежит один и тот же ранний текст, который можно связывать с именем князя Владимира. Историко-юридическое исследование Устава в сравнении с Русской Правдой и памятника-

ми византийского права привело К.Н. Неволина (1847) и затем митрополита Макария (Булгакова) к выводам, что широкое практическое употребление и поновления Устава явились причиной значительного изменения его текстов в течение столетий. Специальное текстологическое исследование памятника С.В. Юшковым (1926), выполненное им на основе научного издания текстов устава В.Н. Бенешевичем (1915), показало, что Устав в том виде, который можно восстановить на основе многочисленных его обработок, принадлежит XII веку и что главным его источником является грамота князя Владимира Святославича начала XI века, подтвердившая ряд привилегий церковной организации на Руси [13, с. 137–138].

Позже Я.Н. Щаповым было подготовлено и издано семь редакций Устава князя Владимира, относящихся к XIII–XV векам: Оленинская, Синодальная, Варсонофьевская, Волынская, Печерская, Троицкая и редакция «Степенной книги» [14, с. 3–4].

Все редакции устава князя Владимира условно можно разделить на три части: первая определяет княжеское жалованье для (соборной) церкви, вторая – пространство *церковного суда по отношению ко всем христианам*, третья – круг церковного ведомства, или церковных людей.

В данной работе будет рассмотрен вопрос, касающийся княжеского жалованья для (соборной) церкви, изложенный в краткой и пространной редакции Церковного устава св. Владимира и подсудности церковному суду мирян и церковнослужителей. Однако, прежде чем перейти к уставам Владимира, необходимо обратиться к дошедшим до нас летописям, повествующим о передаче десятой части доходов князем Владимиром Десятинной церкви, освященной в 996 году.

В.О. Ключевский писал: «Если хотите читать Начальную летопись в наиболее древнем ее составе, возьмите Лаврентьевский или Ипатьевский ее список. Лаврентьевский список – самый древний из сохранившихся списков общерусской летописи. Он писан в 1377 г. «худым, недостойным и многогрешным рабом Божиим мнихом Лаврентием» для князя суздальского Дмитрия Константиновича, тестя Дмитрия Донского, и хранился потом в Рождественском монастыре в городе Владимире на Клязьме» [15, с. 71].

В летописи преподобного Нестора по Лаврентьевскому списку указано: «И помолившюся ему, рек сице: „даю церкви сей святей Богородици от имения моего и от град моих десятую часть“. И положи написав клятву в церкви сей, рек: „аще кто сего посудит, да будет проклят“. И вдаст десятину Настасу Корсунянину, и створи праздник велик в те день боляром и старцем людьским, и убогим раздая имение много» [5, с. 69].

В Русской летописи по Никонову списку о десятине говорится: «Дадеже и десятины всоборную церковь пречистые Богородицы изо всего своего княжения, и отвсякого суда десятое, а ис торгу десятую неделю во всех градах, и отвсякого стада на всякое лето десятая, и отвсякого жита на всякое лето десятое, Господу Богу и Спасу нашему Иусу Христу, и пречистой его матери Богородицы, и отцем своим Митрополитом Киевским и всея Руси» [4, с. 105].

Переходя от летописей к памятникам законодательства по делам церковным, обратимся к «Собранию важнейших памятников по истории древнего Русского права», «Церковному уставу Владимира Святого» к списку краткой и пространной редакций.

В списке *краткой редакции* указано: «И по том летом минувшим съездах церковь святую Богородицу, и дах десятину к ней по всей земли Руской Княжения от всего суда 10-ый грош и на торгу 10-ую неделю. Из домов на всякое лето 10-ое всякаго стада и всякаго живота чюдной Матери Божии и чудному Спасу» [16, с. 394].

В списке *пространной редакции* указано: «Потом, летом многым минувшим, съездах церковь святыя Богородица Десятинную и дах ей десятину изо всего своего княжена, и также и по всей земли Руской и с княжения в соборную церковь – от всего княжа суда десятую векшу, ис торгу десятую неделю, а из домов на всякое лето, от всякаго стада и всякаго жита чюдному Спасу и чудной Богородицы» [16, с. 395].

Подробный историко-критический анализ всего юридического содержания устава св. Владимира был сделан профессором А.С. Павловым. Вот что он писал по поводу десятины.

Устав св. Владимира по всем старшим спискам начинается постановлением о церковной десятине. Только запись этого постановления в уставе сделана неправильно. Неизвестный автор

записи, составленной, вероятно, спустя около столетия после Владимира, смешал известие начальной летописи о десятинах, данной Владимиром соборной Богородицкой церкви в Киеве (которая поэтому и называлась Десятинною), с общецерковной десятиною, установленной тем же великим князем в пользу учрежденных при нем в разных городах епископий и самой митрополии, которая тогда находилась в Переяславле. О первой десятине в летописи сказано, что великий князь дал ее Десятинной церкви *«от имени своего и от град своих»*, т.е. из своего личного движимого и недвижимого имущества. Вторая же, общецерковная десятина установлена была Владимиром от государственных доходов князя – от даней и пошлин судебных (вир и продаж) и торговых. Об этой десятине говорит и церковный устав, но говорит так, как бы и она была дана все той же киевской Десятинной церкви: *«и дахъ ей десятину по всей земли русской: от всего княжа суда десятую векшу, и из торгу десятую неделю»*. Но что десятина установлена была Владимиром не только для одной киевской Десятинной церкви, а и для митрополий и всех епископий, это видно из того, что в некоторых памятниках XII века, например, в грамоте новгородского князя Святослава Олеговича, церковная десятина представляется исконным «уставом» на Руси. То же косвенно подтверждается примерами назначения десятины разным новым церквям и епископиям, возникавшим в XI и XII веках. Примеры эти невольно заставляют предполагать существование для них готового образца [17, с. 136–137].

Из сказанного выше следует, что князь Владимир, приняв христианскую веру, крестился сам и крестил народ. Затем перед князем встал вопрос материального обеспечения Церкви. В апостольские времена Церковь существовала на добровольные приношения первых христиан. Но в Русской земле подобное было невозможно: среди вчерашних язычников было совсем немного таких, которые были расположены содержать на свой счет храмы, христианских епископов и священников, а политические отношения, связывавшие князя с горожанами и крестьянами, не позволяли ему прибегнуть к принудительным мерам – дополнительному налогообложению в пользу Церкви. Поскольку христианство на Руси было введено государственной властью, то забота о содержании Церкви легла всецело на государствен-

ную власть. Таким образом, летописи и другие древнерусские памятники свидетельствуют, что Владимир предоставил духовенству привилегию на церковную десятину, которая и сделалась надолго основной статьёй церковных доходов. Однако *десятина* не всегда составляла одну десятую часть от княжеских доходов, торговых и судебных пошлин, поступающих в Церковь. В Краткой Правде десятина от суда, собираемая мечником, являлась одной восьмой всех поступлений и одной пятой княжеской части, а десятина от даней, собираемая емцом, – одной шестой всех поступлений и одной пятой доли князя. Торговые пошлины собирались по неделям. В Пушкинском списке Устава XV века торговая десятина указана в размере 50%. В Турове в XIV веке епископ собирал торговые пошлины две недели в году, вероятно, на ярмарках. *Грош* имел распространение на западных русских землях XIV–XV веков, входивших в состав Литовского великого княжества. В других текстах Устава упоминается *векша* – одна шестая часть куны [13, с. 143–144].

Вопрос о происхождении института десятины на Руси до сих пор является спорным. Известен спор двух известных канонистов А.С. Павлова и Н.С. Суворова о том, из какой части христианского мира – восточно-православной или западно-католической пришла десятина на Русь.

По поводу второй и третьей частей устава князя Владимира о пространстве церковного суда по отношению ко всем христианам и кругу церковного ведомства или церковных людей Н.С. Суворов¹

¹ Николай Семенович Суворов (1848–1909) вошел в историю русской юриспруденции как человек, заложивший основы науки церковного права в России. Первоначальное образование Н.С. Суворов получил в уездном духовном училище. Затем учился в Костромской духовной семинарии. По окончании был определен на должность учителя латинского языка в духовном училище. Летом 1869 г. он уволился из духовного училища и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1873 г. студент-попович завершил курс университетского обучения и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре церковного законоведения.

Н.С. Суворов утверждал, что наука церковного права есть юридическая, а не богословская наука. Однако вместе с тем признавал, что понимание догматического учения церкви необходимо для уяснения существа как целой системы церковного устройства, так и отдельных его институтов.

В 1898 г. в Ярославле вышло в свет первое издание «Учебник церковного права» Н.С. Суворова. Второе издание названного учебника он выпустил в Москве в 1902 г. В предисловии к нему ученый писал: «Дать учащемуся юристу по возможности сжатое, избегающее многословия и в то же время не опускающее ничего важного, опирающееся

отмечает, что в Русской Православной Церкви, в соответствии с тремя ступенями церковной организации, существовали почти до XIX века три судебные инстанции: 1) десятинная или уездная в лице архимандритов и протопопов, десятильников, заказчиков, духовных дел управителей и духовных правлений, 2) епархиальная в лице епископов, при которых со времени Стоглавого собора должны были действовать двоякого рода суды, смотря по характеру дел и лиц, подлежащих епархиальному ведомству, – суд из архимандритов и игуменов и суд из архиерейских бояр, в XVII веке преобразовавшийся в приказы, 3) центральная инстанция в лице митрополитов, позднее патриархов с собором и без собора епископов. По мнению Н.С. Суворова «древнерусские памятники не дают возможности прийти к выводу о существовании каких-либо правил относительно последовательного движения дел по инстанциям» [18, с. 270–271], т.е. не говорят о порядке обжалования решений церковного суда в вышестоящую инстанцию.

В заключение считаю необходимым напомнить, что на юридических факультетах российских университетов преподавание церковного права было введено в 1835 году. До 1863/64 учебного года эта наука изучалась студентами-юристами в рамках курса богословия и поэтому была обязательна только для лиц православного вероисповедания. «Общий устав Императорских Российских университетов», введенный в действие Именным указом императора Александра II, данным Правительствующему Сенату 18 июня

при том же на исторические основы, изложение системы науки церковного права – такова была моя цель...» Вышедшее в 1908 г. третье издание учебника церковного права отличалось от второго издания целым рядом исправлений. Некоторые части текста предыдущего издания были в нем *опущены*, но немало было сделано и добавлений. В 1912 г. было опубликовано четвертое издание рассматриваемого учебника. Оно ничем не отличалось от третьего. Разве только тем, что вышло в свет после смерти его автора.

Составители тогдашних учебников и руководств по церковному праву обыкновенно старались увязать систему изложения материала с природой церковной организации и поэтому описывали сначала внутреннее устройство церкви, затем структуру церковного управления и внешние отношения церкви. Заключительная часть учебного курса посвящалась при такой системе учению об источниках церковного права. Н.С. Суворов полагал, что его учебник церковного права должен строиться по следующей системе: 1) исторический очерк развития церковного устройства, 2) исторический очерк развития источников церковного права, 3) догматическое изложение церковного устройства, 4) церковное управление и 5) внешние отношения церкви.

1863 года, предусмотрел в числе кафедр, которые полагались для юридического факультета, кафедру церковного законовещения.

Таким образом, для разрешения спорных вопросов между Церковью и светской властью необходимы специалисты, ориентирующиеся и в светской юриспруденции, и в церковной традиции, а это наводит на мысль о необходимости организации комплексной – богословской, юридической подготовки специалистов в области церковного права в Российских университетах, способных на современном научном уровне решать юридические проблемы, возникающие в жизни Церкви и государства.

Список литературы

1. *Макарий, еп.* История Русской Церкви Т. 1. / епископ Винницкий Макарий. – Санкт-Петербург : В тип. Император. Акад. наук, 1857. – 296 с.

2. *Срезневский, И.И.* Обзорение древних русских списков Кормчей книги : с прил. фототип. снимка из Ефремовской Кормчей / И.И. Срезневский. – Санкт-Петербург : В тип. Император. Акад. наук, 1897. – 209 с.

3. Кормчая (Номоканон) : напечатана с оригинала патриарха Иосифа / гл. ред. Данилушкин М.Б. – Репр. изд. – Санкт-Петербург: Воскресение : Св.-Успен. Подворье Оптиной Пустыни, 1997. – 1481 с.

4. Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1. До 1094 года / Император. Акад. наук. – Санкт-Петербург : Тип. Император. Акад. наук, 1767. – 235 с.

5. Летопись преподобного Нестора по Лаврентьевскому списку : с прил. словаря древ. рус. слов. – Москва : Тип. Л.И. Степановой, 1864. – 172 с.

6. *Иоанн, архим.* Опыт курса Церковного законовещения. Т. 1. Введение в церковное законовещение и обзорение древних, канонических источников его. Раздел 1. Обзорение древнего, основного канона Православной Кафолической Церкви / архимандрит Иоанн. – Санкт-Петербург : В тип. Фишера, 1851. – 515 с.

7. *Павлов, А.* Первоначальный славяно-русский Номоканон / А. Павлов. – Казань : В унив. тип., 1869. – 100 с.

8. *Павлов, А.* Номоканон при большом Требнике / А. Павлов // Ученые записки Императорского Московского университета. Отд. юридический. – 1897. – Вып. 14. – 520 с.

9. Обозрение Кормчей книги в историческом виде / соч. барона Розенкампа издано О-вом истории и древностей российских при Моск. ун-те. – Москва : В унив. тип., 1829. – 756 с.

10. *Левитский, Н.* Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные / Н. Левитский. – Санкт-Петербург : Тип. А. Катанского и К°, 1890. – 185 с.

11. Слово о Законе и Благодати / предисл. митрополита Иоанна (Снычева); сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина; реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской; коммент.: В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского; отв. ред. О.А. Платонов. – 2-е изд. – Москва : Ин-т рус. цивилизации : Родная страна, 2016. – 176 с.

12. *Павлов, А.С.* Курс церковного права / А.С. Павлов. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – 384 с.

13. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – Москва : Юрид. лит., 1984. – 432 с.

14. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подготовил Я.Н. Шапов. – Москва : Наука, 1976. – 240 с.

15. *Ключевский, В.* Русская история : полн. курс лекций. Т. 1 / В. Ключевский. – Минск : Харвест, 2003. – 592 с.

16. Собрание важнейших памятников по истории древнего Русского права. – Санкт-Петербург : В тип. Губ. правления, 1859. – 428 с.

17. *Павлов, А.С.* Курс церковного права / заслуженного проф. Император. Моск. ун-та А.С. Павлова. – Посмерт. изд. редакции «Богословского Вестника», выполненное под наблюдением доцента Моск. духов. акад. И.М. Громогласова. – Св.-Троиц. Сергиева Лавра : Собств. тип., 1902. – II, 539, VI с.

18. *Суворов, Н.* Учебник церковного права / Н. Суворов. – 3-е изд., перераб. – Москва : Печатня А.И. Снегиревой, 1908. – 4, VIII, 1, 476 с.

UDC 34

THE IMPORTANCE OF NOMOCANON IN THE DEVELOPMENT OF THE CHURCH COURT IN RUSSIA

Tetyukhin Igor N.
PhD of Law,
Associate Professor, Researcher
Tambov Theological Seminary
E-mail: tetuhinin@mail.ru

For citation: *Tetyukhin, I.N.* The importance of Nomocanon in the development of the Church Court in Russia // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue. 8. P. 79–95.

Abstract

Based on the historical and legal heritage, the article considers the influence of the Greek collection Nomocanon, which includes canons and civil laws on church affairs, on the development of the legislation of the Old Russian state and the new Russia. Particular attention is paid to the provisions of the Church Court and its influence on the establishment and development of secular justice and legal proceedings.

Keywords: Russian Orthodox Church; Nomocanon; Church Court.

References

1. *Macarius, Bishop of Vinnitsa.* Istoriya Russkoy Tserkvi [History of the Russian Church] T. 1. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1857. 296 p. (in Russian)
2. Obozreniye drevnikh russkikh spiskov Kormchey knigi. Trud I.I. Sreznevskogo. S prilozheniyem fototipicheskogo snimka iz Yefremovskoy Kormchey [Review of the ancient Russian lists of Kormcha books. Labor I.I. Sreznevsky. With the application of a phototypic image from the Efremov Kormchi]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1897. 209 p. (in Russian)
3. Kormchaya (Nomokanon). Napechatana s originala patriarkha Iosifa. [Helmsman (Nomocanon). Printed from the original by

Patriarch Joseph]: Reprint edition / Ch. Ed .: Danilushkin M.B. – S.-Pb, Resurrection, Holy Assumption Compound of Optina Desert, 1997. 1481 p. (in Russian)

4. Russkaya letopis' po Nikonovu spisku. Izdannaya pod smotreniyem Imperatorskoy Akademii nauk. Chast' pervaya do 1094 goda. [Russian annals on the Nikon list. Published under the supervision of the Imperial Academy of Sciences. Part one until 1094]. St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1767. 235 p. (in Russian)

5. Letopis' prepodobnogo Nestora po Lavrent'yevskomu spisku. S prilozheniyem slovarya drevnikh russkikh slov. [Chronicle of St. Nestor on the Lavrentievsky list. With the application of the dictionary of ancient Russian words]. M., Printing house L.I. Stepanova, 1864. 172 p. (in Russian)

6. *Ioann, Archim.* Opyt kursa Tserkovnogo zakonovedeniya. Tom pervyy. Vvedeniye v tserkovnoye zakonovedeniye i obozreniye drevnikh, kanonicheskikh istochnikov yego. Razdel I. Obozreniye drevnego, osnovnogo kanona Pravoslavnoy Kafolicheskoy Tserkvi. [Experience in Church Law. Volume One An introduction to ecclesiastical jurisprudence and a review of its ancient, canonical sources. Section I. Review of the ancient, basic canon of the Orthodox Catholic Church]. St. Petersburg, Fischer Printing House, 1851. 515 p. (in Russian)

7. *Pavlov, A.* Pervonachal'nyy slavyano-russkiy Nomokanon. [The original Slavic-Russian Nomokanon]. Kazan: University printing house, 1869. 100 p. (in Russian)

8. *Pavlov, A.* Nomokanon pri bol'shom Trebnike / Uchenyye zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Otdel yuridicheskoy. Vyp. 14. [Nomokanon at the Big Trebnik / Scientific notes of the Imperial Moscow University. The department is legal. Vol. 14]. M., Printing house of G. Lissier and A. Geshel, 1897. 520 p. (in Russian)

9. Obozreniye Kormchey knigi v istoricheskom vide / Soch. barona Rozenkampa. Izdano Obshchestvom istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete. [Review Kormcha books in historical form / Soch. Baron Rosenkampf. Published by the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. M., University Printing House, 1829. 756 p. (in Russian)

10. *Levitsky, N.* Vazhneyshiye istochniki dlya opredeleniya vremeni kreshcheniya Vladimira i Rusi i ikh dannyye. [The most important

sources for determining the time of the baptism of Vladimir and Russia and their data]. SPb., Printing house of A. Katansky and Co. Nevsky Ave., 132, 1890. 185 p. (in Russian)

11. *Metropolitan Hilarion. Slovo o Zakone i Blagodati* [A Word about the Law and Grace] / Preface. Metropolitan John (Snychev) / Comp., entry. Art. V.Ya. Deryagina. Reconstruction Old Russian. text L.P. Zhukovsky. Comment V.Ya. Deryagina, A.K. Svetozarsky / Otv. ed. O.A. Platonov. Ed. 2nd. M., Institute of Russian Civilization, Native Country, 2016. 176 p. (in Russian)

12. *Pavlov, A.S. Kurs tserkovnogo prava*. [Church Law Course]. St. Petersburg: Publishing House Lan, 2002. 384 p. (in Russian)

13. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov. V devyati tomakh. T. I. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. [Russian legislation of the X–XX centuries. In nine volumes. T. I. Legislation of Ancient Russia]. M., Yurid. lit., 1984. 432 p. (in Russian)

14. *Drevnerusskiye knyazheskiye ustavy XI–XV vv.* [Old Russian princely charters of the XI–XV centuries]. / Edition prepared by Y.N. Schapov. M., Publishing house «SCIENCE», 1976. 240 p. (in Russian)

15. *Klyuchevsky, V. Russkaya istoriya: Polnyy kurs lektsiy*. [Russian history: A full course of lectures]. T. 1. Mn., Harvest, 2003. 592 p. (in Russian)

16. *Sobraniye vazhneyshikh pamyatnikov po istorii drevnego Russkogo prava*. A collection of the most important monuments on the history of ancient Russian law. St. Petersburg: In the printing house of the provincial government, 1859. 428 p. (in Russian)

17. *Pavlov, A.S. Kurs tserkovnogo prava*. [Church Law Course] / Professor Emeritus of the Imperial Moscow University A.S. Pavlova; The posthumous edition of the editorial board of The Theological Bulletin, carried out under the supervision of the associate professor of the Moscow Theological Academy I.M. Gromoglasova. – Holy Trinity St. Sergius Lavra: Own printing house, 1902. II, 539, VI p. (in Russian)

18. *Suvorov, N. Uchebnik Tserkovnogo prava*. [Textbook of Church Law]. – 3rd ed., Revised. M., Pechatnya A.I. Snegireva. Ostozhenka, Savelovsky per., Sob. d., 1908. 4, VIII, 1, 476 p. (in Russian)

УДК 36

ДУХОВНОЕ ОКОРМЛЕНИЕ ПАЦИЕНТОВ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ БОЛЬНИЦЫ В XIX ВЕКЕ

Священник Иоанн Минаев

выпускник Тамбовской духовной
семинарии 2019 года

E-mail: tdsmethod@yandex.ru

Для цитирования: Минаев, И., свящ. Духовное окормление пациентов Тамбовской губернской больницы в XIX веке // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 96–103.

Аннотация

В статье освещены проблемы здравоохранения губернского города в XIX веке и особенности его социального развития. Акцентируется внимание на специфике восприятия и отношения традиционного общества к людям, нуждающимся в особой социальной и духовной заботе. Подчеркиваются кардинальные различия в духовно-религиозном развитии русского народа и народов Западной Европы.

Ключевые слова: духовное окормление; земская Губернская больница; развитие просвещенной благотворительности.

В существующей краеведческой литературе история домовых храмов на территории Губернской земской больницы излагается вне контекста развития здравоохранения губернского города в XIX веке и динамики его социального развития. Постараемся провести некоторые параллели между этими процессами для раскрытия роли духовенства и благотворителей в духовном окормлении болящих, находящихся в разных отделениях этой больницы.

Современная Тамбовская областная больница – преемница первого в крае лечебного заведения, открытого Тамбовским приказом общественного призрения в 1783 году. Первоначально она занимала два небольших одноэтажных здания. В начале XIX века здесь

работали два доктора. В 1830-е годы врачом больницы был доктор медицины М.Ф. Ранг. Ему пришлось бороться с эпидемией холеры 1830–1831 годов. Холерный бунт в Тамбове в ноябре 1830 года зримо показал степень медицинского невежества населения, обвинявшего лекарей в преднамеренном распространении заразы и в том, что те «морят народ» [2, с. 45]. Холерные бараки, в которые изолировали заболевших, были разгромлены толпой горожан. Бунт удалось подавить только силами войск.

Вскоре после этих печальных событий началось строительство нового трехэтажного благоустроенного здания больницы. Проект был утвержден в 1834 году. Строительные работы вел титулярный советник Герасимов, который затем был старостой больничной церкви. Кровлю здания венчала позолоченная глава домового храма в честь святого благоверного князя Александра Невского. Ее помещение было двухсветным, с хорами. В него из коридора вели застекленные двери, деревянные части которых были окрашены под орех и покрыты лаком. Церковь отапливалась голландской печью, обложенной белым кафелем. Полы были деревянные крашенные. Герасимов на свои средства сделал иконостас. В «Описи богоугодным заведениям Тамбовского приказа общественного призрения, построенным в губернском городе Тамбове по проекту и смете, высочайше утвержденным 26 января 1834 г.» записано, что иконостас был «окончен всеми последующими работами: столлярною, резною, малярною, лаковою, золотарною и живописною. Местные иконы изображают: Спасителя, Богоматерь, святителя Николая и святого благоверного князя Александра Невского. На царских дверях Благовещение и четыре Евангелиста; на южных дверях Ангел Ветхого Завета и на северных Ангел Нового Завета. Над царскими дверьми сияние в лучах Святого Духа, изображенно в воздухе. В большой арке над колоннами передана Тайная вечеря, когда Спаситель взял хлеб и, благословив, преломил, раздавая двенадцати Апостолам. Внизу иконографической росписи надпись: «Сие творите в мое воспоминание». Над аркою крест с распятым Спасителем и надписью вверху: «Отче в руце твой предаю дух мой», по сторонам креста изображения Матери Божией и апостола Иоанна обрезные живописные. Внутри алтаря жертвенник и престол столлярной работы, изготовленные, как следует к освящению. Запрестольный крест с живописным распятием с обеих сторон во-

дружен в тумбу овальную, как и запрестольный образ Богоматери с одной стороны, а с другой святой царицы Александры водружен в таковую же овальную тумбу. Сверх того, господином Герасимовым приготовлено посеребренное паникадило средней величины для утверждения пред иконостасом... Крылосы и балюстрад в церкви устроены, как назначено по плану. На хорах балясы точеные, окрашены белильной краскою под лак» [1].

Настоятелем больничной Александро-Невской церкви в первые годы ее существования был протоиерей Стефан Березнеговский – экононом Тамбовской духовной семинарии, депутат городской думы, епархиальный архитектор, первый тамбовский краевед [5, с. 59]. Его нелегкой миссией было примирение пациентов с медиками и лечебными процедурами. В больнице тогда были хирургическое, кожно-венерологическое, острозаразное, психиатрическое отделения и богадельня для престарелых. Далеко не все попадали на лечение в них добровольно. Медики первой половины XIX века иногда не только не могли уменьшить страдания, но и использовали весьма болезненные способы лечения, а наркоза еще не было. Многие болезни считались неизлечимыми. К умалишенным применялись весьма жестокие способы их изоляции и смирения. В этой сложной ситуации нужно было донести Слово Божие до страдальцев, а кого-то и приготовить к переходу в мир иной.

Смертность в больнице была высокой. На территории больницы была прозекторская (морг), из которой, кроме прочего, организовывались и похороны умерших от заразных болезней с соблюдением строгих карантинных мер. Это создавало дополнительную напряженность с их родственниками. При прозекторской была устроена часовня, в 1886 году перестроенная в церковь. Служил там тот же священник, что и в церкви главного здания больницы. Ему приходилось отпевать и предавать земле, в том числе, инфекционных больных, родные которых получали уже закрытый гроб. Пастырь рисковал заразиться наряду с медиками. На него же ложилась тягота утешения близких, которые, бывало, обвиняли врачей в напрасной, как им казалось, изоляции и гибели дорого человека, пытались дать ему последнее целование.

Во второй половине XIX века организация медицинской помощи населению, уровень развития медицинской науки и практики изменились к лучшему. С 1865 года это лечебное заведение стало

называться Губернской земской больницей. В 1866 году в нем было 209 больничных мест. В дальнейшем их число увеличивалось, в больнице появились гинекологическое и родильное отделения, хорошая операционная, рентген-кабинет, улучшились санитарные условия. Плоды просвещения постепенно изменили отношения больных и медиков. На врача стали надеяться. Появление медиков-женщин упростило контакты с пациентками. Тем не менее священнику больничной церкви приходилось порой выступать в роли посредника между впервые попавшим в лечебное заведение неграмотным крестьянином и доктором. Ведь обращение к молитве было привычным для такого пациента, а общение с медиками пугало мудреностью и неизвестностью. Хорошим подспорьем священникам служило преподавание в тогдашних духовных семинариях азов медицины и курса гигиены.

При всем прогрессе медицинской науки оставались диагнозы, перед которыми она была бессильна. Помощь безнадежным пациентам первоначально в больнице не предусматривалась. Но тут сыграло свою положительную роль развитие просвещенной благотворительности. В 1887 году тамбовский дворянин Л.В. Вышеславцев пожертвовал капитал в 200 тысяч рублей для устройства особого приюта на 100 человек неизлечимых больных. В современном понимании это был первый хоспис в Тамбове. 24 места в нем оплачивалось земством, а остальные – за счет процентов с вложенного благотворителем капитала. В мае 1890 года для приюта было построено красивое двухэтажное здание с большим куполом церкви в честь святой Елизаветы. В него принимали больных раком, саркомой, страдающих параличом, обезображенных сифилисом и волчанкой. Культурный уровень и состояние страдальцев были разными. Для грамотных в здании была устроена библиотека с читальным залом. В ней была духовная и светская литература [2, с. 134]. Книги были пожертвованы семьей Вышеславцевых. Персонал также пользовался этой библиотекой, причем не только для себя, но и для чтения вслух в палатах разных отделений. Пациенты приюта особенно нуждались в общении со священником.

Детской лечебницы в Тамбове в XIX веке не было. Больные дети находились в общих палатах со взрослыми. К концу XIX века остро встала проблема подкинутых грудных детей. Их матери не решались лишить ребенка жизни, но и не могли или не хотели о

нем заботиться. В основном подкидывали женщины, временно или постоянно жившие в Тамбове. Но иногда привозили в город и там подбрасывали своих нежеланных детей и сельчане. Найденных в разных местах города и при разных обстоятельствах малышей полиция доставляла в Губернскую земскую больницу. В 1866 году было всего 9 подкидышей, а в 1899 году пришлось выстроить новое здание приюта на 50 детей, и оно не пустовало [2, с. 135]. Священник больничной церкви крестил их, выбирая не только имена, но и фамилии. Крестными становились доброхоты из больничного персонала. Пока подкидыши находились в приюте, их регулярно причащали. Нуждавшихся в грудном вскармливании детей сначала старались отдать за плату в семьи кормилиц. Деньги на плату собирали благотворители, частично давало земство. Но это порождало так называемый питомнический промысел. Кормящая мать брала чужого ребенка и деньги, но мало заботилась о нем. С 1895 года больница стала содержать в своих стенах детей до 10-месячного возраста, давая им не только грудное, но и стерилизованное молоко. Потом их передавали на воспитание в бездетные семьи. Священник вместе с медиками беседовал с потенциальной приемной матерью малыша. Но детская смертность была большой. Искусственное вскармливание увеличивало ее. «За 1902 год число подкинутых детей было 223, из них роздано по деревням 50, возвращено матерям 37, умерло в приюте 70, т.е. смертность – 31 %» [2, с. 135]. Вероятно, 66 остались в приюте. Так что каждого третьего крещеного и брошенного матерью младенца, настоятель больничной церкви отпевал менее чем через год.

Вопрос о призрении душевнобольных всегда находился в тесной связи с общей культурой народа. В духовно-религиозном развитии русских людей никогда не было презрения к душевнобольным. Они не преследовались, а пользовались известным сочувствием, а в отдельных случаях даже почетом. Многие из них лечились, насколько это было возможно, при монастырях. Традиционное общество не отторгало от себя душевнобольных. Ни одна крестьянская семья не передавала в лечебницы на постоянное проживание своих больных родственников. В случае их помещения в больницу в остром состоянии спешила забрать как можно раньше. С их проблемами чаще шли к приходскому священнику, а не к врачу. А вот городской образ жизни менял эту позицию. Образованная се-

мья хотела или вылечить родственника, или не содержать дома психически тяжелобольного. В силу разных причин во второй половине XIX века количество пациентов с психическими заболеваниями росло. В 1887 году земское собрание постановило отделить от общей больницы лечебницу для душевнобольных [2, с. 133]. В конце XIX века обращение с ними становилось более гуманным. В будни им читали книги, а по воскресеньям и праздникам для них устраивали демонстрации картин, спектакли. Священник заботился об организации рождественской елки для этой особенной паствы. Ему приходилось собирать пожертвования и продумывать варианты организации праздника для разных групп больных. Практически детскую радость этим пациентам доставляли летние прогулки в архиерейском лесу, расположенном недалеко от больницы [4, с. 140].

Таким образом, в начале XX века на территории Губернской земской больницы были церкви в двух больничных корпусах и церковь при прозекториуме. В штате были священник и дьякон. Их служение отличалось от служения в обычном городском приходе. Настоятелю больничных храмов приходилось постоянно видеть боль и утешать страждущих, крестить брошенных малышей, а кого-то из них и отпевать. К тяжелобольным священник, по их просьбе, приходил в палату. Свои особенности имело общение с психически больными людьми. О случаях венчания в больничных церквях неизвестно. Православное окормление в больнице позволяло пациентам и персоналу не прерывать привычного участия в богослужениях, приобщаться Святым Таин, радоваться праздникам, достойно провожать в последний путь умерших.

Список литературы

1. ГАТО. Ф. 46. Оп. 16. Д. 6. Л. 260–261.
2. Губернская земская больница // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903. – Репр. изд. – Майкоп : Полиграф-Юг, 2012. – С. 132–137.
3. Дубасов, И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1 / И.И. Дубасов. – Москва : Тип. Елисаветы Гербек, 1883. – 163, [1] с.

4. *Батерлинк, Ф.И.* Краткий исторический очерк лечебницы душевнобольных Тамбовского Губернского земства и настоящее ее положение / Ф.И. Батерлинк // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903. – Репр. изд. – Майкоп : Полиграф-Юг, 2012. – С. 137–141.

5. *Мизис, Ю.А.* Березнеговский Стефан Абрамович / Ю.А. Мизис // Тамбовская энциклопедия. – Тамбов : Юлис, 2004. – С. 59–60.

UDK 36

SPIRITUAL GUIDANCE OF PATIENTS AT TAMBOV PROVINCIAL HOSPITAL IN THE XIXTH CENTURY

Ioannes Minaev, Priest

Graduate of Tambov Theological
Seminary of 2019

E-mail: tdsmethod@yandex.ru

For citation: *Minaev, I., Priest.* Spiritual Guidance of Patients at Tambov Provincial Hospital in the XIXth Century // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 96–103.

Abstract

The article highlights healthcare problems of a provincial town in the 19th century and peculiarities of its social development. Attention is focused on specifics of perception and attitudes of a traditional society towards people who need special social and spiritual care. Dramatic differences in spiritual and religious development of Russian people and peoples of Western Europe are emphasized.

Keywords: spiritual guidance; zemstvo provincial hospital; development of enlightened charity.

References

1. GATO. F. 46. Op. 16. D. 6. L. 260–261. [The State Archives of Tambov Region. Fund 46. Series 16. File 6. Sheets 260–261]. (in Russian)

2. Gubernskaya zemskaya bol'nitsa [Provincial Zemstvo Hospital] // Collection-calendar of Tambov Province for 1903. Maikop : Polygraph-Yug, 2012. Pp. 132–137. (in Russian)

3. *Dubasov, I. I.* Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja [Overviews from History of the Tambov Region]. Issue 1. Moscow, Elizabeth Gerbek Printing House, 1883. 163, [1] p. (in Russian)

4. *Betterlink, F. I.* Kratkii istoricheskii ocherk lechebnitsy dusheвно-bol'nykh Tambovskogo Gubernskogo Zemstva i nastoyashchee ee polozhenie [Brief Historical Overview of the Insane Hospital of the Tambov Provincial Zemstvo and its Present Situation] // Collection-calendar of Tambov Province for 1903. – Maikop, Polygraph-Yug, 2012. Pp. 137–141. (in Russian)

5. *Mizis, Yu. A.* Bereznegovskii Stefan Abramovich [Bereznegovsky Stefan Abramovich] // Tambov Encyclopedia. Tambov : Yulis, 2004. Pp. 59–60. (in Russian)

УДК 261.5

ОСНОВЫ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО УЧЕНИЮ РЕКТОРА ТАМБОВСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ АРХИМАНДРИТА ДИМИТРИЯ (САМБИКИНА)

Священник Константин Рева
магистр богословия, магистр теологии,
проректор по научной и методической
работе Воронежской духовной
семинарии
E-mail: nestr09@yandex.ru

Для цитирования: *Рева, К., свящ.* Основы духовного образования по учению ректора Тамбовской и Воронежской духовных семинарий архимандрита Дмитрия (Самбикина) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 103–113.

Аннотация

Статья посвящена педагогическому наследию архиепископа Казанского и Свияжского Димитрия (Самбикина), который был последовательно ректором Тамбовской и Воронежской духовных семинарий. На начальном этапе своей духовно-учебной деятельности архимандрит Димитрий находился в переписке со святителем Феофаном Затворником. Наставления святителя Феофана во многом были положены в основание учения отца Димитрия о духовном образовании. Системный подход к организации духовного образования, предложенный архиепископом Димитрием (Самбикиным) позволил подготовить достойных пастырей и архиереев, в том числе новомучеников Церкви Русской.

Ключевые слова: архиепископ Димитрий (Самбикин); духовное образование; Воронежская духовная семинария; Тамбовская духовная семинария; святитель Феофан Затворник; новомученики; духовно-образовательная традиция.

В духовно-образовательных традициях Тамбовской и Воронежской духовных семинарий особое место занимает наследие архиепископа Казанского и Свияжского Димитрия (Самбикина). Будучи воспитанником, а впоследствии преподавателем и ректором духовной школы, он оставил после себя особый педагогический подход. Во многом его видение процесса воспитания будущих пастырей Церкви Христовой представляет собой творческое воплощение педагогических установок святителей воронежских Митрофана [4, с. 166–172] и Тихона [5, с. 112–126].

Представления о том, как должен быть устроен процесс духовного образования в семинарии, формировались у будущего архиерея Димитрия (Самбикина) постепенно и оформились в целостный подход в годы служения в должности ректора Тамбовской духовной семинарии (1872–1881). Этот подход с успехом был перенесен архимандритом Димитрием в Воронежскую духовную школу, которую он возглавлял пять с небольшим лет (1881–1886).

В начале своего служения в качестве ректора духовной семинарии отец Димитрий, как и любой человек, который приступает к новому ответственному делу, испытывал необходимость в поддержке со стороны более опытных наставников. Для ректора духовной школы таковым чаще всего является правящий архиерей. Но особую поддержку в начале своего пути на Тамбовской земле

отец Димитрий (Самбикин) получал также от святителя Феофана (Говорова) Завторника, ранее бывшего Тамбовским епископом. Сохранилось три письма святителя Феофана, адресованные отцу Димитрию, которые датированы 1872–1873 годами [3, с. 1093–1097], то есть в первый год пребывания его в Тамбове.

В письмах святитель Феофан по-отечески наставлял отца-ректора уповать на Бога, труды свои сопровождать искренней молитвой, проявлять ревность о своем служении, иметь единый вектор развития и поступательно прикладывать усилия к его реализации. *«Свое же дело делайте, – писал Вышенский затворник. – Когда есть ревность, Бог даст благословение. Только на Него все упование возложите. Утром, выходя на дело и делание свое – молитесь, чтобы, как знает, поруководил Вас: ибо ваше дело прямо есть дело Божие. Воспитавший Апостолов знает, сколь нужно и сколь много труда есть воспитать продолжателей их дела. Затем с своей стороны – представляйте только одинаковость направления и ровность в образе действовани... Прочее все исправится»* [3, с. 1095].

Подвижник предостерегал отца-ректора от переутомления из-за многопопечительности, видя в нем стремления вникнуть во все семинарские дела и сразу исправить все стороны жизни духовной школы. *«Не слишком налегайте. А то истомитесь, – безвкусица нападет... – и остановка...»* [3, с. 1094]. Кроме того, святитель Феофан советовал не обращать внимание на многочисленные слухи, которые в изобилии распространяются по Тамбову, и дал практический совет отцу Димитрию для поднятия уровня ответственности преподавателей к своему служению систематически присутствовать на их лекциях. *«Если будете ходить в класс на лекции их, то хоть и ничего не будете замечать им, они будут держать ухо остро»* [3, с. 1094].

Довольно простые советы и искренняя доброжелательность святителя Феофана Затворника стали важным основанием для оформления у отца Димитрия (Самбикина) уверенности в своих силах и реализации своего видения устройства образования в духовной семинарии, на основе евангельского благочестия, святоотеческого наследия и собственного духовного опыта.

Началом фундаментального духовного образования, согласно подходу архимандрита Димитрия (Самбикина), является благо-

говейное отношение к храму и святыне. На любом месте своего служения и особенно в должности ректора Тамбовской и Воронежской духовных семинарий отец Димитрий прикладывал усилия, чтобы воспитать у будущих пастырей любовь к храму Божьему и благолепному богослужению [6, с. 40].

Вторым основанием качественного духовного образования архимандрит Димитрий считал неформальный подход к делу обучения как со стороны преподавателей, так и студентов.

От студентов требовалась добросовестность в изучении всех дисциплин, любовь к самостоятельному поиску новых знаний. Самостоятельность и ответственное отношение к каждому слову во многом удавалось воспитать у семинаристов через особое внимание ректора к письменным работам и проповедям студентов. Ректор требовал от преподавателей тщательно проверять и исправлять сочинения студентов, часть работ просматривал лично и оставлял на них свои рецензии [7, с. 17]. Воспитанник Тамбовской духовной семинарии, впоследствии профессор Казанской духовной академии, А.А. Царевский вспоминал: «Робким и скудным произведениям семинаристов он (ректор) придавал особое значение, сам затрачивал очень много времени на тщательное чтение и исправления их. Он давал массу тем, и при том совершенно необычных – живых, интересных, приучая семинаристов к самостоятельной работе над памятниками литературы... Лучшие сочинения он торжественно поощрял, выделял, заставлял прочитывать перед целым классом» [6, с. 37]. Развитию навыков самостоятельного исследования способствовала деятельность отца Димитрия по привлечению студентов к работе с архивными материалами [7, с. 12], системное пополнение семинарской библиотеки качественной учебной, научной и художественной литературой и очищение ее от сомнительных сочинений [7, с. 17].

Поощряя успехи в проповедническом мастерстве, отец Димитрий направлял студентов для произнесения проповедей не только в семинарский, но и в приходские храмы, а также публиковал лучшие проповеди студентов в епархиальных ведомостях [6, с. 37].

Отслеживая успехи студентов в учебе, отец-ректор личным общением и собственным примером побуждал быть требовательными к себе, вести нравственный образ жизни. Особо обращает на себя внимание стремление архимандрита Димитрия

воспитать у студентов уважение к себе и к воспитывающей их духовной школе [7, с. 18]. Без почтительного отношения к своей семинарии, своей семье, своей Родине и Церкви рассчитывать на полноценное всестороннее развитие личности студента духовной школы не приходится. Такое отношение к довольно непростому делу духовного образования заложило основы благодарного и ответственного мировосприятия у выпускников Воронежской духовной семинарии тех лет, которые с теплотой вспоминали годы своего обучения.

Важной составной частью подготовки будущих пастырей отец Димитрий считал получение педагогического опыта студентами богословского класса. Лучшие студенты, которые готовились к поступлению в духовные академии, получали возможность подготовить и прочесть самостоятельные лекции, которые проводились перед праздничной Литургией и посвящены были теме праздника [6, с. 37]. Педагогический опыт, который получали семинаристы не только на базе воскресных школ, что не было редкостью в духовных учебных заведениях того времени, а готовясь к выступлению перед братьями, был существенной мотивацией к качественному образованию, которую сложно было с чем-либо сопоставить.

От преподавателей архимандрит Димитрий (Самбикин) требовал «аккуратного и неуклонного исполнения своих обязанностей» [7, с. 11]. Обязанности преподавателя, по его мнению, должны быть основаны на ясном понимании того, что обучение и воспитание в семинарии призваны подготовить к будущему служению пастырей и учителей народа [7, с. 10].

Подготовка к педагогической деятельности, по мнению архимандрита Димитрия (Самбикина), должна предполагать: во-первых, обстоятельное знание своей дисциплины; во-вторых, последовательность и системность в обучении студентов своему предмету; в-третьих, тщательную подготовку к занятиям и составление плана к каждому уроку. Наконец, объем учебного материала, предлагаемого для изучения студентам, нужно тщательно соизмерять с их силами и временем, которым они располагают для подготовки к следующему занятию [7, с. 11]. Такой подход к планированию учебного процесса предполагает системную проработку учебного материала, и в современной педагогической практике реализуется через подготовку рабочей программы дисциплины.

Однако никакая методическая проработанность дисциплины не принесет должного результата в духовной школе без благожелательного отношения к воспитанникам. Исходя из основной цели духовного образования и воспитания пастырей и учителей народа, преподаватель «не должен ограничиваться одним только механическим изучением своего предмета, он должен ставить преподавание так, чтобы не только питать память юноши, но и пробуждать его любознательность, развивать его умственные силы» [7, с. 11]. То есть речь идет о воспитании полноценной, ответственной и творческой личности, мотивированной к самосовершенствованию, которая должна стать светом миру (Мф. 5,14).

Архимандрит Димитрий (Самбикин), следуя совету святителя Феофана Затворника, активно посещал лекции преподавателей. Присутствие ректора в аудитории, с одной стороны, стимулировало опытных преподавателей к самосовершенствованию, с другой стороны, было поддержкой молодых педагогов, которые могли получить совет от ректора как собрата и наставника. Такой подход к преподавателям и в целом деятельность отца-ректора позволила сплотить до того времени разрозненный педагогический коллектив семинарии [6, с. 46] для достижения общей цели – воспитать достойных пастырей и учителей народа.

Помимо организации обучения студентов, пристальное внимание уделял отец Димитрий воспитательному процессу. С одной стороны, характерной особенностью его педагогического подхода была открытость по отношению к студентам: он беседовал с воспитанниками при всяком удобном случае, принимал участие в решении их жизненных трудностей. С другой стороны, архимандрит Димитрий «не оставлял без строгого порицания уклонения их от дисциплины и порядка» [7, с. 14], хотя из семинарской практики именно при нем были исключены физические наказания студентов [6, с. 39]. Такой подход был связан с требовательностью ректора к себе и пониманием ответственности как важнейшего качества будущего пастыря, которую стремился воспитать отец Димитрий в семинаристах.

Ключевым фактором, который обеспечивал успех педагогической системы архимандрита Димитрия (Самбикина), был его личный авторитет благоговейного пастыря и христианина, для которого нормой жизни было, насколько возможно, частое учас-

тие в церковном богослужении, постоянство в келейной молитве и чтении Священного Писания; авторитет широко образованной личности, обладающей научной эрудицией; авторитет – талантливое проповедника и педагога, который свободно импровизировал слова и лекции на актуальные темы церковной жизни, побуждающие любить науку и благочестие. Педагогический подход отца Дмитрия (Самбикина) исключал безразличное отношение ко всем участникам учебного процесса и семинарской жизни.

Не последнее место архимандрит Димитрий отводил в деле обучения и воспитания студентов духовной школы внешнему виду студентов и условиям их жизни и обучения. В Тамбове под его непосредственным руководством было построено новое здание для семинарии. По его инициативе для помощи малоимущим студентам как в Тамбове, так и в Воронеже были учреждены особые стипендии из личных средств ректора. Для поддержания подобающего внешнего вида семинаристов отец-ректор инициировал занятия музыкой и пением и, что особенно знаменательно, проведение ученических вечеров, участие в которых мотивировало студентов следить за собой «не за страх, а за совесть» (Рим. 13, 7).

Евангельская истина гласит: «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16). Плод, который принесла Воронежская духовная семинария в годы ректорского служения (1881–1887) архимандрита Димитрия (Самбикина) и его преемника на посту ректора, ближайшего помощника и сподвижника протоиерея Алексея Спасского (1887–1900), позволяет оценить эффективность данной педагогической системы. Из девяти воспитанников Воронежской духовной семинарии, прославленных в лице святых, семь обучались в духовной школе в эти годы. Так, в 1885 году из семинарии выпустился будущий священномученик Петр (Полянский), митрополит Крутицкий (+1937) [2, с. 187], в 1890 году – будущий священномученик Митрофан (Краснопольский), архиепископ Астраханский (+1919) [2, с. 204]: оба обучались в годы руководства Воронежской семинарией архимандритом Димитрием (Самбикиным). В годы управления духовной школой протоиереем Алексеем Спасским из ее стен вышли: в 1892 году – будущий преподобноисповедник Сергей (Сребрянский) (+1948) [2, с. 211], в 1893 году – будущий священномученик Александр Вислянский (+1930) [2, с. 213–214], в 1896 году – будущий священномученик Даниил Алферов

(+1930) [2, с. 225], в 1897 году – будущий священномученик Борис (Воскобойников), епископ Ивановский (+1937) [2, с. 230], а в 1901 году – будущий священномученик Исмаил Базилевский (+1941) [2, с. 246–247].

Педагогический подход архимандрита Димитрия (Самбикина) является системным и творческим воплощением святоотеческих принципов духовного образования, которые коренятся в глубокой православной традиции. Педагогические принципы, предложенные архиепископом Димитрием, доказавшие свою эффективность и обогатившие духовно-учебную традицию Воронежской духовной семинарии, в контексте обсуждения перспектив развития духовного образования в Русской Православной Церкви, обращают на себя особое внимание.

Список литературы

1. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. – Москва : Российское библейское общество, 2015. – 1337 с.

2. Выпускники Воронежской духовной семинарии 1745–2015 гг. : материалы к биограф. справ. / отв. ред. священник П. Овчинников. – Воронеж : Изд. отдел Воронеж. Православ. духов. семинарии, 2015.

3. Письма Преосвященного Епископа Феофана к А.Д. [архимандриту Димитрию] // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1901. – № 49, неофиц. ч. – С. 1093–1097.

4. Рева, К.А., священник. «Духовное завещание» святителя Митрофана как начало Воронежской церковной книжности : педагогический аспект / священник К.А. Рева // Книга в современном мире : кризис логоцентризма и / или торжество визуальности? : материалы междунар. науч. конф., 28 февр. – 2 марта 2017 г. / науч. ред. М.К. Попова. – Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 166–172.

5. Рева, К.А., священник. Концепция духовного образования святителя Тихона Задонского и современность / священник К.А. Рева // Духовные школы на рубеже эпох : уроки истории : материалы науч.-богослов. конф. – Курск : Курск. православ. духов. семинария, 2017. – С. 112–126.

6. Царевский, А.А. Святитель-молитвенник архиепископ Димитрий (Самбикин) в главнейших фактах его жизни и по личным

о нем воспоминаниям / А.А. Царевский // Архиепископ Димитрий (Самбикин) / сост. свящ. В. Скоробогатко. – Воронеж : Альбом, 2018.

7. Спасский А., прот. Памяти Высокопреосвященного Димитрия, архиепископа Казанского и Свияжского / протоиерей А. Спасский // Воронежская старина. – 1909. – Вып. 8. – С. 1–30.

UDC 261.5

**FUNDAMENTALS OF SPIRITUAL
EDUCATION
ACCORDING TO THE TEACHINGS
OF ARCHIMANDRITE DIMITRI
(SAMBIKIN), RECTOR OF TAMBOV
AND VORONEZH THEOLOGICAL
SEMINARIES**

Konstantin Reva, Priest
Master of Theology,
Vice-rector for Research and
Methodology
Voronezh Diocese
Russian Orthodox Church
E-mail: nestr09@yandex.ru

For citation: *Reva, K., Priest. Fundamentals of Spiritual Education According to the Teachings of Archimandrite Dimitri (Sambikin), Rector of Tambov and Voronezh Theological Seminaries // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue. 8. P. 103–113.*

Abstract

The article is devoted to the pedagogical heritage of the Archbishop of Kazan and Sviyazhsk Dimitri (Sambikin), who was successively the rector of Tambov and Voronezh theological seminaries. At the initial stage of his spiritual and educational activity in those years, Archimandrite Dimitri was in correspondence with St. Theophan the Recluse. The instructions of St. Theophan were largely laid in the foundation of Father Dimitri teachings about spiritual education. Systematic approach to the organization of spiritual education,

proposed by Archbishop Dimitri (Sambikin) made it possible to prepare worthy pastors and archpastors, including new martyrs of the Russian Church.

Keywords: Archbishop Dimitri (Sambikin); spiritual education; Voronezh Theological Seminary; Tambov Theological Seminary; St. Theophan the Recluse; new martyrs; spiritual and educational tradition

References

1. Bibliya : knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zavetov [The Bible: Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow, Russian Bible Society, 2015. 1337 p. (in Russian)

2. Vypuskniki Voronezhskoi dukhovnoi seminarii 1745–2015 gg. : materialy k biograficheskomu spravochniku [Graduates of Voronezh Theological Seminary of 1745–2015 : Materials to Biographical Directory]. / executive editor Priest P. Ovchinnikov. Voronezh, Publications Department of Voronezh Orthodox Theological Seminary, 2015. (in Russian)

3. Pis'ma Preosvyashchennogo Feofana k A.D. [Archimandrite Dimitri] [Letters from His Grace Bishop Theophanes to A.D. [Archimandrite Dimitri]] // Tambovskie Eparkhial'nye Vedomosti. 1901, no. 49. Unofficial part, pp. 1093–1097. (in Russian)

4. Reva, K.A., Priest. "Dukhovnoe zaveshchanie" svyatitelya Mitrofana kak nachalo Voronezhskoi tserkovnoi knizhnosti : pedagogicheskii aspekt [The «Spiritual Testament» of St. Mitrofan as the Beginning of Voronezh Church Books: Pedagogical Aspect]. // Books in the Modern World: Crisis of Logo-Centrism and / or the Triumph of Visuality? : proceedings of the international scientific conference, Feb. 28. - March 2, 2017 / scientific. ed. M.K. Popova. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University, 2018, pp. 166–172. (in Russian)

5. Reva, K.A., Priest. Kontseptsiya dukhovnogo obrazovaniya svyatitelya Tikhona Zadonskogo i sovremennost' [The Concept of Spiritual Education of St. Tikhon of Zadonsk and Modern Times]. // Theological schools at the turn of the epoch: history lessons: materials of a scientific theological conference. Kursk, Kursk Orthodox Theological Seminary, 2017, pp. 112–126. (in Russian)

6. Tsarevsky, A.A. Svyatitel'-molitvennik arkhiepiskop Dimitri (Sambikin) v glavneishikh faktakh ego zhizni i po lichym o nem

vospominaniyakh [Saint and Man of Fervent Prayer Archbishop Dimitri (Sambikin) in the Most Important Facts of his Life and Personal Memories of Him]. // Archbishop Dimitri (Sambikin) / comp. Priest B. Skorobogatko. Voronezh, Album, 2018, pp. (in Russian)

7. *Spassky, A., Archpriest. Pamyati Vysokopreosvyashchennogo Dimitriya, Arkhiepiskopa Kazanskogo i Sviyazhskogo [In Memory of His Eminence Dimitri, Archbishop of Kazan and Sviyazhsk]. // Voronezhskaya starina. 1909, vol. 8, pp. 1–30. (in Russian)*

УДК 260.1

**СИМФОНИЯ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ
И УКРЕПЛЕНИИ
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ
ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВА**

Валеева Галина Викторовна

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и культурологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
университет им. Л.Н. Толстого»
E-mail: stark.k@rambler.ru

Слобожанин Алексей Вячеславович

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и культурологии
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
университет им. Л.Н. Толстого»
E-mail: aslob85@yahoo.com

Для цитирования: Валеева, Г.В., Слобожанин, А.В. Симфония Русской Православной Церкви и государства в формировании и укреплении духовно-нравственных ценностей современного общества // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 113–120.

Аннотация

Статья посвящена вопросу взаимодействия государства и Русской Православной Церкви на современном этапе развития российского общества. Определяются основные направления данного взаимодействия: сохранение и распространение традиционных ценностей русской культуры. Детально определяются способы взаимодействия Церкви и семьи, Церкви и армии. В завершение статьи делается вывод, что симфония выступает условием формирования свободной личности в соответствии с духовно-нравственными и религиозными идеалами русской культуры.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; симфония; традиционные ценности; государственно-церковные отношения.

Социальные, экономические и политические преобразования, происходящие в нашей стране в последние десятилетия, безусловно, породили моральный релятивизм и новые нравственные ориентиры. Происходит переоценка ценностей, ведущая к разобщенности русского народа и общественному упадку в целом. В связи с чем особый акцент государство делает на поддержание системы духовно-нравственных и культурных ценностей, которая выступает как исторически сложившаяся основа идентичности народов России. Так, Президент Российской Федерации В.В. Путин в ежегодном Послании Федеральному Собранию призывает «сохранить Россию как цивилизацию, основанную на собственной идентичности, <...> на многовековых традициях, на культуре наших народов, ценностях и наших традициях» [4]. Таким образом, проблема формирования и укрепления духовно-нравственных ценностей современного общества является весьма актуальной, поскольку это та «база», на которой строится консолидация и стабильность российского общества.

«Естественным партнером государства» [1] в решении данной проблемы выступает Русская Православная Церковь, как один из мощнейших социальных институтов, чей исторический опыт и духовный потенциал оказал огромное воздействие на формирование духовных, культурных и национальных ценностей русского народа. На собрании в честь 10-летия Поместного Собора Русской Православной Церкви и Патриаршей интронизации президент особо подчеркнул, что «нравственное воспитание является основной сферой партнерства государства и Церкви...» [1]. Действительно,

в настоящее время РПЦ занимает активную позицию в нравственном «оздоровлении» современного российского общества, а также в различных проектах, обращенных на укрепление государственности и идентичности. Так, в официальном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» [2] выделяются такие духовно-нравственные ценности христианства, как: добро, милосердие, любовь, справедливость, служение, свобода и т.д. На основе указанных ценностей предполагается самосовершенствование личности с последующим воздействием на все сферы жизни с целью их улучшения.

Выделим несколько направлений совместной работы Русской Православной Церкви и государства по формированию и укреплению духовно-нравственных ценностей современного общества.

Прежде всего, Церковь и государство особое внимание уделяют семье и ее роли в процессе формирования духовной личности. О семье как малой Церкви и ее исключительной роли говорится в социальной концепции РПЦ: «... Семья может стать домашней Церковью, в которой муж и жена совместно с детьми возрастают в духовном совершенствовании, <...> ее не могут подменить иные социальные институты...» [2]. Семья выступает той основой, благодаря которой формируется должное отношение к ближним, а значит, и к обществу в целом. «Преимственность поколений, начинаясь в семье, обретает свое продолжение в любви к предкам и отечеству, в чувстве сопричастности к истории. Поэтому столь опасно разрушение традиционных связей родителей с детьми, которому, к сожалению, во многом способствует уклад жизни современного общества» [2]. Свой долг Церковь и государство видят в поддержке и укреплении традиционных семейных ценностей, таких как: любовь, целомудрие, единобрачие, многопоколенность, верность, доверие, взаимоуважение и т.д. В целях разработки комплекса мер по укреплению и преодолению кризиса семейных ценностей проводятся разъяснительные и просветительские беседы с будущими супругами и будущими родителями (например, на базе различных благотворительных учреждений); организуются тематические выставки, которые сопровождаются сопутствующей лекционной работой; ведется пропаганда семейных ценностей и семейного образа жизни; проводится информирование населения о семьях, достигших успеха в воспитании детей. Проводятся также мероприятия

социальной направленности: фестивали («Семья года», «День семьи, любви и верности»), акции («Семья поможет семье»), форумы («Успешная семья»), тематические встречи («Молодая семья в системе православных ценностей»). Кроме того, для взаимодействия с органами государственной власти, занимающимися вопросами семейной политики, в 2011 году была создана Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства [3]. Важно отметить, что проведение такой совместной деятельности Русской Православной Церкви и государства по формированию и укреплению духовно-нравственных ценностей дает возможность современным молодым людям увидеть нравственный облик института семьи и пересмотреть содержание своей жизни.

Особое значение отводится вопросам формирования духовно-нравственных ценностей в молодежной среде. Взаимодействие церкви и государства в данном направлении может осуществляться посредством нескольких видов деятельности:

- духовно-просветительский или миссионерский (беседы, уроки, встречи со священнослужителями, паломнические поездки и т.д.);
- социально-культурный (проведение праздников, концертов, выставок, организация туристических поездок к объектам культурного назначения, летнего отдыха, тематических встреч и т.д.);
- научно-методический (круглые столы, семинары, чтения, симпозиумы, конференции).

Воздействие Церкви и государства на формирование и укрепление духовно-нравственных ценностей молодежи происходит и в сфере образования. В документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» указано: «Церковь, следуя многовековой традиции, уважает светскую школу и готова строить свои взаимоотношения с ней, исходя из признания человеческой свободы» [2]. Так, нравственное воспитание молодежи Церковь реализует в воскресных школах, православных гимназиях, высших духовных учебных заведениях. Взаимодействие Церкви с государственной системой образования реализуется в процессе преподавания курса «Основы православной культуры» в средней общеобразовательной школе, а также в системе вузовского образования на направлении подготовки «Теология». В социальной концепции РПЦ отмечено, что «устремленность к Истине, подлинному нрав-

ственному чувству, любви к ближним, к своему отечеству, его истории и культуре – должно стать задачей школы не в меньшей, а может быть, и в большей мере, чем преподавание знаний» [2]. Поэтому образование и нравственное воспитание должны быть направлены на развитие высокодуховной и всесторонне развитой личности, а также на организацию гармоничных отношений человека и общества. Итогом партнерской работы Церкви и государства в сфере образования является обретение системы духовно-нравственных ценностей, которая выступает основой жизни человека и отражается во внутренней приверженности и в любви к истине.

Совместная работа Церкви и государства по формированию и укреплению духовно-нравственных ценностей реализуется и в Вооруженных Силах Российской Федерации. Цели данного направления деятельности выражаются в следующем: поддержание и сохранение идеи патриотизма и любви к Родине, которые выступают как основополагающие духовно-нравственные ценности военнослужащих; формирование и упрочнение нравственных начал в жизни военных; возрождение традиции верного служения Отечеству; пастырское служение в армии. Важно отметить, что в 1995 году был сформирован и действует по настоящее время Синодальный отдел по взаимодействию с ВС и правоохранительными учреждениями [5], задача которого заключается в координации и практическом осуществлении «пастырской и духовно-просветительской деятельности среди военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, членов их семей» [5]. В социальной концепции Русской Православной Церкви указано, что те соглашения о сотрудничестве, которые заключены между церковью и Вооруженными Силами, «открывают большие возможности для преодоления искусственно созданных средостений [2], для возвращения воинства к веками утвержденным православным традициям служения отечеству». Так, возводятся храмы и часовни на территории воинских частей (например, храм в честь святого благоверного великого князя Дмитрия Донского на территории 51-го гвардейского парашютно-десантного Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка в городе Туле). Ведется культурно-досуговая, просветительская и учебно-методическая работа, благотворительные мероприятия, издается литература по духовно-нравственному воспитанию и т.д. Церковь и государство в своей

совместной работе с ВС России ориентируются на воспитание таких духовно-нравственных ценностей, как: патриотизм, гражданственность, государственность, долг, ответственность, честность, совесть, милосердие и т.д. Эти ценности характеризуют военнослужащего не только как профессионала, исполняющего свой воинский долг, но и как личность и достойного гражданина России.

Таким образом, мы видим, что симфония Русской Православной Церкви и государства в формировании и укреплении духовно-нравственных ценностей выражается в решении проблемы возрождения морального облика российского общества, а также в создании условий для развития гармоничной личности, отвечающей идеалам российской духовной культуры.

Список литературы

1. Нравственное воспитание прежде всего: Путин назвал основную сферу партнерства государства и Церкви // Православная беседа : информ.-аналит. портал. URL: [p-beseda.ru /publication/](http://p-beseda.ru/publication/) (дата обращения: 21.04.2019).

2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Азбука веры : православ. интернет-портал. URL: <https://azbyka.ru/zdorovie/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (дата обращения: 21.04.2019).

3. Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства // Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства : [офиц. сайт] / Русская Православная Церковь. URL: <http://pk-semya.ru> (дата обращения: 21.04.2019).

4. Послание Президента Федеральному Собранию // kremlin: Президент России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 21.04.2019).

5. Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Моск. Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/65957.html> (дата обращения: 21.04.2019).

UDC 260.1

**SYMPHONIA OF THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH AND
STATE IN THE RATIONING AND
STRENGTHENING
OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES
IN MODERN SOCIETY**

Valeeva Galina V.

PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and
Cultural Studies Lev Tolstoy Tula State
Pedagogical University
E-mail: stark.k@rambler.ru

Slobozhanin Aleksei V.

PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and
Cultural Studies Lev Tolstoy Tula State
Pedagogical University,
E-mail: aslob85@yahoo.com

For citation: *Valeeva, G.V., Slobozhanin, A.V.* Symphonia of the Russian Orthodox Church and State in the rationing and Strengthening of Spiritual and Moral Values in Modern Society // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue. 8. P. 113–120.

Abstract

The article discusses the interaction between the state and the Russian Orthodox Church at the present stage of the development of Russian society. The main areas of this interaction are defined, including preservation and distribution of traditional values of Russian culture. The ways of interaction between Church and family, Church and army are determined in detail. The Church conducts talks with newlyweds, helps spouses to carry out religious and moral education of children, contribute to the formation of ideas about the inviolability of the Orthodox family, the inadmissibility of adultery and divorce. The ways of work of the Church with youth are revealed. They are classified as follows: spiritual and educational or missionary, social and cultural, scientific and methodical. At the end the article concludes that the

symphony is a condition for the formation of a free personality in accordance with spiritual, moral and religious ideals of Russian culture.

Keywords: The Russian Orthodox Church; symphony; traditional values; state and church relations.

References

1. Nравstvennoe vospitanie prezhde vsego: Putin nazval osnovnuyu sferu partnerstva gosudarstva i Tserkvi [Moral Education is the Primary Thing: Putin Called the Main Sphere of Partnership between the State and the Church]. Pravoslavnyaya beseda : informatsionno-analiticheski portal (in Russian). Available at: p-beseda.ru/publication/ (Accessed: 21.04.2019).

2. Osnovy sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi [Fundamentals of Social Concept of the Russian Orthodox Church]. Azbyka very : pravoslavnyi internet-portal. (in Russian). Available at: <https://azbyka.ru/zdorovie/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi> (Accessed: 21.04.2019).

3. Patriarshaya komissiya po voprosam sem'I, zashchity materinstva i detstva [Patriarchal Commission on Family, Protection of Motherhood and Childhood]. Patriarchal Commission on Family, Protection of Motherhood and Childhood. The Russian Orthodox Church. (in Russian). Available at: <http://pk-semya.ru> (Accessed: 21.04.2019).

4. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [Presidential Address to the Federal Assembly]. The Kremlin: President of Russia. (in Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (Accessed: 21.04.2019).

5. Sinodal'nyi otdel po vzaimodeistviyu s Vooruzhennymi Silami i pravookhranitel'nymi organami [Synodal Department for Cooperation with the Armed Forces and Law Enforcement Agencies]. The Russian Orthodox Church : the Official Website of the Moscow Patriarchate (in Russian). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/65957.html>, free. (Accessed: 21.04.2019).

УДК 281.9

**СХИМОНАХИНЯ СЕРАФИМА
МИЧУРИНСКАЯ
И ЕЕ РОЛЬ В ВОССТАНОВЛЕНИИ
НИКОЛЬСКОГО ХРАМА
ГОРОДА ВОРОНЕЖА**

Воевудский Павел Леонидович
выпускник пастырского факультета
Воронежской духовной семинарии,
чтец Никольского храма г. Воронежа
E-mail: pvoevudskiy@mail.ru

Для цитирования: *Воевудский, П.Л.* Схимонахиня Серафима Мичуринская и ее роль в восстановлении Никольского храма города Воронежа // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 121–129.

Аннотация

Статья посвящена воронежскому периоду жизни монахини Серафимы (Белоусовой) Мичуринской, ее участию в восстановлении пострадавшего в годы Великой Отечественной войны храма святителя Николая Чудотворца и возобновлении в нем полноценной приходской жизни.

Ключевые слова: Матрона Поликарповна Белоусова; схимонахиня Серафима (Белоусова); монахиня Серафима Мичуринская; храм Святителя Николая Чудотворца г. Воронежа.

Православным верующим Центральной России знакома жившая в середине двадцатого века в городе Мичуринске Тамбовской области одна удивительная женщина, почти наша современница. Это известная подвижница благочестия схимонахиня Серафима, в миру – Матрона Поликарповна Белоусова¹ (1890 – 1966). Она помогала приходящим к ней людям в горестях и страданиях, решала их проблемы, духовно укрепляла, иногда даже и материально

¹ В тексте используется светское имя и отчество матушки Серафимы – Матрона Поликарповна, т.к. в период времени рассматриваемых событий она еще не была пострижена в монашество (*Прим. авт.*).

заботилась, а главное, молилась за них. Благодарные верующие, утешенные ее молитвенной помощью и сердечным участием, ласково обращались к ней «матушка Серафима».

Духовная жизнь Матроны Поликарповны неразрывно связана со Свято-Введенской Оптиной пустыней. От оптинских старцев – преподобных Амвросия (Гренкова) и Анатолия (Потапова) – она унаследовала дар утешения и молитвы за всех, кто обращался к ней за помощью и советом. Помимо возрождения человеческих душ от греха к покаянию, от отчаяния к надежде и прощению, матушка Серафима по воле Божией стала активной участницей восстановления из руин храма святителя Николая Чудотворца города Воронежа.

Возведение этого храма, одного из старейших в городе, историки относят к 1720 году. Это был первый по времени основания каменный приходской храм. Расположенный недалеко от того места, где царь Петр I основал первый в России корабельный флот, выполненный в архитектурном стиле барокко, Никольский храм и сегодня украшает собой правобережную часть города. За свою почти трехсотлетнюю историю Никольский храм простоял без богослужений всего лишь три года, с 1940 по 1943. Все остальное время он использовался по своему прямому назначению [1, с. 75–78].

Во время Великой Отечественной войны правобережная часть города была оккупирована немецкими войсками. Перед началом оккупации семья Белоусовых, жившая в Воронеже с 1934 года, как и многие жители, покинула город и стала беженцами. В результате боевых действий Никольский храм сильно пострадал: были разбиты два яруса колокольни, сгорели кровля трапезной и покрытие купола. По свидетельству очевидцев, среди поврежденных фресок лишь лик Николая Чудотворца сохранился нетронутым [3, с. 26]. Таким увидела этот храм Матрона Поликарповна, возвратившаяся с семьей в Воронеж после оккупации в январе 1943 года.

Великая Отечественная война заставила власти пересмотреть свое отношение к Русской Православной Церкви. В мае 1943 года, согласно постановлению Совнаркома «О порядке открытия церквей», Никольский храм г. Воронежа вновь получил статус действующего. Настоятелем стал протоиерей Алексей Образцов¹. В 1944 году на

¹ Протоиерей Алексей Образцов (1888 – 1953), выпускник Тамбовской духовной семинарии 1911 г., впоследствии – епископ Ульяновский и Мелекесский Паисий. В 1943–1944 гг. являлся настоятелем Никольского кафедрального собора г. Воронежа [2, с. 485].

Воронежскую кафедру был назначен архиепископ Иона (Орлов)¹. Местом служения владыки стал единственный действующий в то время в городе Никольский храм. Храм получил статус кафедрального собора епархии [5, с. 72]. По благословению правящего архиерея началось восстановление прежнего облика храма по проекту архитектора Б.Н. Зотова. Руководил работами инженер Г.М. Курчин [1, с. 81].

Верующее сердце Матроны Поликарповны не могло остаться равнодушным, горело желанием помочь в восстановлении храма. Она стала старостой приходской общины и исполняла эти обязанности с 1944 по 1946 год. По благословению архиепископа Ионы будущая мичуринская схимонахиня вошла в состав группы из двадцати человек, возглавив исполнительный орган приходской общины Никольского кафедрального собора Воронежа. Она отправила в исполнительный комитет Центрального районного совета депутатов трудящихся заявление от имени «группы верующих, желающих добровольно объединиться для совершения религиозных обрядов по православному вероисповеданию, с письменным ходатайством о регистрации религиозной общины при Никольском соборе города Воронежа, расположенном по адресу: ул. Таранченко, 19а, и о передаче в бессрочное и бесплатное использование молитвенного здания, находящейся при нем сторожки и культового имущества» [4, с. 156]. К заявлению прилагались списки членов двадцатки, исполнительного органа, ревизионной комиссии, анкета священнослужителей, инвентарная опись и договор. Действительность двадцати подписей под заявлением была заверена благочинным православных приходов Воронежской епархии протоиереем Алексием Образцовым и секретарем исполкома А.Я. Галчинской. В результате власти передали общине полуразрушенный кафедральный собор и сохранившуюся богослужебную утварь и имущество, которые находились в ветхом и изношенном состоянии, но все же были пригодны для совершения церковных служб и работы храма.

¹ Архиепископ Иона (Орлов) (1865–1945), выпускник Тамбовской духовной семинарии 1888 г. В 1944–1945 гг. являлся правящим архиереем Воронежской епархии с титулом «Архиепископ Воронежский и Острогосский». Похоронен за алтарем Никольского храма г. Воронежа, являвшегося в то время кафедральным собором [2, с. 307–308].

Когда будущая схимонахиня Серафима принялась за восстановление пострадавшего Никольского храма, у нее было всего пять рублей. По воспоминаниям жительницы Воронежа схимонахини Марии, помощницы матушки в восстановлении храма, Матрона Поликарповна не впала в отчаяние, а стала истово и слезно молиться, прося Бога о помощи. И буквально на следующий день стали приходить самые разные люди и предлагать свою посильную помощь в виде денег, продуктов питания, строительных материалов. По святым молитвам Матроны Поликарповны и ее мужа Кирилла Петровича, который также в свободное от работы время молился и читал акафист, людская помощь не иссякала и всегда приходила вовремя. Менее года потребовалось, чтобы соборный храм во имя святителя Николая Чудотворца был почти полностью восстановлен [4, с. 159–161].

Одновременно с восстановлением храма стала налаживаться и богослужebная жизнь прихода. В 1944 году настоятель Никольского собора протоиерей Алексей Образцов обратился в горисполком с просьбой «разрешить крестный ход на реку в день водосвятия, 19 января в 10 часов утра, в соответствии с церковно-уставной традицией». Крестный ход властями был разрешен с условием уведомить об этом милицию. В крестном ходе во главе с архиепископом Ионой приняло участие до пяти тысяч человек [1, с. 81]. По благословению архиепископа Ионы усилиями старосты храма Матроны Поликарповны при Никольском кафедральном соборе был организован епархиальный комитет по сбору средств в фонд обороны. Она с помощью прихожан собирала пожертвования на вооружение Советской Армии и отправляла их в фонд обороны. Несмотря на то что приходская община сама нуждалась в средствах на восстановление храма, в мае 1944 года епархиальный комитет по организации сборов также приобрел для одного из воронежских госпиталей мебель на сумму около тридцати тысяч рублей. За пасхальные дни того же года от приходов поступило на патриотические цели двести тысяч рублей. Всего же за 1944 год по епархии в фонд обороны было собрано почти три миллиона рублей, которые пошли на подарки солдатам, лечение больных и раненых, на помощь семьям воинов, инвалидам войны и детям.

Такая активная деятельность не осталась незамеченной властями. В мае 1945 года староста храма Матрона Поликарповна

Белоусова и архиепископ Воронежский и Острогожский Иона были удостоены благодарственного письма И.В. Сталина за переданные в фонд обороны четыреста тысяч рублей от приходской общины Никольского кафедрального собора г. Воронежа [3, с. 28–29]. В свою очередь архиепископ Иона также выразил благодарность Матроне Поликарповне за ее труды. Он преподал ей свое архипастырское благословение и вручил выпущенную в 1942 году издательством Московской Патриархии книгу «Правда о религии в России» с дарственной надписью: «Ктитору святого храма Божия во имя святителя и чудотворца Николая, Матроне Поликарповне Белоусовой, проходящей свою должность с благоговением, усердием и примерной честностью, на добрую память и молитвенное воспоминание. 20.V.1945 г. Архиепископ Воронежский и Острогожский Иона», а также наградил грамотой «За усердные труды на пользу святой Божией Православной Церкви в приходе Никольского кафедрального собора г. Воронежа» [4, с. 161–162].

Однако на этом труды матушки по восстановлению Никольского храма не закончились. В 1946 году власти разрешили церковный колокольный звон. По прошению Матроны Поликарповны и ходатайству преемника владыки Ионы на Воронежской кафедре митрополита Иосифа (Орехова) в храм из организации «Горцветмет» доставили несколько колоколов, которые вскоре были установлены на колокольне. Тогда же усилиями приходской общины в храме открылась библиотека. Основу библиотеки составили пожертвованные прихожанами книги богослужебного и духовного содержания, тетради с переписанными от руки псалмами, молитвами и акафистами [3, с. 30].

Поистине неоценим вклад будущей схимонахини Серафимы (Белоусовой) в дело восстановления Никольского храма г. Воронежа, почти полностью разрушенного в годы Великой Отечественной войны, а также в возобновление в нем полноценной приходской жизни. Сделать это было непросто. Урон, нанесенный стране войной, был огромен. Страна и население испытывали недостаток материальных средств. А отношение властей к религии, несмотря на некоторое смягчение в период войны, оставалось неодобрительным. Контроль за приходской жизнью в храмах по-прежнему осуществлял Совет по делам религий СССР. Несмотря на все это, люди, видя высоконравственную и духовную жизнь

Матроны Поликарповны, и сердечное отношение к ближним, помогали ей, кто чем мог. Она сумела объединить вокруг себя людей различных сословий для помощи в благом деле возрождения Никольского храма. Благодаря трудам матушки Серафимы и ее помощников «были восстановлены колокольня, пострадавшая во время войны, паровое отопление, произведен ремонт главной части храма. Никольская церковь взята на учет Отделом охраны памятников при Совете Министров СССР как исторический памятник времен Петра Великого» [6, с. 603]. Со времени восстановления по сегодняшний день в храме непрерывно совершаются богослужения. В настоящее время он является одним из красивейших храмов Воронежа. Достойное место в храме занимает образ Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших», келейная икона схимонахини Серафимы, у которой она в слезных молитвах проводила дни и ночи.

Безусловно, свидетелями добродетельной и нравственной жизни мичуринской подвижницы были многие ее современники. Иеросхимонах Нектарий (Овчинников)¹ хорошо знал ее в то время, когда жил в Воронеже. Он вспоминал: «Матушка Серафима служила нам примером. Вся ее жизнь переплетена делами любви. Свою беседу с людьми она наполняла словами любви и мира. Это – от всё любящее сердце. Много она потрудилась: сеяла семена любви везде, они возрастали и давали хорошие плоды. Она была женою, матерью, другом, наставницей. Как мать, она простирала свою любовь не только к духовным чадам, но и ко всему миру. За всех плакала, плакала непрестанно, молясь за весь мир...» [4, с. 138]. Эти слова свидетельствуют о том, что Серафима Мичуринская была усердной молитвенницей и человеком праведной жизни.

Святая жизнь и деяния матушки Серафимы послужили основанием для создания в 2004 году, по благословению епископа Тамбовского и Мичуринского Феодосия (Васнева)², епархиальной комиссии по канонизации подвижницы. А в Мичуринске при храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», рядом

¹ Иеросхимонах Нектарий (Овчинников) (1903–1985) – уроженец с. Хоботово Тамбовской губернии, служил штатным священником Вознесенского кафедрального собора г. Ельца. В 1937–1949 гг. жил в г. Воронеже, где до принятия священного сана работал врачом-хирургом и руководил областной станцией переливания крови.

² В настоящее время – митрополит Тамбовский и Рассказовский.

с которым покоятся ее честные останки, продолжается сбор свидетельств о чудесах и исцелениях по молитвам к матушке, начатый в 1990-х годах по благословению архиепископа Тамбовского и Мичуринского Евгения (Ждана). Духовник Тамбовской епархии протоиерей Николай Засыпкин¹, лично знавший схимонахиню Серафиму, свидетельствовал о многочисленных примерах помощи в разрешении сложных жизненных ситуаций, которую получали верующие люди после молитвенного обращения к ней [4, с. 211].

Наступающий 2020 год будет юбилейным, потому что будут отмечаться две памятные даты: сто тридцать лет со дня рождения матушки Серафимы и триста лет со времени освящения Никольского храма города Воронежа. Отраднo сознавать, что храм святителя Николая Чудотворца и по сей день является видимым воплощением деятельной любви матушки Серафимы не только к жителям Воронежа, но и ко всем людям, приходящим под его святые своды, возносящим молитвы о своих родных и близких и получающим душевный покой и утешение.

Список литературы

1. *Акиньшин, А.Н.* Храмы Воронежа / А.Н. Акиньшин. – Воронеж : Кварта, 2003. – 240 с.

2. *Киреев, А., протодиак.* Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2005 годах / протодиакон А. Киреев. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2005. – 544 с.

3. *Коробанов, А.Е.* Твердыня веры : Никольский храм г. Воронежа / А.Е. Коробанов. – Воронеж : Изд. отд. Воронеж. митрополии, 2015. – 72 с.

4. *С Крестом и Евангелием* : кн. об одном удивительном монастыре и его старцах. – Задон. Рождество-Богородиц. муж. монастырь, 2009. – 464 с.

5. *Сапелкин, Н.С.* За други своя : Воронеж. епархия в годы Великой Отечеств. войны / Н.С. Сапелкин. – Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2009. – 2002 с.

¹ Протоиерей Николай Засыпкин (1930–2017), в монашеском постриге – иеросхимонах Митрофан, духовник Тамбовской епархии, настоятель Петропавловского храма г. Тамбова.

6. *Сергий (Петров), архиеп.* История Воронежской епархии от ее учреждения до 1960-х гг. / архиепископ Херсонский и Одесский Сергей (Петров). – Воронеж : Центр духов. возрождения Чернозем. края, 2011. – 644 с.

UDC 281.9

**SCHEMA NUN SERAPHIMA OF
MICHURINSK AND HER ROLE IN THE
RESTORATION OF
ST. NICHOLAS CHURCH IN VORONEZH**

Pavel Voevudsky L.

pastoral graduate Voronezh Theological Seminary, a reader of the St. Nicholas Church in Voronezh
E-mail: pvoevudskiy@mail.ru

For citation: *Voevudsky, P.L.* Schema nun Seraphima of Michurinsk and her role in the restoration of St. Nicholas Church in Voronezh // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 121–129.

Abstract

The article is devoted to the Voronezh period of the life of the nun Serafima of Michurinsky, her participation in the restoration of the church of St. Nicholas the Wonderworker, which suffered during the Great Patriotic War, and the resumption of a full-fledged parish life in it.

Keywords: Matrona Polikarpovna Belousova; schema-nun Seraphim (Belousova); nun Seraphim of Michurinsk; Church of St. Nicholas the Wonderworker of Voronezh.

Referenses

1. *Akinshin, A.N.* Khramy Voronezha [Temples of Voronezh]. Voronezh, Quarter, 2003, 240 p. (in Russian)
2. *Kireev, A., protodiak.* Yeparkhii i arkhiyerei Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1943–2005 godakh [Dioceses and bishops of the Russian Orthodox Church in 1943–2005]. Publishing House

of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2005, 544 p. (in Russian)

3. *Korobanov, A.E.* Tverdynya very. Nikol'skiy khram g. Voronezha [Stronghold of faith. Nikolsky temple of Voronezh]. Publishing Department of the Voronezh Metropolis, 2015, 72 p. (in Russian)

4. S Krestom i Yevangeliyem. Kniga ob odnom udivitel'nom monastyre i yego startsakh. [With the Cross and the Gospel. A book about one amazing monastery and its elders]. Zadonsky Christmas-Bogoroditsky male monastery, 2009, 464 p. (in Russian)

5. *Sapelkin, N.S.* Za drugi svoya. Voronezhskaya yeparkhiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [For your friends. Voronezh diocese during the Great Patriotic War]. Voronezh, Central Black Earth Book Publishing House, 2009, 2002 p. (in Russian)

6. *Sergius (Petrov), Archbishop Kherson and Odessa.* Istoriya Voronezhskoy yeparkhii ot yeye uchrezhdeniya do 1960-kh gg. [History of the Voronezh diocese from its establishment until the 1960s]. Voronezh, Center for the Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2011, 644 p. (in Russian)

УДК 94(47); 084.5

**ОТНОШЕНИЕ МИТРОПОЛИТА
КРУТИЦКОГО ПЕТРА (ПОЛЯНСКОГО)
К «ДЕКЛАРАЦИИ» МИТРОПОЛИТА
СЕРГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО)**

Иеромонах Ферапонт (Широков)
старший преподаватель кафедры
церковно-практических дисциплин
Вологодской духовной семинарии
E-mail: ierom.ferapont@yandex.ru

Для цитирования: *Ферапонт (Широков), иеромон.* Отношение митрополита Крутицкого Петра (Полянского) к «декларации» митрополита Сергия (Страгородского) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 129–138.

Аннотация

В статье исследованы вопросы, связанные с сохранением канонического правопреемства Высшего Церковного управления, а также ряд мнений относительно взглядов Местоблюстителя на процессы, происходившие в церковной жизни. Подчеркивается личная духовная стойкость митрополита Крутицкого Петра (Полянского), несмотря на притязания других иерархов, многочисленные расколы и нестроения, до последнего признававшего необходимость оставаться в каноническом единстве с митрополитом Сергием (Страгородским).

Ключевые слова: митрополит Петр (Полянский); митрополит Сергей (Страгородский); «Декларация 1927 года»; каноническое правопреемство.

После кончины Святейшего Патриарха Тихона, последовавшей в 1925 году, обострилась обстановка, связанная с сохранением канонического правопреемства Высшего Церковного управления. Последующая церковная политика Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) получила неоднозначную оценку среди современников. Существует несколько мнений относительно взглядов Местоблюстителя на те процессы, которые происходили в церковной жизни.

Святейший Патриарх Тихон, вплоть до своей кончины, ставил перед собой главную цель: добиться легализации церковного управления. Митрополит Крутицкий Петр (Полянский), принявший на себя церковное управление согласно завещанию Патриарха Тихона и решению Московского архиерейского совещания (60 архиереев, собравшихся на отпевание Патриарха Тихона), не сразу получил одобрение со стороны остальных епископов. Многие архиереи относились к нему достаточно настороженно по причине его быстрого возвышения. Для иерархов факт утверждения митрополита Петра на должность Патриаршего Местоблюстителя был достаточно неожиданным. Однако сложившиеся обстоятельства внутри Церкви, связанные с арестом митрополитов Кирилла и Агафангела, не могли по-иному определить ход церковной жизни. В церковных кругах еще задолго до кончины Патриарха поговаривали, что Святейший Патриарх сознательно продвигал митрополита Петра до высшего иерархического положения: в нем он видел своего преемника [9, с. 67]. Видимо, важным фактором в этом деле было то, что митрополит Петр не был «царского» (до-

революционного) рукоположения, и Патриарх рассчитывал, что этот факт поможет во взаимоотношениях между властью и митрополитом.

Митрополит Петр все свои усилия направил на борьбу с обновленчеством, к которому не изменил своего отношения до конца. Уже 9 декабря 1925 года митрополит Петр был арестован. Церковное управление, согласно завещанию митрополита Петра, перешло к митрополиту Нижегородскому Сергию (Страгородскому). «Власти очень хорошо просчитали то, что митрополит Петр никак не оговорил полномочия своего заместителя: равны они местоблюстительским или не равны» [7, с. 357]. Сам факт перехода полномочий от Местоблюстителя не был оговорен в решениях Собора. «Канонический хаос, последовавший за кончиной Патриарха Тихона и арестом митрополита Петра, а также действия ГПУ, направленные на дальнейший раскол Церкви, привели к тому, что в Русской Церкви вскоре образовалось несколько претендентов на роль местоблюстителя» [5, с. 287]. Единоличная передача власти смутила ряд архиереев, что стало причиной новых расколов и правых оппозиций.

После ареста до митрополита Петра доходили достаточно противоречивые сведения о церковной жизни, тем не менее Местоблюститель пытался наладить связь с митрополитом Сергием. Главной целью митрополита Сергия, как и его предшественников, была легализация церковного управления. Нельзя было допустить, чтобы Церковь была загнана в подполье и уничтожена. 18 мая 1927 года на совещании архиереев, под председательством Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, был образован Временный Патриарший Синод. «Список членов Синода митрополит Сергей передал на утверждение гражданским властям, и 20 мая 1927 года им была получена справка № 22-4503-62, подтверждавшая государственную регистрацию Высшего церковного управления как одну из организаций советского общества» [8, с. 328]. 29 июля в средствах массовой информации выходит «Послание пастырям и пастве», более известное как «Декларация митрополита Сергия». В «Послании» свои подписи поставили все члены Синода. Именно этот документ и стал причиной многих последующих нестроений в Церкви. По сути, «Декларация» продолжала курс, начатый Святейшим Патриархом Тихоном, но 90 % разосланных посланий, не

быв оглашенными пастве, были возвращены в Синод, а обновленцы посчитали «Декларацию» своей идеологической победой.

В историографии именно «Декларацию» называют первопричиной произошедших позже разделений. В действительности же главные оппоненты митрополита Сергия вступают с ним в полемику не сразу после издания этого документа. Большой критике подверглось не столько содержание документа, сколько его последствия. Среди историков существует мнение о преемственности «Завещательного послания» митрополита Петра и «Декларации» митрополита Сергия [3].

Тучков предпринимал неоднократные попытки склонить митрополита Петра к организации работы Синода, в состав которого должны были войти архиереи-раскольники. Заместителя Местоблюстителя митрополит Петр должен был освободить от исполнения возложенных на него обязанностей и перевести в Красноярскую епархию. При этом митрополит Петр должен был оставаться в заключении. Местоблюститель писал председателю ОГПУ Менжинскому: «По отношению к митрополиту Сергию, одному из заслуженных, просвещенных и авторитетнейших архиереев, к которому последние относились с уважением и перед которым выражала свою восторженную симпатию и управляемая им паства, — предлагаемая мера была бы посягательством на его достоинство и неслыханное для него оскорбление» [4]. В то же время митрополит Петр писал, что не может позволить войти в состав Синода представителям раскольников.

Местоблюститель Патриаршего престола, в то же время, одобрил деятельность Синода и своего Заместителя. Об этом свидетельствует Василий (Беляев), епископ Спас-Клепиковский, викарий Рязанской епархии, находившийся на момент опубликования документа в ссылке с митрополитом Петром. Местоблюститель поручил ему доложить всей полноте Церкви о своей позиции. Вот как об этом говорит сам епископ Василий: «С 1 августа по 23 сентября я прожил в поселке Хэ Обдорского района Тобольского округа вместе с митрополитом Петром Местоблюстителем и, по его поручению, должен Вам сообщить нижеследующее: Владыка получил возможность прочитать декларацию нынешнего Православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего

момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка митрополит просил передать его сердечный привет митрополиту Сергию и всем знающим его» [1, с. 529–530]. Митрополит Сергей неоднократно ссылался на слова епископа Василия. Однако данный факт опровергался многими современниками. «Одна оговорка “совершенно не касаясь ее некоторых абзацев” показывала, что удовлетворительность впечатления, будто бы вынесенного Местоблюстителем от Декларации, была весьма относительной» [6]. Кроме того, по мнению исследователей данного вопроса, если бы митрополит Петр действительно знал, что епископ Василий будет иметь возможность встретиться с митрополитом Сергием, он передал бы более конкретное изложение своей позиции относительно Декларации. Поэтому, не исключено, что встреча митрополита Сергия и епископа Василия была спланирована ГПУ для дезинформации Заместителя Местоблюстителя. Но, несмотря на целый ряд опровержений возможности этого факта, митрополит Сергей и его сторонники продолжали утверждать, что текст Декларации был одобрен митрополитом Петром. Так, архиепископ Вятский Павел (Борисовский) писал: «Имеем достоверное, в высшей степени важное для Священного Патриаршего Синода, для меня и всех вас известие, что и сам Патриарший Местоблюститель Высокопреосвященнейший митрополит Петр, ознакомившись с нашим воззванием от 16/29 июля с. г., вынес о нем вполне удовлетворительное впечатление...» [6]. Но оппоненты митрополита Сергия настаивали на том, что Местоблюститель никак не мог одобрить церковную политику Заместителя. В начале 1928 года появились свидетельства того, что митрополит Петр отозвался относительно Декларации следующим образом: «Для первоиерарха подобное воззвание недопустимо. К тому же я не понимаю, зачем собран Синод, как я вижу из подписей под воззванием, из ненадежных лиц <...> Я доверял митрополиту Сергию и вижу, что ошибся» [6]. Таким образом, сам факт одобрения митрополитом Петром Декларации остается до сих пор под вопросом. Слухи в среде правых оппозиционеров (особенно среди иосифлян) о том, что митрополит Петр не принял Декларации, привели к убеждению, что Местоблюститель прервал общение с митрополитом Сергием.

Спустя некоторое время митрополит Петр получил информацию о тех нестроениях в Церкви, которые были связаны с появлением

«Декларации». Местоблюститель вел переписку с епископом Дамаскиным (Цедриком), который утверждал, что «на словах Местоблюститель осудил действия своего заместителя» [6]. В то же время мы имеем письмо митрополита Петра к своему Заместителю, в котором приведены следующие слова: «Я постоянно думаю о том, чтобы Вы являлись прибежищем для всех истинно верующих людей. Признаюсь, что из всех огорчительных известий, какие мне приходилось получать, самыми огорчительными были сообщения о том, что множество верующих остаются за стенами храмов, в которых возносятся Ваше имя. Исполнен я душевной боли и о возникающих раздорах вокруг Вашего управления и других печальных явлениях» [10, с. 438]. При этом Местоблюститель явно не желал освобождения митрополита Сергия от обязанностей Заместителя, о чем мы можем слышать в том же письме: «Я, конечно, далек от мысли, что Вы решитесь вообще отказаться от исполнения возложенного на Вас послушания – это послужило бы не для блага Церкви...» [10, с. 438].

Таким образом, мы можем видеть, что, несмотря на все трудности, которые митрополит Петр переносил в течение двенадцати лет заключения, он продолжал возглавлять Высшее церковное управление. Несмотря на притязания других иерархов, многочисленные расколы и нестроения, митрополит Петр до последнего признавал необходимость оставаться в каноническом единстве с митрополитом Сергием. Но и в наше время нет однозначного ответа на вопрос, получила ли «Декларация» митрополита Сергия одобрения со стороны Местоблюстителя. Документы, которые подтверждали бы разрыв канонического общения между двумя иерархами, тоже отсутствуют. В сопроводительной записке к одному из писем, адресованных Заместителю, среди прочего содержатся следующие слова Местоблюстителя: «Ваши полномочия есть Богом благословенные и имеют обязательную силу» [2].

Список литературы

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943 / сост. М.Е. Губонин ; Православ. Св.-Тихон. Богослов. Ин-т. – Москва : Изд-во ПСТБИ, 1994. – 1064 с.

2. *Воробьев, В., прот.* Письма Местоблюстителя священномученика митрополита Петра (Полянского) к митрополиту Сергию (Страгородскому) из Тобольской ссылки и люди, послужившие появлению этих документов / протоиерей Владимир Воробьев // КиберЛенинка : науч. электрон. б-ка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/slovo-mestoblyustitelya-pisma-mestoblyustitelya-svyaschennomuchenika-mitropolita-petra-polyanskogo-k-mitropolitu-sergiyu> (дата обращения: 14.03.2019).

3. Гонения на Русскую Православную церковь // Биофайл : науч.-информ. журн. URL: <http://biofile.ru/his/27326.html> (дата обращения: 17.03.2019).

4. *Дамаскин (Орловский), иером.* Жизнеописание патриаршего местоблюстителя митрополита Петра Крутицкого (Полянского) / иеромонах Дамаскин (Орловский) // Сайт Одинцовского благочиния Моск. епархии. URL: http://www.odinblago.ru/zhizneop_retra_polansk/ (дата обращения: 02.03.2019).

5. *Иларион (Алфеев), митр.* Церковь в истории : Православная Церковь от Иисуса Христа до наших дней / митрополит Иларион (Алфеев). – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви : Вече, 2013. – 360 с.

6. *Мазырин, А.В.* Вопрос о взаимоотношениях священномученика митрополита Петра (Полянского) с «правой» церковной оппозицией и митрополитом Сергием (Страгородским) / А.В. Мазырин // Богословский сборник. – Москва, 2002. – Вып. 10.

7. *Митрофанов, Г., прот.* История Русской Православной Церкви 1900–1927 / протоиерей Георгий Митрофанов. – Санкт-Петербург : Сатис, 2002. – 443 с.

8. Православная энциклопедия. Т. 14. / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2006. – 752 с.

9. *Регельсон, Л.* Трагедия русской Церкви 1917–1945 / Лев Регельсон. – Москва : Крутиц. Патриаршее подворье, 1996. – 629 с.

10. *Цыпин, В., прот.* История Русской Православной Церкви : синод. и новейший периоды / протоиерей Владислав Цыпин. – 4-е изд. – Москва : Изд-во Срет. монастыря, 2010. – 816 с.

UDK 94(47); 084.5

**ATTITUDE OF PETER, METROPOLITAN
OF KRUTITSY (POLYANSKY) TO THE
“DECLARATION” OF METROPOLITAN
SERGIY (STRAGORODSKY)**

Ferapont (Shirokov), Hieromonk
Senior Lecturer,
Department of Church and
Practical Disciplines
Vologda Theological Seminary
E-mail: ierom.ferapont@yandex.ru

For citation: *Ferapont (Shirokov), hieromonk. Attitude of Peter, Metropolitan of Krutitsy (Polyansky) to the “Declaration” of Metropolitan Sergiy (Stragorodsky) // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2019. Issue. 8. P. 129–138.*

Abstract

The article explores issues related to the preservation of the canonical succession of the Supreme Church Administration, as well as a number of opinions regarding the views of the Locum Tenens on the processes that took place in church life.

The personal spiritual stability of Metropolitan Krutitsky Peter (Polyansky) is emphasized, despite the claims of other hierarchs, numerous schisms and disorder, which until recently recognized the need to remain in canonical unity with Metropolitan Sergius.

Keywords: Metropolitan Peter (Polyansky); Metropolitan Sergiy (Stragorodsky); “Declaration of 1927”; canonical succession.

Referenses

1. Akty Svyateishogo Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti 1917–1943 [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Latest Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church

Authority 1917–1943]. // Compiled by M. E. Gubonin. Moscow, Publishing house of PSTU, 1994. 1064 p. (in Russian)

2. *Vladimir Vorobyov, Archpriest. Pis'ma Mestoblyustitelya svyashchennomuchenika mitropolita (Polyanskogo) k mitropolitu Sergiyu (Starogorodskomu) iz Tobol'skoi ssylki i lyudi, posluzhivshie poyavleniyu etikh dokumentov* [Letters of the Locum Tenens of the Holy Martyr Metropolitan Peter (Polyansky) to Metropolitan Sergius (Stragorodsky) from Tobolsk Exile and People Who Served to the Appearance of these Documents]. (in Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/slovo-mestoblyustitelya-pisma-mestoblyustitelya-svyaschennomuchenika-mitropolita-petra-polyanskogo-k-mitropolitu-sergiyu> (Accessed: 14.03.2019).

3. *Goneniya na Russkuyu Pravoslavnyu Tserkov'* [Persecution of the Russian Orthodox Church]. // Scientific information journal Biofile. (in Russian). Available at: <http://biofile.ru/his/27326.html>. (Accessed: 17.03.2019).

4. *Damaskin (Orlovsky), Hieromonk. Zhizneopisanie patriarshego mestoblyustitelya mitropolita Petra Krutitskogo (Polyanskogo)* [Biography of the Patriarchal Locum Tenens Metropolitan Peter Krutitsky (Polyansky)]. (in Russian). Available at: http://www.odinblago.ru/zhizneop_petra_polansk/. (Accessed: 02.03.2019).

5. *Hilarion (Alfeyev), Metropolitan. Tserkov' v istorii : Pravoslavnyaya Tserkov' ot Iisusa Khrista do nashikh dnei* [Church in History: The Orthodox Church from Jesus Christ to the Present Day]. Moscow, Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, Veche, 2013. 360 p. (in Russian)

6. *Mazyrin, A.V. Vopros o vzaimootnosheniyakh svyashchennomuchenika mitropolita Petra (Polyanskogo) s 'pravoi' tserkovnoi oppozitsiei i mitropolitom Sergiem (Starogorodskim)* [Issue on the Relationship of the Holy Martyr Metropolitan Peter (Polyansky) with the 'Right-Wing' Church Opposition and Metropolitan Sergius (Stragorodsky)]. // Theological collection, no.10, Moscow, 2002. (in Russian)

7. *Mitrofanov, G. Archpriest. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi 1900–1927* [History of The Russian Orthodox Church 1900–1927]. St. Petersburg, Satis, 2002. 443 p. (in Russian)

8. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. / Under general editorship of the Patriarch of Moscow and All Russia

Alexy II. Moscow, Church scientific center “Orthodox encyclopedia”, vol. 14, 2006. 752 p. (in Russian)

9. *Regelson, L.* Tragediya russkoi Tserkvi 1917–1945 [The Tragedy of the Russian Church in 1917–1945]. Moscow, Krutitsy Patriarchal Metochion, 1996. 629 p. (in Russian)

10. *Tsy-pin, Vladislav, Archpriest.* Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: sinodal’nyi i noveishii periody [History of the Russian Orthodox Church: the Synodical and Contemporary Periods]. / 4th ed. // Archpriest Vladislav Tsy-pin. – Moscow, Publishing House of Sretensky Monastery, 2010. 816 p. (in Russian)

УДК 069.122

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОРШАНСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПО СОХРАНЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЛЕДИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Священник Вадим Марасов
магистрант Тамбовской духовной
семинарии по направлению «Русская
духовная словесность»
E-mail: 7407@mail.ru

Для цитирования: *Марасов, В., свящ.* Деятельность Моршанского историко-художественного музея по сохранению православного наследия в первой половине XX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 138–147.

Аннотация

Статья посвящена деятельности Моршанского историко-археологического музея, который был создан в 1918 году усилиями краеведа Петра Петровича Иванова. Рассматривается значение музея в сохранении материальных и духовных ценностей, вещественных памятников культуры и искусства, накопленных за более чем двухсотлетнее существование Тамбовской епархии. Дана оценка роли П.П. Иванова в формировании экспозиции Моршанского историко-художественного музея.

Ключевые слова: Тамбовская епархия; Моршанск; историко-археологический; музей; Моршанский уезд; иконостас; иконы.

История Моршанского музея началась за несколько лет до его официального основания. Культурно-экономические процессы, происходившие в Моршанском обществе конца XIX – начала XX веков, подготовили благодатную почву для формирования необходимых условий, способствовавших появлению в уездном городе народного музея государственного значения. К началу XX века город являлся одним из самых развитых городов Тамбовской губернии. Его население составляло более 20 тысяч человек. Это был важнейший торгово-промышленный центр, имевший обширные взаимосвязи от Санкт-Петербурга до Астрахани, в котором активно развивалось образование и культура.

В 1912 году свободный художник, археолог-любитель и собиратель древностей Петр Петрович Иванов обратился к городским властям с просьбой об организации в Моршанске общественного музея. Периодически устраиваемые отдельные выставки уже не могли удовлетворить растущий интерес местного общества к зарубежной и русской истории, древней истории и искусству. Личная коллекция Иванова, которую он начал целенаправленно собирать с 1903 года, разрослась настолько, что уже не вмещалась в его скромном жилище. Однако, несмотря на созидательный, прогрессивный характер моршанских Городской и Земской управ, качественное развитие системы образования, положительное отношение к археологическим исследованиям, научным знаниям и художественной культуре, предложение по созданию музея было расценено как преждевременное.

Через пять месяцев после событий Октябрьской революции, когда советская власть окончательно была установлена в Моршанском крае, по распоряжению Комиссариата земледелия при Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Тамбовской губернии от 10 апреля 1918 года к уездным Советам «О принятии мер к сохранению культурных ценностей из бывших частновладельческих имений, перешедших в народную собственность», Моршанским комиссариатом народного образования в тот же день было принято решение об учреждении музея, которое исполнительный комитет утвердил 13 апреля.

«Музей начал работу 29 апреля 1918 года» [9, с. 1]. Начальный фонд музея, сформированный из личной историко-археологической художественной коллекции П.П. Иванова, послужил главным фактором для определения профиля музея – народный историко-археологический. «При основании музея Петр Петрович передает свою коллекцию, состоящую из уникальных экспонатов. Это 2521 наименование самых различных предметов, в том числе 1021 старинная монета и 405 единиц хранения оружия, хрусталя, фарфора и прочего. Коллекция составила ядро вновь открывшегося музея» [7, с. 70].

«В начале января 1919 года музей официально открылся для посетителей. Экспозиция занимала общую площадь 225 квадратных метров и состояла из отделов «Археологического», «Промышленного», «Нумизматического», «Старинного оружия», «Воентехнического», «Этнографического», «Церковно-исторического», икон, гравюр и старопечатных книг» [10, с. 4].

Военные потрясения первых лет Советской власти поставили перед музеем еще одну важнейшую функцию – спасение культурных ценностей из разрушавшихся церквей, городских и сельских усадеб, царских казенных учреждений. В результате целенаправленной самоотверженной работы П.П. Иванова по розыску, приобретению и переправке в музей многочисленных раритетов фондовое собрание выросло от 2500 до более 20 000 редких и уникальных памятников культуры и искусства. Петру Петровичу пришлось предпринять немало усилий для отстаивания перед эмиссарами от главного комитета по делам музеев при Наркомпросе РСФСР права собственности населения Моршанского края на владение высокохудожественными дворянскими и купеческими коллекциями.

Уже с 1918 года П.П. Иванов получает многочисленные мандаты на право обследования городских частновладельческих домов и казенных учреждений, помещичьих усадеб на предмет изъятия культурных ценностей, а также предписания к волостным органам власти оказывать ему всяческое содействие. Так, например, художественная коллекция Бенкендорфов из усадьбы Сосновка обследовалась, бралась на учет и была доставлена в музей в течение 1918–1919 годов; выявление и принятие мер к переправке в музей ценностей из имения Бурениной в селе Ма-

лое Гагарино проходило в течение 1919–1923 годов, ценностей семьи Долгоруких из имения Земетчино продолжалось с 1920 по 1923 год. Розыск бронзового памятника Екатерине II был проведен в 1922 году. С 1918 по 1928 год были обследованы сельские церкви обширной территории Моршанского уезда от сел Давыдово и Чернитоно, Мамонтово и Пичаево до сел Сядемки, Салтыково и Черный Поселок.

«В Моршанском уезде много культурных ценностей находилось в брошенных усадьбах и церквях» [4, с. 48]. «При закрытии приходских церквей Моршанского уезда в 1924 году в историко-археологический музей Моршанска поступили Евангелие и Библия, изданная в 1774 году, а также Синодник XVIII столетия» [6, с. 99].

Особую гордость Моршанского музея составляют иконы, деревянная скульптура, церковная утварь, картины религиозного содержания. Уникально собрание деревянной скульптуры, поступившей в Моршанск в 1922–1925 годах из церквей и часовен северных районов Тамбовской губернии и первоначально насчитывающей более 100 произведений. Иванов старался сохранить ценности во что бы то ни стало.

В 1922–1925 годах в фондах музея появилась деревянная скульптура из церквей и часовен Тамбовской губернии: иконостасные композиции «Господь Саваоф» и «Распятие с предстоящими», резные Царские врата, апостолы, ангелы, серафимы, объемные образы почитаемых святых, «Христос в темнице» [5, с. 160]. Собрание церковной скульптуры Моршанского музея отличается высоким художественным уровнем, тематическим и видовым разнообразием и является своеобразным отражением нескольких веков истории и культуры города Моршанска и его окрестностей. В его составе – статуи, отдельные фрагменты иконостасов, Царские врата из утраченных храмов, а также предметы личного благочестия – рельефные кресты, иконы и складни. Судя по многочисленным памятникам, некогда составляющим целые ансамбли в храмовых интерьерах, резные иконостасы и скульптурные образы святых были характерной чертой убранства храмов этого региона. Их разнообразная пластика свидетельствует о наличии целого ряда художественных мастерских и большого круга резчиков-скульпторов – не только местных, но и происходивших из других крупных художественных центров, в том числе и столицы.

Хронологически рамки собрания церковной скульптуры охватывают период с XVI до начала XX века. Самыми ранними произведениями являются трехстворчатый кипарисовый складень с Афона. Царские врата и уникальная статуя святителя Николая из Мамонтовой пустыни. Основная часть коллекции датируется XVIII–XIX веками. Именно на этот период приходится наибольший расцвет моршанской церковной скульптуры, что, несомненно, связано со стремительным развитием дворянских усадеб и города, ставшего в этот период одним из богатейших купеческих городов России.

Успенский храм старообрядческой общины города Моршанска хранил старинные иконы XVI, XVII и XVIII веков. Из этой церкви в 1924 году в музей Моршанска были переданы иконы из деисусного ряда и икона Иоанна Крестителя, датируемая XVIII веком.

Один из документов музея – письмо, отчасти проливающий свет на историю поступления некоторых скульптур: «Тараксинскому Волисполкому. По данным сведениям в Тараксинском храме имеются предметы, имеющие историко-археологическое значение, как то: деревянные резные изображения святых (в виде статуй), оловянные сосуды и проч. к сосудам принадлежности – предметы указанные, вышедшие из употребления и плохо охраняемые, а между тем являющиеся ценностями музейными. На основании декретов... об охране памятников старины и искусства, таковые должны быть переданы в местный историко-археологический Музей. Предлагается Тараксинскому Волисполкому изъять указанные предметы из храма для передачи их в Моршанский историко-археологический Музей и при первой возможности доставить санным путем» [5, с. 160–161].

В годы Советской власти новая волна жестоких гонений настигла «образы резь на древе». Их стали уничтожать как «пережитки» религиозного сознания. Так, моршанская коллекция деревянной скульптуры не была единственным собранием такого рода на Тамбовщине. В фондах Тамбовского областного краеведческого музея находятся несколько фотографий экспозиции 1912 года, на которых показаны экспонаты деревянных изваяний – всего 13 памятников. В каталоге музея Тамбовской ученой архивной комиссии 1916 года значилось 22 произведения. В настоящее время от

тамбовского собрания сохранился лишь один «Христос в темнице». Поэтому моршанская коллекция памятников ваяния, значительная по своему объему, высокая по художественному качеству и разнообразная по стилям, собранная с небольшой по площади территории одного уезда на севере Тамбовского края, представляет редкую ценность.

С начала XVII века в Мамонтове существовал почитаемый статуарный образ святителя Николая. Первоначально в коллекции Моршанского музея, судя по книге поступлений, хранилось три таких образа святого Николая. Ныне – два, один из них представляет собой иконографию Николы Можайского с чертами московской школы резьбы по дереву.

Кроме перечисленных памятников, в Моршанском музее хранится многочисленная разрозненная иконостасная скульптура: резные Царские врата, «Распятия»: статуи «предстоящих» – Богоматери и Иоанна Богослова, апостолов; образы ангелов «лоратных» и «рипидоносных», серафимов и херувимов. Лучшей сохранностью выделяются две деревянные статуи из села Вышенка (Богоматерь и Иоанн Богослов) и резное изваяние евангелиста Матфея из села Пеньки (Романово).

Мизерное финансирование музеев было определено логикой событий. Государство ставило своей главной задачей промышленную модернизацию страны, коллективизацию в сельском хозяйстве, борьбу с кулачеством. Только после решения этих задач уделялось внимание музеям. Более того, сами музеи становились инструментом коллективизации и индустриализации страны.

«С целью упорядочения работы по сохранению исторических и художественных ценностей были привлечены лучшие местные специалисты П.П. Иванов и А.В. Чичерин, а также эмиссары из отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР В.В. Литвинов, Н.Н. Лебедев и А.В. Лебедев. Благодаря их деятельности было сохранено и доставлено в центральные и местные музеи большое количество ценностей» [7, с. 74]. Следует заметить, что если специалисты из Москвы нередко отправляли экспонаты в столицу, то П.П. Иванов стремился сохранить их на родине. Он сам, несмотря на возникающие трудности, ездил по селам и вывозил уникальные предметы в музей.

Выдающаяся заслуга П.П. Иванова состоит в спасении произведений православного искусства, собирании краеведческого ма-

териала, в том числе и по православной истории края, как памятников музейного значения. Его последователи бережно сохраняли собранные Ивановым бесценные сокровища, привлекали лучших реставраторов, прятали в недрах фондов подлежавшие уничтожению в разгар антицерковной борьбы предметы церковных ценностей Тамбовской епархии.

Пренебрежение к святыням Православия привело к невосполнимым потерям многих художественных ценностей. Невозможно возродить потерянное. Но сохранить остатки, восстановив их, это первоочередная задача современников. В начале XX века тамбовский собиратель древностей А.Е. Андриевский писал: «Мы... особенно живо и ясно стали осознавать важность изучения памятников родной старины, справедливо полагая, что знание их составляет основу истинного просвещения и помогает уяснению путей грядущего» [3, с. 13].

Список литературы

1. Алленов, А.Н. Власть и Церковь : Тамбовская епархия в 1917–1927 гг. / А.Н. Алленов. – Тамбов : Юлис, 2005. – 288 с.
2. Бурганова, М.А. Русская скульптура XVI–XIX вв. Моршанск : собр. скульптуры Моршан. ист.-худож. музея / М. А. Бурганова. – Москва : Музей клас. и соврем. искусства, 2016. – 184 с.
3. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 45. – Тамбов : Типо-лит. Губ. правления, 1901. – 234 с.
4. Ионова, О.В. Создание сети краеведческих музеев РСФСР в первые десять лет Советской власти / О.В. Ионова // История музейного дела в СССР : сб. науч. ст. – Москва, 1957. – С. 37–72.
5. Климкова, М.А. Моршанская деревянная скульптура / Марина Климкова // Климкова М.А. «По наряду из розряду...» : очерки из истории культуры Тамб. края. – Тамбов, 2004. – С. 159–185.
6. Кончин, Е.В. Эмиссары восемнадцатого года / Е.В. Кончин. – Москва : Моск. рабочий, 1981. – 160 с.
7. Кученкова, В.А. Святыни Тамбовской епархии / В. Кученкова. – Москва : Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993. – 109 с.
8. Махрачев, С.Ф. История музейного дела в Тамбовской области : учеб. пособие / С.Ф. Махрачев ; Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 156 с.

9. «Музей... он и есть надежда века...» : сб. ст. V обл. музеевед. чтений, посвящ. 185-летию со дня рождения Н.Ф. Федорова (1829–1903), 5 июня 2014 г. / ТОГБУК «Тамб. обл. краевед. музей». – Тамбов : [б. и.], 2015. – 162 с.

10. Ответы на опросный анкетный лист Отдела провинциальных музеев от 1919 г. № 7431 // Моршанский историко-художественный музей (МИХМ). Документальный фонд П.П. Иванова. – 5 с.

11. Отчет о деятельности историко-археологического музея за 1919 г. // Моршанский историко-художественный музей (МИХМ). Документальный фонд П.П. Иванова.

12. Самоцветов, А.И. Каталог предметов, хранящихся в музее состоящем под высочайшим его императорского величества государя императора покровительством Тамбовской ученой архивной комиссии / А.И. Самоцветов. – Тамбов : Тип. губернского правления, 1916. – 16 с.

UDC 069.122

ACTIVITIES OF THE MORSHANSK MUSEUM OF HISTORY AND ART FOR THE PRESERVATION OF THE ORTHODOX HERITAGE IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Vadim Marasov, Priest
Master's Degree Student
Tambov Theological Seminary
Majoring in Russian Spiritual Literature
E-mail: 7407@mail.ru

For citation: *Marasov, V., priest.* Activities of the Morshansk Museum of History and Art for the Preservation of the Orthodox Heritage in the First Half of the 20th Century // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 138–147.

Abstract

The article is devoted to the activities of the Morshansky Historical and Archaeological Museum, which was created in 1918 by the efforts of the local historian Pyotr Petrovich Ivanov.

The article discusses the importance of the museum in preserving material and spiritual values, material cultural and art monuments accumulated over the more than two hundred year existence of the Tambov diocese. The role of P.P. Ivanov in the formation of the exposition of the Morshansky Museum of History and Art.

Keywords: Tambov diocese; Morshansk; historical and archaeological museum; Morshansky district; iconostasis; icons.

References

1. *Allenov, A.N. Vlast' i Tserkov': Tambovskaya eparkhiya v 1917–1927 gg.* [Power and the Church: Tambov Diocese in 1917–1927]. / A.N. Allenov. Tambov, Yulis, 2005. 288 p. (in Russian)
2. *Burganova, M.A. Russkaya skul'ptura 16–19 vv.* [Russian Sculpture of the 16th – 19th Centuries]. Morshansk, Collection of sculptures of the Morshansk Museum of History and Art]. / M.A. Burganov. Moscow, the Museum of Classical and Contemporary Art, 2016. 184 p. (in Russian)
3. *Izvestiya Tambovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [News of the Tambov Scientific Archival Commission]. Vol. 45, Tambov, Tipo-lit. Gub. pravleniya, 1901. 234 p. (in Russian)
4. *Ionova, O.V. Sozдание seti kraevedcheskikh muzeev RSFSR v pervye desyat' let Sovetskoj vlasti* [Creating a Network of Local History Museums in the RSFSR in the First Ten Years of Soviet Power]. / O.V. Ionova // History of museum studies in the USSR: Collection of scientific works, Moscow, 1957. pp. 37–72. (in Russian)
5. *Klimkova, M.A. Morshanskaya derevyannaya skul'ptura* [Morshansk Wooden Sculpture]. / Marina Klimkova // Klimkova M.A. “Po naryadu iz razryadu...”: sketches of history of culture in Tambov region. Tambov, 2004. pp. 159–185. (in Russian)
6. *Konchin, E.V. Emissary vosemnadtsatogo goda* [Emissaries of the Year 1918]. / E.V. Konchin. Moscow, Moscow worker, 1981. 160 p. (in Russian)
7. *Kuchenkova, V.A. Svyatyni Tambovskoi eparkhii* [Shrines of Tambov Diocese]. / V. Kuchenkova. Moscow, Publishing division of the Moscow Patriarchate, 1993. 109 p. (in Russian)
8. *Makhrachev, S.F. Istoriya muzeinogo dela v Tambovskoi oblasti : uchebnoe posobie* [History of Museum Studies in Tambov Region:

textbook]. / S.F. Makhrachev; Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2005. 156 p. (in Russian)

9. “Muzei... on i est’ nadezhda veka...” [«Museum ... it is the Hope of the Century ...»]. Collection of articles for the 5th Regional Museum Studies Readings Dedicated to the 185th Birthday of N.F. Fedorov (1829–1903), June 5, 2014 / Tambov Regional Museum of Local Lore. Tambov, 2015. 162 p. (in Russian)

10. Otvety na oprosnyi anketnyi list Otdela provintsial’nykh muzeev ot 1919 g. No. 7431 [Responses to the Questionnaire of the Department of Provincial Museums of 1919 No. 7431]. // Morshansk Museum of History and Art . P.P. Ivanov Documentary Fund. 5 p. (in Russian)

11. Otchet o deyatel’nosti istoriko-arkheologicheskogo muzeya za 1919 g. [Report on the Activities of the Historical and Archaeological Museum for 1919]. // Morshansk Museum of History and Art. P.P. Ivanov Documentary Fund. (in Russian)

12. *Samotsvetov, A.I.* Katalog predmetov, khranyashchikhsya v muzee, sostoyashchem pod vysochaishim ego imperatorskogo velichestva gosudarya imperatora pokrovitel’stvom Tambovskoi uchenoi arkhivnoi komissii [The Catalog of Artefacts Stored in the Museum under the Patronage of the Emperor’s Highest Majesty the Tambov Scientific Archival Commission]. / A.I. Samotsvetov, Tambov, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1916. 16 p. (in Russian)

УДК 2-3

ЖИЗНЬ И МУЧЕНИЧЕСКИЙ ПОДВИГ ВЛАДИМИРА КАМНЕВА, УРОЖЕНЦА МОРШАНСКОГО УЕЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Копылова Ольга Егоровна
учитель физики и математики
филиала МБОУ Староюрьевской
СОШ в с. Новоюрьево
Староюрьевского района
Тамбовской области
E-mail: kopilova.olia@mail.ru

Для цитирования: *Копылова, О.Е.* Жизнь и мученический подвиг Владимира Камнева, уроженца Моршанского уезда Тамбовской губернии // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 148–154.

Аннотация

Статья рассказывает о жизни и судьбе священника Михайло-Архангельского храма в селе Новоюрьево Староюрьевского района Тамбовской области. По воле жестоких властителей Владимир Камнев попал в категорию врагов народа, был репрессирован.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви; репрессии; сельский храм; патриотизм.

Церковь неустанно возносит молитвы о всех безвинно замученных и пострадавших в годы гонений в XX веке. По некоторым оценкам, среди нескольких миллионов жертв политических репрессий числятся 60 тысяч представителей Церкви. Среди тех, кто сложил голову за веру, – сельский священник в третьем поколении Владимир Дмитриевич Камнев.

Владимир Камнев родился 21 июля 1868 года в селе Сокольники Моршанского уезда Тамбовской губернии. Он закончил Тамбовскую духовную семинарию. Перед ним был высокий пример

служения Богу: его отец и дед были священниками. С марта 1891 до 1 декабря 1892 года Владимир служил диаконом в селе Каравайно Кирсановского уезда, затем был переведен в село Шилово Тамбовского уезда, где служил священником до июня 1905 года. С июня 1905 года был переведен в Михайло-Архангельский храм села Новое Юрьево Козловского уезда.

Храм был построен на средства прихожан в 1833 году, при нем находилась церковно-приходская школа. Новоюрьево – большое село, протяженностью около 9,5 километров, в нем множество улиц, переулков, переходов (мостов) через речку Ситовку. В нем в то время проживало более 6000 человек. Так что забот у молодого священника было немало.

Отец Владимир не только совершал богослужения в храме, но и выполнял требы на дому. До жилища прихожанина, который нуждался в священнике, приходилось добираться по непролазной грязи в дождь и снег, в метель и вьюгу. А надо посетить прихожанина, исповедовать его, причастить или соборовать. Без жалоб и сетований батюшка выполнял свое служение Господу Богу. К таким условиям жизни он был готов с детства, так как его отец и дедушка тоже были священниками.

У отца Владимира и матушки Анны родились сын Феодосий и пять дочерей: Вера, Агния, Елена, Любовь и Антонина. Для большой семьи был выстроен хороший, просторный дом. Семья обзавелась хозяйством. Имелись свои лошади, коровы, овцы, поросята. В поле имели земельный надел в размере 20 десятин. Часть дома сохранилась до сих пор. Это две классные комнаты старого здания Новоюрьевской средней общеобразовательной школы.

О сыне отца Владимира вспоминал Слепцов Алексей Васильевич, который в детстве дружил с Феодосием. Они вместе играли, читали книги, гуляли по саду, расположенному рядом с домом. Феодосий умер от оспы в возрасте 15–16 лет, похоронен в церковной ограде недалеко от главного престола храма.

Дочери Вера, Елена, Агния, Любовь по благословению отца окончили Тамбовское епархиальное женское училище и работали учителями. Вера Владимировна (старшая дочь) начинала работу учителем в селе Новоюрьево. Ее учениками были Копылов Михаил Григорьевич, Слепцов Алексей Васильевич и другие

дети. За отличную учебу в школе учеников награждали «Евангелием».

При отце Владимире в 1910–1912 годах производилась пристройка к церкви. Кладку стен выполняли нанятые мастера, а все подсобные работы – жители села. Из воспоминаний Копыловой Ксении Николаевны (1897 г. р.) мне стало известно то, что многие жители села для строительства церкви делали тайные пожертвования, так как это считалось самым богоугодным делом. Утром рабочие приходили к храму и видели: к строительным лесам привязаны овечка или телёнок, стоят корзины с яичками. На строительные леса ночью затаскивались кирпичи. Все это делалось от чистого сердца, с большой верой и любовью.

Жители села любили своего священника. Многие обращались к нему за советом, благословением, по другим житейским нуждам, а то и просто приходили для душевной беседы. Матушка Анна помогала заболевшим прихожанам, давала им различные микстуры или таблетки. Об этом вспоминала Слепцова Вера Васильевна (1909 г. р.).

В 1904 году отец Владимир был награжден скуфьей, в 1909 году – камилавкой, в 1910 году – палицей, а в 1915 году – наперсным крестом за заслуги по духовному ведомству ко дню рождения Его Императорского Величества. Эта награда выдавалась Святейшим Синодом.

Спокойно, со смирением пережил отец Владимир революцию 1917 года, Гражданскую войну, коллективизацию. Божьим словом и мудрой проповедью он успокаивал прихожан, напоминал им, что все они – дети Христовы.

Представителям новой власти не нравилось, что с любыми вопросами верующие постоянно тянутся к священнику, слушают его речи, беседы. Сначала пытались убедить отца Владимира, потом – запугать, но все оказалось безрезультатным. Он не отказался от веры Христовой, от священнической службы на селе. Его то и дело вызывали в сельский совет для разговоров, допросов, нередко с угрозами. В бессилии и злобе был сфабрикован донос на священника в ОГПУ г. Козлова, с обвинением в организации на селе антисоветской пропаганды. Этого было достаточно, чтобы арестовать отца Владимира.

В ночь на 3 февраля 1930 года в Новоюрьево приехали за отцом Владимиром. Как водится, обыскали дом, а потом увезли священника в город Козлов. Многие женщины плакали, провожая своего пастыря, а он успел им только сказать: «Храм берегите!..» Новоюрьево, к их чести, смогли выполнить наказ батюшки, всеми правдами и неправдами сохранили храм от разрушения. В один день с отцом Владимиром были арестованы псаломщик Г.П. Пустовалов и певчий А.А. Копылов.

Отца Владимира с 7 февраля содержали в Козловской тюрьме. Днем и ночью допрашивали, подвергая пыткам. Священника обвинили в том, что он в группе из пяти человек (это раскулаченные крестьяне-середняки Степан Федорович Лихачев, Максим Федорович Жуков, Семен Емельянович Лихачев, Федор Андреевич Артемов) вел в течение 1928–1930 годов антисоветскую агитацию против хлебозаготовок, госзайма, колхозов, самообложения и советской власти.

Отцу Владимиру была вменена печально известная статья 58, части 10, 11 Уголовного кодекса РСФСР. Постоянно на допросах следователи требовали сознаться в том, чего он не совершал, чтобы священник отрекся от Господа нашего Иисуса Христа, а батюшка только крестился и говорил: «Не ведают, что творят». Некоторые священники под действием пыток отрекались от веры в Бога, но отец Владимир с достоинством пронес свой крест до конца.

Следствие по делу Камнева Владимира Дмитриевича продолжалось два месяца. Постановлением тройки при ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной области от 7 апреля 1930 года отец Владимир был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Нам ничего не известно о последних месяцах жизни священника в тюрьме. Несомненно, он молился о своих дочерях и внуках, о своих прихожанах и о спасении Святой Руси. В августе 1930 года дочь Агния пришла в тюрьму с очередной передачей, а ей сообщили, что Камнева Владимира Дмитриевича расстреляли.

Жительница села Новоюрьево Наталья Матвеевна Ч. (1928 г. р.) помнит о том, что ее отец в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века отбывал срок в Козловской тюрьме. Однажды утром в августе 1930 года заключенных вывели на работу: закопать на

кладбище яму с расстрелянными. Среди убитых был отец Владимир. Священник был мертв, но тело его было еще теплым. Заключенные забросали яму землей, а сверху – всяким мусором.

Через несколько дней по городу поползли слухи об этом ночном расстреле. Верующие из поколения в поколение передавали, что в пяти метрах от могил иеромонаха Илария и схимонахини Серафимы (Белоусовой) и есть та самая могила. В настоящее время место захоронения расстрелянных заключенных благоустроено. На могиле отца Владимира его старшая внучка Руфина Александровна Шишкина (ныне покойная, дочь Веры Владимировны) поставила крест, установила гробницу, отслужила панихиду. Именно Руфине Александровне выпало на всю жизнь хранить семейные реликвии – несколько старых фотографий, прижизненные записи отца Владимира.

Священник Владимир Дмитриевич Камнев реабилитирован прокуратурой Тамбовской области 31 мая 1989 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года. Об этом сообщило Управление Федеральной Службы Безопасности (УФСБ) по Тамбовской области 12 октября 2004 года № 10/1 – 9350.

Жизнь продолжается... Родственники священника Камнева Владимира Дмитриевича ежегодно приезжают в Новоюрьевский храм в день Собора Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил 21 ноября. В этот день они молятся за Литургией и принимают Святые Христовы Тайны. В настоящее время храм посещают уже правнуки батюшки.

Сегодня настоятелем храма села Новоюрьева является иерей Владимир Никифоров. Храм с каждым годом становится все краше: 25 ноября 2016 года были установлены новые купола, закончена внутренняя роспись храма.

Жители села Новоюрьева с уважением и любовью вспоминают своего священника Камнева Владимира Дмитриевича за усердие в деле развития церковной жизни в приходе, отмечают его доброту и отзывчивость. После смерти его стали почитать как местного святого мученика.

Вера укрепляет человека. Не предать ее в страданиях и испытаниях – значит дать другим не только жизненный пример, но и

надежду, что все в мире преодолимо, если верить. Верить и значит – жить.

Список литературы

1. Воспоминания родственников священника и прихожан храма в селе Новоюрьево.
2. Козлов-Мичуринск православный. – 2002. – № 4.
3. Мичуринская правда. – 2015. – № 10.

UDC 2-3

LIFE AND MARTYRIC ENDEAVOR OF VLADIMIR KAMNEV, A NATIVE OF MORSHANSK DISTRICT, TAMBOV PROVINCE

Olga E. Kopylova
Physics and Math Teacher
Branch of Staroyurievo
Secondary General School
in the Village of Novoyurievo
Staroyurievo District
Tambov Region
E-mail: kopilova.olia@mail.ru

For citation: *Kopylova, O.E.* Life and Martyric Endeavor of Vladimir Kamnev, a Native of Morshansk District, Tambov Province // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 148–154.

Abstract

The article tells about the life and fate of a priest of the Mikhailo-Arkhangelsk church in the village of Novoyurievo, Staroyurievsky district, Tambov region. By the will of cruel rulers, Vladimir Kamnev fell into the category of enemies of the people, was repressed.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church; repression; rural church; patriotism.

References

1. Vospominaniya rodstvennikov svyashchennika i prikhozhan khrama v sele Novoyurievo [Memoirs of Relatives of the Priest and Parishioners of the Temple in the Village of Novoyurievo]. (in Russian)
2. Kozlov-Michurinsk pravoslavnyi [Orthodox Kozlov – Michurinsk]. No. 4, 2002. (in Russian)
3. Michurinskaya pravda [Michurinskaya Pravda]. October 2015. (in Russian)

**ПРАВОСЛАВНАЯ
ПЕДАГОГИКА
И АНТРОПОЛОГИЯ**

УДК 248.152

МОДЕЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ СЕМЬИ В ТРУДАХ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА

Иеромонах Паисий (Буй)

магистр богословия,

проректор по воспитательной работе

Тамбовской духовной семинарии

E-mail: ppaaisios@mail.ru

Для цитирования: *Паисий (Буй), иером.* Модель христианской семьи в трудах святителя Феофана Затворника // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 156–164.

Аннотация

В статье производится реконструкция модели христианских семейных отношений по трудам святителя Феофана Вышенского. В основе данной модели лежат взаимные друг перед другом обязательства членов семьи: мужа и жены, детей и родителей. Семья – это та среда, которая формирует личность ребенка, поэтому от правильности выстроенных отношений в семье во многом зависит его ценностная ориентация в будущем. Обязанности друг перед другом – это первичная форма нравственности, которая воспитывает уважение, ответственность и, в конечном итоге, христианскую любовь. Выполнение обязанностей дисциплинирует, искореняет природный эгоизм, что полагает начало осознанной духовной жизни. С выполнения обязанностей начинается борьба с грехом.

Ключевые слова: семья; родители; дети; муж; жена; воспитание; духовная личность.

Семья, выражаясь современным языком, является тем социумом, в атмосфере которого возрастает новая личность. Такой важный процесс, как социализация, начинается именно в семье и во многом определяет духовное и психическое здоровье ребенка.

Святитель Феофан Затворник так определяет семью: «Семейство есть общество, которое под одним главою, согласным отпращиванием разных дел устрояет свое благосостояние внешнее для вну-

треннего» [1, с. 584]. То есть семья является той средой, которая формирует внутреннее состояние человека.

От того, как выстроены отношения между супругами, во многом зависит и духовно-душевное здоровье ребенка. Модели поведения родителей, их суждения о тех или иных событиях повседневной жизни, их эмоциональные реакции на происходящее, – все это является «строительным материалом» для души ребенка.

Святитель Феофан Затворник в своих трудах представляет семью в виде совокупности трех основных уровней взаимных обязанностей: глава – семейство, муж – жена и родители – дети.

Первый уровень взаимных обязанностей – это «глава – семейство». Для того чтобы семья была полноценной, у нее должна быть глава и, при этом обязательно одна. Святитель Феофан в обязанность членов семьи вменяет заботу о том, чтобы «иметь у себя главу, не оставаться без нее, никак не позволять, чтоб их было две или больше того» [1, с. 585]. Главная обязанность главы семьи – это всесторонняя забота о ней с сознанием себя ответственным лицом и перед Богом, и перед людьми. Глава представляет в своем лице всю семью, за которую получает «стыд и одобрение» [1, с. 584]. Забота главы о своей семье заключается, во-первых, в материальном обеспечении семьи, чтобы «все во всем могли иметь посильное довольство, жизнь неболезненную, безбедную» [1, с. 584]. Забота о материальном достатке является наиболее естественной и понятной для современного человека.

Забота о духовном состоянии семьи, которая также лежит на ее главе, является очень сложной и трудоемкой. Для того чтобы правильно организовать духовную атмосферу семьи, глава, в первую очередь, сам должен быть духовным. Святитель пишет: «Главное здесь – вера и благочестие. Семейство – церковь. Он глава сей церкви. Пусть же блюдет чистоту ее» [1, с. 585]. Сегодня же, к сожалению, очень часто забота главы семьи заключается лишь в материальном обеспечении, в то время, как духовное воспитание, в силу собственной бездуховности, считается ненужным или на него просто не хватает сил.

В свою очередь члены семьи должны обязательно иметь у себя главу. Святитель Феофан отмечает это именно как их обязанность. При этом глава должна быть одна, так как «сего требует простое благоразумие и благо их же самих, иначе невозможно» [1, с. 585].

Святитель Феофан отмечает, что благо в семье невозможно, если либо не будет главы, либо их будет две, так как и в том и в другом случае неизбежен беспорядок и разлад. То есть христианская семья должна быть монархична.

Далее, поскольку есть глава, то ей необходимо во всем повиноваться, то есть «не вносить своих распоряжений, своевольно не начинать ничего и не опускать приказанного» [1, с. 589]. Давать распоряжения, что-либо начинать или опускать – это обязанность главы. При этом, конечно, не следует забывать, что и глава, в свою очередь, все это должен делать благоразумно и благожелательно, а не деспотично требуя подчинения себе. Все его приказания должны служить главной цели – благосостоянию семьи.

Члены семьи между собой должны жить дружно, в крепком мире и согласии, а также помогать друг другу. Святитель также указывает на то, что, вступая с кем-либо во внешние взаимодействия, они не должны выносить сора. То есть все то, что происходит внутри семьи, является тайной для внешних людей. В свои внутренние трудности и проблемы не нужно посвящать посторонних людей. И, наконец, необходимо «словом и делом защищать честь своего дома» [1, с. 586].

Следующий уровень взаимных обязанностей – «муж – жена». Здесь святитель Феофан выделяет супружеские общие и частные.

На первом месте среди общих супружеских обязанностей стоит любовь. При этом любовь должна быть не страстная, но «чистая и трезвая» [1, с. 587], то есть духовная. Такая любовь выражается, во-первых, в привязанности и живом участии и содействии. Результатом такого отношения супругов друг к другу является «мир непресекаемый и согласие нерушимое», предотвращающие неудовольствия и случайные поступки. Также любовь проявляется в доверии, то есть способности без сомнений положиться на другого. Венцом любви является верность супружеская, то есть сохранение главного условия брачного союза – и душой и телом принадлежать только друг другу. При этом «не ревновать, – пишет святитель, – святой долг, но вместе и подвиг, или искус супружеской мудрости и любви» [1, с. 588]. Ревность – это проявление самолюбия, которое «требуется исключительности и боится за нее» [1, с. 588].

Во главе частных супружеских обязанностей со стороны мужа стоит его обязанность быть главой жене и, самое главное, любить ее, а со стороны жены – быть послушной мужу. Святитель Феофан отмечает, что это естественно, ибо «так устроено это и в природе» [2, с. 305]. Во взаимоотношениях между мужем и женой существует естественный непреложный закон: «видя себя любимую, жена бывает дружелюбна, а встречая повиновение, муж бывает кроток» [2, с. 305] и «то, что красота – в жене, а пожелание – в муже, показывает не иное что, как устроение для любви» [2, с. 306]. Этими словами святитель подчеркивает, что указываемые в христианстве обязанности между мужем и женой, естественно, следуют из их природного устроения.

Святитель Феофан пишет, что муж «должен иметь и являть свое владычество над женой», а если он этого не делает, то унижает себя и продает свое главенство по малодушию и страсти, «ибо это срам для мужей» [2, с. 306]. Но святитель Феофан уточняет, что эта власть «должна быть не деспотическая, а любовная». Жена должна быть для своего мужа подругой и муж не физической силой, а сильной любовью должен заставлять ее быть себе покорной. Свои «повеления и распоряжения» муж должен делать так, чтобы они сами свидетельствовали о его любви к жене и дышали ею (любовью). Для жены, отмечает святитель, горьким бывает не тот факт, что муж ей что-либо повелевает сделать, а то, как он это делает – «в каком тоне это произносится, с какою миною или движением» [2, с. 304].

Это положение очень важно, поскольку от него, по сути, зависит все благосостояние семьи, и именно оно является наиболее трудно выполнимым. Проблема ответственности главы семьи, то есть мужа, очень актуальна сегодня. Очень часто получается так, что мужчина фактически не является главой в своей семье. Это происходит по причине слабохарактерности, слабОВОЛИЯ мужчины, с одной стороны, и чрезмерной волевой активности женщины, с другой стороны. Следует отметить, что в этом случае нарушается естественный, установленный Богом порядок жизни. Бог после грехопадения первых людей, обращаясь к Еве, сказал: «К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3, 16). То есть в природе женщины есть естественное тяготение к мужчине и необходимость быть управляемой им. Бог ука-

зывает Адаму, что он виновен в том, что «послушал голоса жены твоей и ел от дерева» (Быт. 3, 17). В этих словах, в первую очередь, говорится о виновности Адама в том, что он послушался Еву просто, без рассуждения.

Женщина же сотворена помощницей мужчины, поэтому, как пишет святитель Феофан, жена должна быть мужу «первой, вернейшей и искреннейшею советницей, первой поверенною тайн» [1, с. 588]. Муж должен заботиться об умственном и нравственном совершенстве своей жены, «снисходительно и терпеливо отребляя недоброе и насаждая доброе, неисправимое же в теле или нраве снося благодушно и благочестно» [1, с. 588]. Если муж относится к своей жене небрежно и вольно, он ее развращает. Это еще один важный признак правильного главенства – ответственность за нравственное состояние жены несет ее глава, то есть муж.

Такое «заботливое» главенство естественным образом откликается взаимной покорностью и благодарностью. Для женщины, как помощницы, подобная покорность является ответной любовью к мужу и составляет ее внутреннее счастье. Когда муж относится к жене с любовью, тогда «любовь вызывает любовь», и ее повинование ему «идет со всею охотою и благорасположением, – не по натиску совне, а по своему внутреннему хотению» [2, с. 304].

Забота мужа о нравственном состоянии своей жены, однако, не должна запрещать ее общение со другими людьми. Но при этом жена должна иметь согласие на это мужа и вести себя со внешними людьми прилично [2, с. 589].

Главная обязанность жены – это послушание своему мужу. Послушание это состоит в полной преданности мужу, верном исполнении его распоряжений, советов, повелений. Конечно, ни в одной семье не обходится без разногласий. В этом случае жена должна уметь быть уступчивой и терпеливой ради сохранения мира в семье.

Однако из этого не следует, что жена находится в некоем пассивном положении по отношению к решениям и действиям мужа. У жены должен быть принципиально иной, свойственный ее природе, подход к мужу. Святитель Феофан указывает, что жена, несмотря на свою обязанность во всем слушаться своего мужа, тем не менее, может «мудростию и влиянием изменить нрав мужа, если он неисправен» и, более того, она «не должна оставлять его в не-

брежении». Сколько есть ума и сил, она должна «действовать на него и исхищать как из огня» [2, с. 589].

Как видно из слов святителя Феофана, несмотря на подчиненное положение жены в семье, ее роль и обязательства за духовное состояние своего мужа очень велики. При этом у жены должен быть совсем другой, «женственный» подход к делам семьи. Чтобы женщина была такой, она должна украшать себя добродетелями, а не «плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою» (1Тим. 2, 9–10), как пишет апостол Павел. Также обязанностью жены является «блюденіе домашних дел», хотя оно и состоит только в их исполнении.

И третий уровень взаимных обязанностей в семье – это «родители – дети». Главное обязательство детей в отношении к родителям – послушание им, а родителей к детям – не раздражать их [2, с. 306]. Закономерность взаимных отношений родителей и детей такова, что пока дети послушны, родители мирны с ними и спокойны, но, как только это нарушается, то этот мир нарушается и они уже «нелюбовно смотрят на детей» [2, с. 307]. В свою очередь и дети «почивают» на родительской любви и охотно выполняют все, что говорят им родители, до тех пор, пока они ведут их «в духе любви» [2, с. 307]. Основой послушания детей своим родителям святитель Феофан определяет уверенность детей, что свои распоряжения родители делают только для их блага. Пока у детей сохраняется такая уверенность, ничего не может поколебать их преданности родителям. Но как только дети замечают, что свои распоряжения родители делают для того, чтобы показать свою власть над ними, это сразу же их огорчает и приводит к тому, что «детям становится тяжело жить под родителями, они унывают» [2, с. 307].

Святитель Феофан отмечает, что для того, чтобы дети оказывали послушание родителям, недостаточно одних только естественных побуждений. В основе послушания детей должно лежать желание угождать Господу, то есть речь идет о том, что у ребенка должно быть христианское самосознание, то есть сознание себя чадом Христовым. В этом случае, даже если и возникнет в его душе какое-либо противное воли родителей настроение, оно не помешает, так как повиновение родителям будет для ребенка важнее. Законным является только такое непослушание детей, когда теми «требуется что неблагоугодное Господу» [2, с. 309].

Обязанность не раздражать своих детей требует от родителей очень важного искусства не создавать такой ситуации, в которой детям приходилось бы вступать в спор, пререкаться и даже неповиноваться. Для этого требуется рассудительность родителей; что-то в их поведении нужно даже пропускать без внимания, а что-то делать и в угоду им. При этом, речь идет не о поблажке, а благо-разумном снисхождении, умеряющем необходимую строгость, а не устраняющем ее [2, с. 310]. Родителям более всего следует опасаться того, чтобы их дети «не падали духом, не ходили повеся голу» [2, с. 310].

Дети – это плод родителей, в прямом смысле этого слова. Поэтому к рождению нового человека в мир родители должны готовиться заранее. Святитель Феофан пишет, что готовящиеся стать родителями должны готовить себя к этому хранением целомудрия, а также физического здоровья, поскольку «оно неминуемое есть наследство детей» [1, с. 590]. Но в наследство от своих родителей дети получают не только тело, но и нравственные качества. Поэтому важно хранить благочестие, так как души детей «в живой зависимости от сердца родительского и характер родителей иногда очень резко отпечатлевается на детях» [1, с. 590].

После рождения ребенка родители должны освятить его таинствами, то есть крестить его и регулярно приносить ко Причастию. Крестить ребенка в таком малом возрасте необходимо, поскольку, как было сказано выше, нравственные качества также передаются душе ребенка и приносят свой плод. Родители должны понимать важный антропологический момент. Греховная наследственность передается генетическим путем и начинает проявляться еще до того, как ребенок приходит в полное самосознание. Как грех действует на душу ребенка еще до прихода его к сознательной деятельности, так и благодать в таинстве Крещения «нисходит на младенческую душу и производит в ней все одна» [3, с. 26]. При этом, пишет святитель, в ребенке хоть и действует жизнь истинно христианская, но «как бы без его ведома» [3, с. 27] и «есть еще как бы не его». Но по мере вступления ребенка в сознательный возраст она становится в нем его «собственной, не благодатною только, но и свободною» [3, с. 27].

Существо воспитательного процесса в семье состоит в том, чтобы не столько ребенка наставлять, сколько непосредственно вклю-

чать его в семейную жизнь. Ребенок должен сам лично участвовать в утренней и вечерней молитве, бывать в церкви, слушать благочестивые беседы родителей. При этом даже «нет нужды обращаться к нему: оно само будет слушать и соображать» [1, с. 592].

Учитывая сложность соблюдения беспристрастности в деле воспитания, святитель Феофан замечает, что «иногда существенная належит нужда иметь воспитателем чужого», чтобы исключить ситуации, когда родитель «одних любит, а других нет, или отец любит одних, а мать – других». Все это культивирует в душе воспитуемых неуважение к родителям, детей друг к другу, и даже, вражду между ними.

Также святитель Феофан замечает, что в случае нужды родители могут прибегать и к телесным наказаниям, так как «душа образуется чрез тело. Бывает зло, коего нельзя изгнать из души без уязвления тела» [1, с. 595].

Таким образом, семья является той социальной средой, где формируется внутренняя жизнь ребенка. Святитель Феофан в своих трудах выстраивает стройную модель христианской семьи, в основе которой лежат взаимные друг перед другом обязательства ее членов. В христианской семье святитель выделяет три основных уровня взаимных обязательств ее членов: глава – семейство, муж – жена и родители – дети. От того, насколько правильно выстроены эти отношения зависит и то, в какой духовной и душевной атмосфере будет совершаться воспитание, а значит – какой пример поведения и отношения к окружающему миру и людям вынесет ребенок из своей семьи.

Список литературы

1. *Феофан Затворник, свт.* Начертание христианского нравоучения / святитель Феофан Затворник. – Москва : Отчий дом, 2010. – 622 с.

2. *Феофан Затворник, свт.* Толкования Посланий апостола Павла к колоссянам, к филиппийцам / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2005. – 611 с.

3. *Феофан Затворник, свт.* Путь ко спасению / святитель Феофан Затворник. – Москва : Отчий дом, 2009. – 407 с.

UDC 248.152

THE MODEL OF A CHRISTIAN FAMILY IN THE WRITINGS OF ST. THEOPHAN THE RECLUSE

Paisiy (Buy), Hieromonk
Master of Theology,
Vice-rector for Educational Work
Tambov Theological Seminary
E-mail: ppaisios@mail.ru

For citation: *Paisius (Buoy), hierom.* The Model of a Christian Family in the Writings of St. Theophan the Recluse // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 154–164.

Abstract

The article reconstructs a model of Christian family relations based on the writings of St. Theophanes of Vyshensky. This model is based on the mutual obligations of family members: husband and wife, children and parents. The family is the environment that forms the personality of the child, therefore, its value orientation in the future largely depends on the correctness of the built relationships in the family. Responsibilities to each other is the primary form of morality that fosters respect, responsibility and, ultimately, Christian love. Fulfillment of duties disciplines, eradicates natural egoism, which marks the beginning of a conscious spiritual life. The fulfillment of duties begins with the struggle against sin.

Key words: family; parents; children; husband; wife; upbringing; spiritual personality.

References

1. *St. Theophan the Recluse*. Nachertanie Khristianskogo nravoucheniya [Inscription of Christian Moralizing]. Moscow, Otchii dom, 2010. 622 p. (in Russian)
2. *St. Theophan the Recluse*. Tolkovanie Poslanii apostola Pavla k kolossyanam, k fillipiitsam [Interpretations of the Epistles of the Apostle Paul to the Colossians, to the Phillipians]. Moscow, The Rule of Faith, 2005. 611 p. (in Russian)
3. *St. Theophan the Recluse*. Put' ko spaseniyu [The Path to Salvation]. Moscow, Otchii dom, 2009. 407 p. (in Russian)

УДК 371

ПСАЛТИРЬ КАК УЧЕБНАЯ (ДИДАКТИЧЕСКАЯ) КНИГА: АНАЛИЗ ПЕРСПЕКТИВ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Евтихий Петр Николаевич
кандидат педагогических наук,
доцент, заведующий церковно-
практической кафедрой Тамбовской
духовной семинарии
E-mail: tambovfolk@mail.ru

Для цитирования: *Евтихий, П.Н.* Псалтирь как учебная (дидактическая) книга: анализ перспектив ее использования в современной школе // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 165–172.

Аннотация

В статье приведена аргументация интерпретации Псалтири как учебной книги, располагающей педагогическим воспитательным и образовательным потенциалом. Рассматриваются возможности изучения Псалтири с опорой на художественное видение поэтов XVIII–XIX вв., которым принадлежат переводы, входящие в программную область изучения ряда предметов, прежде всего, «Основ православной культуры».

Ключевые слова: Псалтирь; учебная книга; переживание; чувство; модели поведения человека.

Псалтирь в XVIII–XIX веках получила статус учебной книги, которая в обязательном порядке не просто читалась, но выучивалась наизусть с целью правильно воспитать и организовать ум учащегося на страхе Божьем. Кроме того, цитирование Псалтири наизусть служило показателем культуры человека, ибо Псалтирь в концентрированной форме отражает все события Ветхого и Нового Заветов (в прообразовании). Поэтому она становилась ключом для приобщения человека, независимо от его сословной принадлежности, к христианской культуре в целом.

Псалтирь, как энциклопедия человеческих чувств и моделей поведения человека в мире, формировала на страхе Божьем его (человека) эмоционально-чувственную и волевую сферы, мотивацию к самообучению и самосовершенствованию, вплоть до состояния святости.

Учитывая охарактеризованный выше педагогический и, прежде всего, воспитательный потенциал Псалтири, прошедший многовековую апробацию, следует задуматься о возможности и перспективах использования этого потенциала в современной общеобразовательной школе при изучении дисциплины «Основы православной культуры».

Псалтирь написана необычным языком, передающим «превечную глубину и тайны небесные, необъяснимые словами» [3]. В этой связи возникает вопрос: если язык Псалтири трудно понимается даже обычным взрослым человеком и даже вполне воцерковленным, то как сделать так, чтобы этот язык стал понятен подростку, например, учащемуся старшей начальной или основной школы?

Даже молитва (кондак) ко Пресвятой Богородице «Взбранной Воеводе победительная» не всегда доступен для понимания даже семинариста: каков смысл понятий «Взбранной» или «Воеводе»? Ибо понимание этих слов требует знания греческого и других языков, в которых каждое слово переводится по-разному и наполняется разными смысловыми оттенками, вносящими новые концепты, которые в совокупности позволяют понять сакральный смысл слов: «Взбранной», «Воеводе», «победительная» и др.

Псалтирь как текст – это зафиксированная на бумаге человеческая мысль. Мысль же, как действие ума, порождает различные чувственные образы. Именно через них человек познает окружающий мир, других людей, самого себя. В учении святителя Феофана Затворника это изъяснено очень подробно [5, 6].

Псалтирь, как учительная книга Ветхого Завета относится к жанру священной лирики. Поэтому многие псалмы были переведены на стихи православными русскими поэтами: например, первый псалом переведен Н.П. Николевым, М.В. Ломоносовым, Г.Р. Державиным, В.И. Майковым, Н.М. Языковым, Н.М. Шатровым и др. [4]. При этом, если в XVIII веке Православие было в России доминирующей конфессией, то конец XVIII – начало

XIX столетия – это тот период в развитии Российского государства, когда возникла дилемма: будет ли русское общество консолидировано на основе Православия или оно (общество) будет разрушаться. XVIII век, несмотря на Синодальное устройство Церкви, опирался на Евангельские заповеди и традиции православного воспитания и образования. В XIX веке эти традиции стали постепенно распадаться: не каждый православный воспитывался на основе Часослова, Апостола и Псалтири, так как система образования обрела более светский характер. Революционные события и десятилетия советской власти надолго исключили тексты Священного Писания из научно-педагогической практики. По сути, Псалтирь стала предметом научного изучения лишь в XXI веке [1].

Стихи – это особая художественная речь. Задача овладения этой речью решается на протяжении всего периода обучения в светской школе и, прежде всего, в православных гимназиях. Овладение этой речью, с психолого-педагогической точки зрения, отличается от восприятия прозы. В стихах и в прозе одно и то же событие, явление, предмет и т.п. осознается учащимися по-разному. В стихах осмысление и понимание содержания текста многообразно и требует особой работы ума, а в контексте учения свт. Феофана Затворника – работы низших сил души: памяти, воображения и фантазии [5]. Мысль, передаваемая через рифму, размер, ритм, легко и, самое главное, надолго (часто на всю жизнь) запоминается учащимся. Тогда как восприятие события, явления, предмета и т.п. в прозе требует логического, т.е. рационального осмысления содержания любого текста.

Вторая половина XX века в результате выбранного вектора цивилизационного развития привела к тому, что в системе советского образования возникли новые концепции школьного образования, например, В.В. Давыдова [2]. Это не относится к современному российскому образованию, где нет единой методологической и гуманистической методологической базы построения системы национального образования с опорой на историческое наследие российского государства.

Мы считаем, что перспектива использования Псалтири в светском образовании, там, где, прежде всего, преподается предмет «Основы православной культуры» (и не только в средних общеобразовательных школах, но и православных гимназиях, воскре-

сных школах) возможна через стихотворные переводы светских поэтов, которые позволяют учащемуся войти как бы в первый смысловой пласт Псалтири и не просто понять содержание псалма, но и эмоционально запомнить через стихотворение его смысл.

Проведем сравнительный анализ оригинального текста Псалтири, т.е. текста первого псалма и его поэтического истолкования, сделанного Н.П. Николевым и М.В. Ломоносовым.

Текст первого псалма	Н.П. Николев
<p>Стих 1: Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалище <i>губителей</i> не седе.</p>	<p>Стих 1: Блажен <i>тот</i> муж, кто нечестивых Отринул <i>пагубный</i> совет; Кто от седалища <i>кичливых</i> Как от напасти прочь идет.</p>

Сравнительный анализ двух текстов обнаруживает следующее:

1) стихотворение Н.П. Николева изложено пафосно, эмоционально, а оригинальный текст – в традиционной манере прочтения, т.е. в манере канонического псалмодирования с сохранением постоянства высоты тона с незначительными отклонениями от него при начале чтения стиха и в конце;

2) Н.П. Николев каждый катрен (четверостишие) нарочито выстраивает в соответствии со стихами псалма: каждый катрен равен стиху псалма. Чтобы сохранить это равенство, поэт использует ключевые слова стиха.

Так, в стихе первом оригинала слова «блажен муж», у Н.П. Николева – «Блажен ***тот*** муж», т.е. поясняется, что это не вообще человек, а конкретный. Для школьника такое поэтическое обращение важно, ибо именно в школьном возрасте складывается «Я-концепция»: кто «Я», как ко мне относятся окружающие.

На оригинальные слова стиха «на совет нечестивых» Н.П. Николевым дается пояснение: «нечестивых ***пагубный*** совет». Для современного школьника слово **нечестивый** никак не связывается с библейским пониманием содержания: нечестивый – значит безбожный. Но использование в стихотворении прилагательного «пагубный» разрешает всю проблему понимания: пагубный, значит ведущий к гибели и земной, и вечной.

Оригинальный глагол «не иде» заменяется глаголом «отринул» (т.е. совершил особое волевое усилие над собой). Иначе воспользовался дарованной Богом свободой выбора.

Оригинальный текст «на пути грешных не ста» Н.П. Николев поясняет: «от напасти прочь идет». Для школьника это пояснение и эмоционально, и рационально становится понятно: зверь, бандит напал – надо спастись физически – убежать, защититься. Если это клеветник, предатель, завистник – то прекратить с ним общение, а по-христиански молиться за него: «Господи прости и помилуй ненавидящих мя...»

Оригинальный текст – «на седалище губителей не седе», в стихотворении Н.П. Николева поясняется «от седалища кичливых», то есть гордых, заносчивых, высокомерных людей, что не просто конкретизирует слово «губитель» и эмоционально наполняет его, но и позволяет сформировать образ первого ангела, отпавшего от Бога.

Отметим, что легкость понимания (а впоследствии и запоминание) первого стиха осуществляется не только на эмоционально-чувственной основе, но и с помощью особой техники, используемой Н.П. Николевым при переводе оригинала псалма в стихотворение, когда катрен не только равен оригинальному стиху псалма. Он (катрен) обеспечивает легкость понимания (а впоследствии и запоминание) первого стиха (а далее и всего оригинального псалма) при помощи, как может показаться, «незначительных» пояснений, адресованных неискушенным, и на эмоционально-чувственной, и на рациональной основе.

Рассмотрим еще один пример стихотворного перевода стиха 1 и 2, выполненного М.В. Ломоносовым.

Текст первого псалма	М.В. Ломоносов
Стих 1: Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалище губителей не седе.	Стих 1: Блажен, кто к злым в совет не ходит, Не хочет грешным вслед ступать И с тем, кто в пагубу приводит, <u>В согласных мыслях заседать.</u>
Стих 2: но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и ночь.	Стих 2: Но волю токмо подвергает Закону Божию во всем И сердцем оный наблюдает <u>Во всем течении своем.</u>

Если рассмотреть первый и второй стихи оригинала первого Псалма, переведенного М.В. Ломоносовым, то мы обнаружим, что:

1) он использует ту же технику стихотворного перевода, что и Н.П. Николев – катрен равен оригинальному стиху псалма;

2) в стихотворном переводе используются ключевые слова, имеющиеся в оригинале стихов первого псалма (блажен муж – блажен кто; не иде на совет – в совет не ходит; и т.п.), которые выполняют поясняющую смысловую функцию (нечестивых – злых; на седалище губителей не седе – в согласных мыслях заседать);

3) в стихотворном переводе используются пояснения, способствующие эмоциональному наполнению ключевых слов (и в законе *Его* поучится – *И сердцем оный наблюдает* и др.). Это важно с точки зрения психологии восприятия: одно дело в законе Божьем поучиться, т.е. выполнять его по принуждению, а с другой стороны – выполнять (наблюдать) Закон Божий по велению сердца.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы. Перспектива использования Псалтири в современной школе: светской или воскресной, православной гимназии – вполне реальна. Педагогическим методом, с помощью которого можно обеспечить учащемуся проникновение в первый смысловый пласт псалмов, выступает изучение их стихотворных переводов, выполненных русскими поэтами, чье творчество входит в обязательную школьную программу. Использование стихотворного перевода псалмов может создавать мощную мотивацию к изучению Псалтири у учащихся разных возрастных групп.

Список литературы

1. *Аверинцев, С.С.* Дух и литеры / С.С. Аверинцев. – Киев : Дух і літера, 2004. – 151 с.

2. *Давыдов, В.В.* Теория развивающего обучения : монография / В.В. Давыдов. – Москва : ИНТОР, 1996. – 544 с.

3. Откровение старицы Евфросиньи Почаевской о Псалтири // Ресурс для мирян : [сайт]. URL: https://pravoslavni.ucoz.ru/news/otkrovenie_sv_staricy_evfrosini_pochaevskoj_o_psaltyri/2010-10-27-253 (дата обращения: 13.10.2018).

4. Псалтирь в русской поэзии / сост. Т. Макарова // Христианский творческий союз : [сайт]. URL: <http://www.christianart.ru/> (дата обращения: 13.09.2019).

5. *Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? : собрание писем / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2003. – 337 с.

6. *Феофан Затворник, свт.* Начертание христианского нравоучения / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2010. – 686 с.

UDC 371

THE PSALTER AS AN EDUCATIONAL (DIDACTIC) BOOK: ANALYSIS OF THE PROSPECTS FOR ITS USE IN MODERN SCHOOL

Evtikhiev Petr N.
PhD in Pedagogy,
Associate Professor,
Head of the Church and Practical
Department
Tambov Theological Seminary
E-mail: tambovfolk@mail.ru

For citation: *Evtikhiev, P.N.* The Psalter as an Educational (Didactic) Book: Analysis of the Prospects for its Use in Modern School // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 165–172.

Abstract

The article provides reasoning for the interpretation of the Psalms as a textbook with pedagogical, upbringing and educational potential. The author examines the possibilities of studying the Psalms based on the artistic vision of poets of the 18th-19th centuries, whose translations are included in programs of a number of disciplines, primarily, “Fundamentals of Orthodox Culture”.

Keywords: Psalms; textbook; experience; feeling; patterns of human behavior.

References

1. *Averintsev, S. S.* Dukh i litery [Spirit and Letters]. Kiev, Dukh i litera, 2004. 151 p. (in Russian)
2. *Davydov, V.V.* Teoriya razvivayushchego obucheniya : monografiya [Theory of Developmental Learning: a Monograph]. Moscow, INTOR, 1996. 544 p. (in Russian)
3. Otkrovenie staritsy Evfrosin'i Pochaevskoi o Psaltyri [The Revelation of the Nun St. Euphrosyne of Pochaev on the Book of Psalms]. LIVEJOURNAL. (in Russian). Available at: <https://ort-psaltir.livejournal.com/26249.html>
4. Psal'tyr' v russkoi poezii [Psalter in Russian Poetry]. Khristianskii tvorcheskii soyuz. Available at: <http://www.christianart.ru/> (Accessed: 13.09.2019).
5. *Theophan the Recluse, St.* Chto est' dukhovnaya zhizn' i kak na nee nastroit'sya? [What is Spiritual Life and How to Get Ready for it? : Collection of Letters]. Moscow, Pravilo very, 2003. 337 p. (in Russian)
6. *Theophan the Recluse, St.* Nachertanie khristianskogo nravoucheniya [The Outline of the Christian Moral]. Moscow, Pravilo very, 2010. 686 p. (in Russian)

УДК 373.55; 2-475

ДУХОВНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ШКОЛЫ В СВЕТЕ СВЯТООТЕЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Ерохина Татьяна Александровна
заместитель директора Муниципального
автономного общеобразовательного
учреждения средней
общеобразовательной школы № 1 –
«Школа Сколково-Тамбов»
E-mail: erochina72@mail.ru

Терехова Грета Леоновна
кандидат философских наук,
педагог дополнительного образования
Муниципального автономного
общеобразовательного учреждения
средней общеобразовательной школы № 1 –
«Школа Сколково-Тамбов»
E-mail: terekhovagl@gmanagement.ru

Для цитирования: *Ерохина, Т.А., Терехова, Г.Л.* Духовно-образовательная социокультурная среда школы в свете святоотеческого наследия // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 173–182.

Аннотация

В статье представлена духовно-образовательная среда «Школы Сколково-Тамбов» и ее реализация в рамках модели «Школа – социокультурный центр», обеспечивающая воспитательную и внеурочную деятельность как базовую платформу, которая принципиально меняет образовательное пространство и направляет его в духовное русло. Социокультурная модель школы опирается в своей реализации на святоотеческие традиции, которые являются глубинным, истинным основанием российской культуры.

Ключевые слова: отечественное образование; Концепция «Школы Сколково-Тамбов»; духовно-образовательная социокультурная среда; «Школа – социокультурный центр»; преподавание теологических дисциплин; святоотеческое наследие.

В любой период своего развития общество сталкивается с теми или иными трудностями социокультурного и экономического характера, часто приобретающим крайние, деструктивные формы. И поиск их причин вне духовного пространства приводит только к некоторому сглаживанию возникших проблем. В недрах же своих они представляют собой опасный нарыв, который неизбежно выйдет наружу. Современное российское общество сегодня столкнулось с такими серьезными проблемами, как незнание и непонимание истоков своей культуры, утрата чувства патриотизма, нравственная слепота и размывание границ между добром и злом. Всем нам известно, что многие представители современных средств массовой информации предлагают нашим соотечественникам мировоззренческие установки, противоположные принципам русской культуры, основанной на духовности и нравственности.

Одной из важнейших задач нашего общества и государственной политики является возрождение социокультурной среды, в первую очередь отечественного образования на всех его уровнях, которое в свое время принесет благодатные плоды на всем пространстве российской культуры. Существенный вклад в решение этой задачи внесла реализация «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», направившей наше образование к восстановлению воспитательного начала. Также необходимо отметить Федеральную целевую программу «Молодежь России», которая акцентирует внимание на «духовно-нравственном воспитании молодежи и среди задач особенно выделяет создание условий для патриотического и духовно-нравственного воспитания» [3]. В декабре 2012 года принят закон «Об образовании в Российской Федерации», который является продолжением ранее принятых законов и проводит основную линию единства процессов воспитания и образования. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года принят план мероприятий по реализации в 2016–2020 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года.

В связи с этим молодая, динамично развивающаяся в направлении информационных технологий школа – инновационный образовательный комплекс «Школа Сколково-Тамбов», использующая модель «Школа – социокультурный центр», определила стратегию реализации воспитательной и внеурочной деятельнос-

ти как базовую платформу, принципиально меняющую образовательное пространство. Образовательная организация имеет развитую инфраструктуру, в которой функционируют 14 центров: Центр прикладных технологий, Мультимедийный центр, Центр искусства, Центр теологического образования, Центр развития профессиональных компетенций и др. В инфраструктуру комплекса входят также около 40 лабораторий, цель которых – обеспечение условий для реализации естественнонаучного образования, развития компетенций обучающихся для профессиональной деятельности в сфере высокотехнологичных отраслей. Инфраструктура комплекса включает два учебных корпуса, Социокультурный центр, функционирующий на базе одного из корпусов школы, а также строящийся рядом храм преподобного Серафима Саровского. Все это создает условия для духовного и личностного становления не только учащихся школы, но и для жителей всего микрорайона.

Одним из наиболее перспективных вариантов решения данной задачи на уровне основного общего образования является организация единого социокультурного пространства школы, в центре которого находится личность ученика. Цель его создания заключается в том, чтобы учащийся за годы обучения в школе мог получать самые передовые знания, умел активно их применять, научился диалектически мыслить, раньше социализироваться, легче адаптироваться к быстро меняющемуся миру и при этом был высоконравственной, духовно богатой личностью.

Социокультурная модель школы опирается в своей реализации на святоотеческие традиции. Истинное образование всегда есть просвещение, духовное питание, которое одновременно и воспитывает. Поэтому необходимо теоретическое осмысление этих традиций и практический опыт введения их в образовательный процесс. Опыт духовно-нравственного становления личности оставлен человеку в Священном Писании, в творениях святых отцов и учителей Церкви. Свою лепту внесли в образовательный процесс и православные педагоги. Богатейший опыт учительства и святости содержится в творениях таких подвижников Русской Церкви, как: святитель Феофан Затворник Вышенский, святитель Игнатий (Брянчанинов), святой праведный Иоанн Кронштадтский и др.

Труды святителя Феофана Затворника являются примером синтеза достижений светской науки и богословия, где все мысли подчинены духовному началу. Одним из главных недостатков воспитания свт. Феофан считал отделение школы от Церкви и ее благодатных средств, совершенное забвение духа, отсутствие страха Божия, молитвы, пренебрежение голосом совести. Он обращает наше внимание на «дух преподавания или воззрения на предметы обучения»: «должно быть поставлено непреложным законом, чтобы всякая преподаваемая христианину наука была пропитана началами христианскими, и притом православными», которые с течением времени не «только будут сохранены, но и возвысятся, укрепятся и придут в соразмерную зрелость» [4]. Воспитание должно быть направлено к пониманию истинной цели сил души и путей ее достижения.

Об этой истинной цели напоминает нам игумен Георгий (Шестун), указывая на основные противоречия в системе современного образования. Это «противоречие между традиционным восприятием жизни как вечной и образовательным обеспечением только одного, земного, этапа этой жизни как единственного и самоценного, противоречие между гуманистической (антропоцентрической) основой образовательных систем, способствующих личностному развитию ребенка, и традиционной для России христоцентрической основой образования и воспитания» [2]. Чтобы преодолеть указанные несоответствия, необходимо создать образовательную среду с учетом традиций религиозного воспитания. Поэтому Концепция «Школы Сколково-Тамбов», которая по своим инновационным подходам приближена к сфере высшего профессионального образования, включает теологическое направление. В отличие от кабинетов духовно-нравственного воспитания или основ православной культуры, организованных в большинстве средних общеобразовательных организаций, здесь создан Центр теологического образования, целью которого является формирование у подрастающего поколения ценностно-ориентированного мировоззрения, основанного на православных религиозных традициях. Духовно-образовательная среда кабинета теологического образования наглядно демонстрирует тесную взаимосвязь естественнонаучных, гуманитарных и теологических знаний в образовательном пространстве, а также влияние

науки и религии на развитие общества, государства и русской цивилизации.

В процессе становления духовного социокультурного пространства необходимо не потерять главное – «прочность усвоенных знаний» [1]. Прочность эта, по мысли св. прав. Иоанна Кронштадтского, обеспечивается соединением знания с живой человеческой душой. «Не в том сила, чтобы преподавать многое, а в том, чтобы преподать немного, но существенно нужное... Область знаний безгранична. Но область полезных и существенно необходимых знаний ограничена. Из множества достаточно выбрать самое необходимое и привести это в стройную систему, сообразенную с количеством других предметов... В противном случае мы будем разрушать труды один другого...» [1]. Св. Иоанн Кронштадтский определяет цель педагогической деятельности как «поиск добродетели и выяснение цели жизни и жизненных ценностей» [1]. Обучение, по его учению, согласованное со всей святоотеческой традицией, «должно сочетать две цели – образованность и благочестие» [1]. Отец Иоанн писал: «Можно и весьма много знать, как говорится, проглотить науку, быть весьма ученым человеком и в то же время, увы, быть негодным человеком и вредным членом общества» [1]. Преподавая Закон Божий, отец Иоанн направлял обучение на главное: «пленишь в послушание христианским заветам души детей, наполнить их теми святыми образами, какими была полна его душа» [1]. Поэтому основной целью становится «привитие ребенку способности распознавать и предостерегать грех» [1].

Главным качеством учителя, по мнению св. прав. Иоанна Кронштадтского, должна быть любовь к детям. Осознание такого высокого уровня ответственности должно быть в каждом учителе, берущемся за нелегкий труд образования и воспитания детей. Понимая эту сложную и ответственную задачу, руководство школы акцентирует свое внимание на область преподавания теологических дисциплин, что призвано обеспечить воспитание духовной личности. Используя возможности кабинета, в котором расположен Центр теологического образования, школа планирует реализовывать образовательные программы теологической направленности в рамках сетевого взаимодействия с Тамбовской духовной семинарией и Тамбовским государственным универси-

тетом им. Г.Р. Державина, что позволит обеспечить непрерывное теологическое образование в регионе.

Центр объединяет два основных тематических направления: духовно-нравственное воспитание и развитие личности и теологическое просвещение. С этой целью в Центре реализуются как уже традиционные для школ Тамбовской области предметы: «Уроки милосердия», «Основы Православной культуры», «Нравственные основы семейной жизни», так и специализированные курсы теологической направленности: «Духовные основы творческой деятельности», «Наука и религия в образовательном пространстве», «Духовные основы русской культуры» и др.

Одной из школьных традиций стала организация литературных и благотворительных балов. Во время проведения подобных мероприятий участникам предоставляется возможность стать не только зрителями картин прошедшей эпохи, но и стать ее участниками, прочувствовать духовную атмосферу минувших времен, приблизиться к родной истории. Задача, которую ставят перед собой организаторы данного мероприятия, – раскрытие творческого потенциала не только школьников, но и их родителей, а также жителей прилегающего микрорайона.

С 2016 года в школе появилась новая традиция – празднование православного праздника Благовещения Пресвятой Богородицы. Одна из самых известных традиций в этот день – выпускать на волю птиц, что символизирует освобождение человеческой души от власти греха. Соприкасаясь с ней, дети и взрослые переживают необычайные чувства, которые надолго оставляют в их сознании красоту и особенность праздника, помогая через внешнее осознать внутреннюю глубину события и прикоснуться сердцем к духовной тайне боговоплощения. Активными участниками этого праздника являются педагоги, родители, духовенство, жители микрорайона. Этот светлый и добрый праздничный день наполняет сердца детей и взрослых радостью и благодатью.

Учащиеся «Школы Сколково–Тамбов» активно участвуют и становятся лауреатами конкурсов и фестивалей разного уровня, среди которых: Международный конкурс-фестиваль детского творчества «Вифлеемская звезда», Всероссийский конкурс творческих проектов «Семья – зеркало души», фестиваль школьных хоров «Поют дети России», региональный этап Всероссийского

фестиваля «Литературный венок России», Всероссийский фестиваль «Театральная юность России», Всероссийский фестиваль детского и юношеского творчества «Хоровод традиций». Участие в конкурсном движении позволяет реализовать разносторонние творческие возможности детей.

Еще одним из приоритетов социокультурного комплекса является вовлечение школьников в реализацию проекта «Старшему поколению – активное долголетие», целью которого является создание условий для повышения качества жизни граждан старшего поколения, укрепление духовной связи поколений. В рамках этого проекта проходят мастер-классы, киноконференции, тематические акции.

Эффективность в воспитании ребенка зависит от того, насколько тесно взаимодействуют школа и семья. Такая совместная работа, сотворчество и сотрудничество коллектива школы, родителей, жителей нашего микрорайона делает нашу жизнь внутренне насыщенной и интересной. Совместная деятельность взрослого и ребенка улучшает микроклимат и в семье, и в образовательной организации, что положительно сказывается и на социальной обстановке района. Надеемся, что социокультурное пространство, которое создается в школе и вокруг нее, расширится и до масштабов города.

В заключение нельзя не вспомнить простую и очевидную истину: наша страна всегда процветала на почве Православия, которое стало основой русского мировоззрения. Оно определяло наши крепкие семейные узы, воспитание и просвещение, оно было объединяющим фактором Земли Русской во все времена. Наполняя сердце ученика светом Христова учения, российский педагог передавал ему знания и формировал нравственный стержень, что давало возможность направить жизнь человека в спасительное русло. Возвращение к христианскому образованию и воспитанию в современной школе станет тем противовесом от опасных семян растления, смещения понятий добра и зла, которые обильно проросли в социальной среде. А это, в свою очередь, даст возможность формирования высоконравственной духовной личности, способной активно противостоять негативным явлениям в мире.

Список литературы

1. *Зелененко А., прот.* Основные принципы педагогики св. прав. Иоанна Кронштадтского / протоиерей Александр Зелененко // Школа радости : сайт Спасо-Парголовского храма, Санкт-Петербург. URL: https://happy-school.ru/publ/voskresnaja_shkola_for_teachers/osnovnye_principy_pedagogiki_sv_prav_ioanna_kronshtadtskogo/107-1-0-2563 (дата обращения: 10.06.2018).

2. *Георгий (Шестун), игум.* Противоречия в современной системе образования и пути их разрешения / игумен Георгий (Шестун) // Слово : образоват. портал. URL: <https://www.portal-slovo.ru/pedagogu/37858.php> (дата обращения: 07.06.2018).

3. *Моторин, А.* О ключевых понятиях духовно-нравственного воспитания / А. Моторин // Православие.ru : портал. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/1365.htm> (дата обращения: 13.12.2017).

4. *Феофан Затворник, свт.* Путь ко спасению : краткий очерк аскетике // Азбука веры : православ. энцикл. : [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/put-ko-spaseniju/1 (дата обращения: 05.06.2018).

UDC 373.55; 2-475

**THE SPIRITUAL AND EDUCATIONAL
SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT
OF SCHOOL
IN THE LIGHT OF PATRISTIC HERITAGE**

Erokhina Tatiana A.

Deputy Director
Municipal Autonomous General
Education Institution Secondary
Comprehension School No 1 –
«SKOLKOVO–Tambov School»
E-mail: erochina72@mail.ru

Terekhova Greta L.

PhD in Philosophy,
Teacher
Municipal Autonomous General
Education Institution Secondary
Comprehension School No 1 –
«SKOLKOVO–Tambov School»
E-mail: terekhovagl@gmanagement.ru

For citation: *Erokhina, T.A., Terekhova, G.L.* The spiritual and Educational Socio-cultural Environment of School in the Light of Patristic Heritage // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 173–182.

Abstract

The article presents the spiritual and educational environment of the SKOLKOVO-Tambov school and its implementation in the framework of the School – Socio-cultural Center model, which provides educational and extracurricular activities as a basic platform that fundamentally changes the educational space and channels it into spiritual life. The implementation of the socio-cultural model of the school is based on patristic traditions, which are a deep and true foundation of Russian culture.

Keywords: Domestic education; Concept of «SKOLKOVO-Tambov School»; spiritual and educational socio-cultural environment; «School – socio-cultural center»; teaching theological disciplines; patristic heritage.

References

1. *Zelenenko Aleksandr, Archpriest*. Osnovnye printsipy pedagogiki sv. prav. Ioanna Kronshtadtskogo [Basic Principles of Pedagogy of St. John of Kronshtadt]. Shkola radosti: sait Spaso-Pargolovskogo khrama, St. Petersburg. (in Russian). Available at: https://happy-school.ru/publ/voskresnaja_shkola/for_teachers/osnovnye_principy_pedagogiki_sv_prav_ioanna_kronshtadtskogo/107-1-0-2563 (Accessed: 10.06.2018).
2. *Georgiy (Shestun), Archimandrite*. Protivorechiya v sovremennoi sisteme obrazovaniya i puti ikh razresheniya [Contradictions in the Modern Education System and the Ways to Resolve them]. LIVEJOURNAL. (in Russian). Available at: <https://www.portal-slovo.ru/pedagogy/37858.php> (Accessed: 07.06.2018).
3. *Motorin, A.O.* klyuchevykh ponyatnykh dukhovno-nravstvennogo vospitaniya [On the Key Concepts of Spiritual and Moral Education]. Pravoslavi.ru. (in Russian). Available at: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/1365.htm> (Accessed: 13.12.2017).
4. *Theophan the Recluse, St.* Put' ko spaseniyu : kratkii ocherk asketiki [The Path to Salvation: a Brief Overview of Asceticism]. ABC of Faith: Orthodox Encyclopedia. (in Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/put-ko-spaseniju/1 (Accessed: 05.06.2018).

УДК 130.3; 2-335

ГАРМОНИЯ НЕБЕСНОЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МУДРОСТИ В СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Слепцова Анна Олеговна
кандидат философских наук
E-mail: a_sleptsova@mail.ru

Для цитирования: *Слепцова, А.О.* Гармония небесной и человеческой мудрости в святоотеческой педагогической мысли // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 183–192.

Аннотация

В статье произведено обобщение православной педагогической мысли о гармонии небесной и человеческой мудрости. Автор приходит к выводу о том, что святоотеческая педагогика, признавая пользу науки и искусства для совершенствования разума человека, утверждает первостепенную значимость веры как формы духовного совершенствования. Важнейшим наставлением святых отцов является забота о душе в большей степени, нежели об обретении внешних знаний для индивидуального и общественного блага.

Ключевые слова: святоотеческая педагогика; небесная мудрость; наука; искусство; истинная вера; образование; воспитание; талант.

Святоотеческая педагогическая мысль представляет собой систему взглядов на образование и воспитание, целью которой является одухотворение жизни через воцерковление. При этом все богатство мирового культурного наследия, достижения науки и искусства должны служить делу сохранения и развития души, реализации талантов и наполнению жизни человека смыслом. Педагогика в православной традиции предполагает максимально возможное раскрытие задатков человека и овладение всеми возможными интеллектуальными ценностями.

Однако человек, увидевший достижения науки и искусства, рискует, обольстившись, поверить, что способен созидать самостоя-

тельно, без Божественного вдохновения и вне Божественной воли. Человек может подумать, что настолько силен его ум и велик масштаб таланта, что он готов выйти за границы Божественного провидения, более того, усомниться в Его существовании. Однако этическая рефлексия плодов прогресса позволяет заключить, что люди, наделенные знаниями, но лишённые веры, не могут принести в мир ничего, что способствовало бы процветанию человека и социума. Именно поэтому в святоотеческой педагогике поиску гармонии между небесной и человеческой мудростью уделяется очень большое внимание.

Святые отцы Русской Православной Церкви в этом вопросе единодушны, ведь превосходство такого духовного богатства, как вера, над всеми мирскими ценностями для истинно верующего незыблемо. При этом в деле приближения воспитанника к Богу целесообразно использовать все, что может этому способствовать. В текстах, посвященных рассмотрению вопросов наставления подрастающего поколения, ученики именуются часто воспитанниками, что подразумевает первостепенное значение пищи духовной как источника становления личности, стремящейся к Богу.

Вся святоотеческая педагогика утверждает безусловное положительное значение человеческой мудрости. Достижения науки и произведения искусства должны совершенствовать разум для глубокого познания божественных истин. Этот взгляд на педагогику как на приближение человека к Богу через изучение божественной и человеческой мудрости сформировался на самой заре становления православной доктрины.

В IV веке святитель Василий Великий утверждал, что изучение внешних наук (так он называл плоды человеческой мудрости) позволяет развивать духовное зрение для возможности в будущем понять Священное Писание, подобно тому как смотреть на отражение солнца в воде, чтобы впоследствии смочь посмотреть на свет. Святитель Василий Великий говорил, что польза от изучения внешних наук будет, если подходить к этому очень избирательно: «И как срывая цветы с розового куста, избегаем шипов, так и в сих сочинениях, воспользовавшись полезным, будем остерегаться вредного» [2, с. 722].

Сподвижник Василия Великого Григорий Богослов, борющийся со словоохотливостью священнослужителей, призывал

помнить, что главное – это истинная вера, а не многочисленные знания: «Если бы вера была доступна одним мудрым, то крайне беден был бы наш Бог» [4, с. 163]. При этом он утверждал, что «всякий имеющий ум признает первым для нас благом ученость» [3, с. 515].

Величайший ритор святитель Иоанн Златоуст, обличавший нравственный упадок современников, наставлял, что «порочность в соединении с искусством в слове производит гораздо худшие беды, чем необразованность» [6, с. 98]. Святитель безжалостно обличал родителей, которые, заботясь лишь о земной жизни, забывают о вечной. Он считал их хуже детоубийц, ведь они обрекают не тело, а душу ребенка на погибель. Отсутствие воспитания души обрекает человека на духовную гибель и поэтому, согласно святителю, является страшнейшим преступлением, так как развивает другие навыки в ущерб духовному совершенствованию.

Русская православная педагогика стала преемницей святых отцов Древней Церкви в своем видении роли образования в духовном становлении и воцерковлении личности.

В XIV веке произошло событие, известное как «Чудесное научение грамоте отрока Варфоломея», которое стало символом, отражающим всю суть православного образования и воспитания. Отрок Варфоломей, отличавшийся от сверстников благочестием, терпел упреки от учителей и родителей из-за того, что никак не мог постичь грамоту. Он встречает святого старца, которого просит помолиться за него, чтобы Господь даровал ему это умение. После молитвы и благословения происходит чудо, и отрок Варфоломей, как и обещал старец, в совершенстве постигает грамоту. Перед уходом старец предвещал родителям: «Сын ваш будет обителем Святой Троицы и многих приведет вслед за собой к пониманию Божьих заповедей» [5, с. 28]. Таким образом, старец указал на то, что разумение, которое воспринял Варфоломей, имеет иную природу, нежели грамота сверстников.

Способность отрока Варфоломея особенная, ведь он будет не просто хорошо читать и стройно петь псалмы, а станет преподобным Сергием Радонежским, величайшим подвижником земли Русской. Небесная мудрость стала наградой за благочестивую жизнь отрока. Чудо, произошедшее с ним, свидетельствует, что все человеческие способности и умения имеют божественную природу и

употреблять их надо для совершенствования души. Впоследствии именно преподобный Сергей, испытавший на себе тяготы ученья, которые он превозмог праведной жизнью, стал покровителем всех тех, кто постигает науки.

В святоотеческой педагогике выработана целая концепция по вопросу о значении человеческой мудрости для личности, направленной на поиски божественной истины. В соответствии с этой концепцией, вне веры человеческая мудрость, или, вернее будет сказать, показательное, внешнее мудрствование, может привести лишь к грехам.

Педагогическим взглядам святителя Филарета (Дроздова) свойственен крайний ригоризм в следовании указанной концепции. Согласно святителю, душа человека подобна засеянной земле. Если возделывать ее, развивая духовное начало, то человек будет истинно верующим, поймет благо любви и силу надежды, если же добрые семена будут в забвении, то человек обретет все свойства «сынов лукавого», а именно неверие, лживость, суеверность, самонадеянность [11, с. 236–237].

Будучи ректором Санкт-Петербургской духовной академии, святитель Филарет настаивал на необходимости цензурирования учебников и исключал доносчиков, стремясь оградить воспитанников от неблагочестивых мыслей и людей. Совершенствовать душу следует, отдавая предпочтение духовным учениям, нежели мирским. Мирские учения, по убеждению святителя Филарета, хотя и следует считать очами человечества, не всем необходимы: «Однако как не всякому члену тела надо быть оком, так и не всякому человеку общества надо быть ученым» [12, с. 250].

Святитель говорил о том, что духовное учение универсально для человека как будущего гражданина неба, а мирские учения второстепенны, надобность их зависит от склонностей конкретного человека.

По мнению святителя Филарета, подобно тому, как от пищи зависит физическая жизнь, от духовной пищи зависит вечная жизнь, а земные науки и искусства являются приправами и лакомствами, которые способны лишь приукрасить жизнь на земле.

Святитель Филарет дает наказ родителям и воспитателям помнить, что «учения человеческие приготавливают к жизни временной, но и ее не могут сделать счастливою без помощи учения

Господня, а учение Господне приготовляет к вечной блаженной жизни» [12, с. 253].

Не менее категоричен в своих воззрениях на образование и воспитание был и святитель Феофан Затворник. Опасной для вечной жизни он считал чрезмерную рассудочность, из-за которой человек лишается веры и теряет смысл жизни. Святитель порицал тех, кто в ущерб развитию души пытался обрести всезнание в книгах, усиливая тем самым только чувство собственного отчуждения от мира. Святитель Феофан считал большим заблуждением попытки исчерпать онтологические проблемы личности, опираясь исключительно на научное мировоззрение: «А ведь души не обманешь, как не обманешь голодного, давая ему камень вместо хлеба» [10, с. 231].

Без истинной веры душа, по мнению святителя, томится. Только через воцерковление можно найти и покой, и смысл жизни, и объяснение всему: «Войди в церковь, послушай, что здесь поется, читается и действуется, – и узришь свет истины Божией» [10, с. 232].

Педагогические взгляды святителя связаны с мировоззренческим контекстом того исторического периода. Святитель Феофан предвидел революционные события в России, произошедшие полвека спустя. Он предупреждал, что этого не миновать, если материалистические воззрения продолжают распространяться в умах его современников. Святитель утверждал, что неверие и безнравственность в сочетании с псевдученостью могут привести к трагическим последствиям.

Впоследствии уже святой Иоанн Кронштадтский, утверждая необходимость воцерковленного воспитания, ссылаясь на горький опыт отступления от духовных традиций, спросит: «Не ученые ли, например, были французские коммунары, олицетворившие в себе живо адских фурий» [9, с. 117]. По мнению отца Иоанна Кронштадтского, выдающегося богослова и талантливого публициста, миру более нужны богобоязненные христиане, а не ученые.

Созвучны этому мнению и мысли священномученика Фаддея (Успенского), который также, обращаясь к проблеме безрелигиозного образования в западном мире, видел в нем большую угрозу. Святитель Фаддей считал воцерковленное образование не только правильным с душеспасительных позиций, но и наибо-

лее человекосоразмерным, естественным. При этом архиепископ Фаддей утверждал бесспорную ценность изучения науки и искусства в рамках православного мировосприятия. Ведь на определенном этапе развития социума только Церковь была источником знаний об искусстве. Архиепископ Фаддей писал: «Церковь не отвергает и искусства: в самом богослужении христианском, например, соединены многие искусства – пение, живопись, архитектура, поэзия. Быть может, иной из крестьянских детей почти только в Церкви и может получить художественное воспитание известного рода» [9].

Итогом поиска гармонии между небесной и человеческой мудростью является идеал личности, совместивший непоколебимую веру и инициативный ум.

Выдающийся педагог Н.Е. Пестов писал: «Счастье, если наряду с талантом к музыке, живописи, поэзии или литературе в ребенке засеяны и растут всходы духовной жизни. Тогда он свой талант посвятит Богу и употребит с пользой для души» [8].

Н.Е. Пестов приводит имена прославленных художников, таких как В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, В.Д. Поленов, создавших произведения, которые демонстрируют не просто мастерство живописца, но и глубокую веру. Рассматривая понятие идеала, он также приводит в пример личность преподобного Иоанна Дамаскина, который реализовал свой талант как ученый, философ и гимнограф.

Вместе с тем Н.Е. Пестов рассматривает светские науки как один из видов богатства, который может обольстить и стать кумиром, заменив Бога. Следует заметить, что в некоторой степени человечество уже обольщено, бесконечно уверовав в науку как истину в последней инстанции и занятие для исключительно достойных людей. Н.Е. Пестов развенчивает этот миф, объективно оценивая духовную значимость труда как физического, так и интеллектуального. Он доказывает беспочвенность укоренившегося социального стереотипа, который превозносит интеллектуальный труд и принижает физический. Автор приводит безоговорочный для каждого христианина пример, напоминая, что Христос до Своего верховного служения был плотником, выбравшим впоследствии в качестве апостолов простых рыбаков, которые должны были стать «ловцами человеков» (1 Кор. 1, 27). Целью было «посра-

мить мудрых», уравнивая людей перед Богом в независимости от рода деятельности и уровня образования (Мф. 4, 19). Таким образом, для Н.Е. Пестова, как и для всех представителей святоотеческой педагогики, религиозная вера как духовное знание стоит несравнимо выше земных знаний.

Гармонии можно достичь, став ученым или деятелем искусства, но это не должно стать целью земной жизни, которая есть ступень к вечной. При этом, согласно Священному Писанию, талант зарывать в землю может только лукавый и ленивый раб, ведь ценностью нельзя разбрасываться, ее следует применить в деле. Поэтому нельзя игнорировать возможности реализации имеющегося таланта, который дарован с определенной целью. Однако эта цель должна быть всегда соотнесена со служением Богу.

Список литературы

1. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва : Рос. Библ. о-во, 2003. – 927 с.
2. *Василий Великий, свт.* Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. В 2 т. Т. 1 / святитель Василий Великий. – Москва : Сиб. Благовонница, 2008. – 750 с.
3. *Григорий Богослов, свт.* Творения. В 2 т. Т. 1 / святитель Григорий Богослов. – Москва : Сиб. Благовонница, 2007. – 832 с.
4. *Григорий Богослов, свт.* Творения / святитель Григорий Богослов. В 2 т. Т. 2. – Москва : Сиб. Благовонница, 2007. – 666 с.
5. Житие преподобного Сергия Радонежского. – Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2014. – 224 с.
6. *Иоанн Златоуст, свт.* Творения Святого Иоанна Златоуста. В 12 т. Т. 1 / святитель Иоанн Златоуст. – Москва : Изд-во Моск. духов. акад., 1991. – 883 с.
7. *Иоанн Кронштадтский, св. прав.* Моя жизнь во Христе / святой праведный Иоанн Кронштадтский. – Санкт-Петербург : Тип. В. Ерофеева, 1893. – 430 с.
8. *Пестов, Н.Е.* Современная практика православного благочестия / Н.Е. Пестов // Азбука веры : православ. энцикл. : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Pestov/sovremennaja-praktika-pravoslavnogo-blagochestija-tom-1/ (дата обращения: 18.06.2018).

9. *Фаддей (Успенский), архиеп., свмч.* Записки по дидактике / священномученик архиепископ Фаддей (Успенский) // *Азбука веры : православ. энцикл. : сайт.* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Faddej_Uspenskij/zapiski-po-didaktike/1_1_4 (дата обращения: 17.06.2018).

10. *Феофан Затворник, свт.* Простые истины сердца. – Москва : Правило веры, 2007. – 544 с.

11. *Филарет (Дроздов), свт.* Слова и речи. В 5 т. Т. 2 / святитель Филарет (Дроздов). – Москва : Новоспас. ставропиг. муж. монастырь, 2005. – 432 с.

12. *Филарет (Дроздов), свт.* Слова и речи. В 5 т. Т. 5 / святитель Филарет (Дроздов). – Москва : Новоспас. ставропиг. муж. монастырь, 2005. – 597 с.

UDC 130.3; 2-335

HARMONY OF HEAVENLY AND HUMAN WISDOM IN PATRISTIC AND PEDAGOGICAL THOUGHT

Sleptsova Anna O.

PhD in Philosophy

E-mail: a_sleptsova@mail.ru

For citation: *Sleptsova, A.O.* Harmony of Heavenly and Human Wisdom in Patristic and Pedagogical Thought // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 183–192.

Abstract

The article summarizes the Orthodox pedagogical thought about the harmony of heavenly and human wisdom. The author comes to the conclusion that patristic pedagogy, recognizing the benefits of science and art for the improvement of the human mind, asserts the paramount importance of faith as a form of spiritual improvement. The most important instruction of the Holy fathers is to care for the soul more than to acquire external knowledge for the individual and public good.

Keywords: patristic pedagogy; heavenly wisdom; science; art; true faith; education; education; talent.

References

1. Bibliya: knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [The Bible: Books of Scripture of the Old and New Testament]. Moscow, Russian Bible Society, 2003. 927 p. (in Russian)
2. *Basil the Great, St.* Dogmatiko-polemicheskie tvoreniya. Ekzegeticheskie sochineniya. Besedy [Dogmatic and Polemical Works. Exegetical Writings. Talks]. In 2 volumes. Volume 1. Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2008. 750 p. (in Russian)
3. *Gregory the Theologian, St.* Tvoreniya [Works]. In 2 vol., vol. 1, Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2007. 832 p. (in Russian)
4. *Gregory the Theologian, St.* Tvoreniya [Works]. In 2 vol., vol. 2, Moscow, Sibirskaya Blagozvonitsa, 2007. 666 p. (in Russian)
5. Zhitie prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo [Life of St. Sergius of Radonezh]. Moscow, Sretensky Monastery Publishing House, 2014. 224 p. (in Russian)
6. *John Chrysostom, St.* Tvoreniya Svyatogo Ioanna Zlatousta [The Works of St. John Chrysostom]. In 12 vols., vol. 1, Moscow, Publishing House of Moscow Theological Academy, 1991. 883 p. (in Russian)
7. *John of Kronstadt, St.* Moya zhizn' vo Khriste [My Life in Christ]. St. Petersburg: V. Erofeev Printing House, 1893. 430 p. (in Russian)
8. *Pestov, N. E.* Sovremennaya praktika pravoslavnogo blagochestiya [Modern Practice of Orthodox Piety]. ABC of Faith: Orthodox Encyclopedia. (in Russian). Available at: <https://azbyka.EN/> (Accessed: 18.06.2018).
9. *Thaddeus (Uspensky), Archbishop, Saint Martyr.* Zapiski po didaktike [Notes on Didactics]. ABC of Faith: Orthodox Encyclopedia. (in Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Faddej_Uspenskiy/zapiski-po-didaktike/1_1_4 (Accessed: 17.06.2018).
10. *Theophan the Recluse, St.* Prostye istiny serdtsa [Simple Truths of the Heart]. Moscow, Pravilo very, 2007. 544 p. (in Russian)
11. *Philaret (Drozdov), St.* Slova i rechi [Words and Speeches]. In 5 vols., vol. 2, Moscow, Novospassky Stavropigial'nyi muzhskoi monastyr', 2005. 432 p. (in Russian)

12. *Philaret (Drozdov), St. Slova i rechi [Words and Speeches].* In 5 vols., vol. 5, Moscow, Novospassky Stavropigial'nyi muzhskoi monastyr', 2005. 597 p. (in Russian)

УДК 37.017.93

ВОСПИТАНИЕ ЦЕЛОМУДРИЯ

Конобеева Наталия Николаевна

учитель ТОГБПОУ

«Железнодорожный колледж

им. В.М. Баранова» г. Тамбова

E-mail: zd-college@yandex.ru

Для цитирования: *Конобеева, Н.Н.* Воспитание целомудрия // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 192–198.

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с потерей целомудрия. Гармоничная личность формируется в семье. Но сейчас мало полных семей. Зачастую мамы воспитывают детей одни. А воспитать настоящего мужчину без наглядного примера отца женщины не могут. Получается порочный круг с множеством вытекающих одна из другой проблем. Современным молодым людям и девушкам очень сложно бывает объяснить, зачем хранить целомудрие. Необходимо привить им понятия о духовных законах, добродетелях, чистоте целомудренной.

Ключевые слова: педагогика; целомудрие; самосовершенствование; нравственная чистота; моральные нормы.

Христианская антропология учит нас тому, что «человек сотворен по образу и подобию Божию, и его назначение состоит в том, чтоб в продолжение настоящей жизни искал он всегда большего уподобления Богу через подражание Его Божественным совершенствам, а в будущей – навеки соединился с Ним как Источником жизни и блаженства. Эту цель всегда должно иметь в виду при воспитании» [1, с. 14]. Воссоздание образа Божия в человеке является главной целью педагогического процесса. Но что значит

раскрыть в человеке образ Божий? У педагога должны быть конкретные задачи, цели, формы, средства. И результат всегда должен быть осязаемым.

Формирование гармоничной личности происходит в семье. Семья ассоциируется с любовью, счастьем и благополучием. По данным Росстата, в стране распадается более 50% браков. А по данным опроса 40% пар живут в гражданском браке. Как видно из данных цифр, семей у нас мизерное количество. Для сравнения, в 1913 году по всей Российской империи было оформлено 0,0038 % разводов.

Очень многие молодые люди считают, что желающим вступить в брак нужно обязательно попробовать пожить плотской жизнью до брака. Что это, дескать, убережет их от ошибок, позволит лучше узнать друг друга и вообще покажет, совместимы ли они в сексуальном плане или нет, а то только и слышишь о скороспелых браках и скорых разводах. С увеличением количества «пробных браков» число разводов стало только резко расти, а количество зарегистрированных браков резко сократилось. Почему? Есть данные статистики, что только 5% сожительства или «пробных браков» кончаются регистрацией. А если молодые люди все-таки вступили в законный брак после опыта сожительства, то такие браки распадаются в два раза чаще, чем без опыта совместного проживания. Люди пробуют, пробуют – а число разводов все растет; хотят лучше друг друга узнать – а сохранить брак не могут. Дело в том, что в «пробном браке» партнеры не только не узнают друг друга лучше, а еще больше запутываются в выборе спутника жизни.

Добрачный период дается, чтобы жених и невеста прошли школу отношений без примеси страсти, буйства гормонов и вседозволенности, которые очень сильно мешают объективно оценить человека, увидеть в нем не сексуальный объект, а личность, друга, будущего супруга. В «пробном браке» мозг, чувства затуманены дурманом страсти. И когда люди после создают семью, очень часто они понимают: все, что их связывало, было не любовью, а сильнейшим сексуальным влечением, которое, как известно, довольно быстро проходит. Вот и получается, что в одной семье оказались совершенно чужие люди. Жениху и невесте период ухаживания дается именно для того, чтобы они научились воздержанию, по-

лучше разглядели друг друга не как половые партнеры, не деля совместный быт, жилплощадь и постель, а с совершенно другой – чистой, дружеской, человеческой, если хотите – романтической стороны.

У православного христианина два жизненных пути: или вступить в брак, или жить, храня целомудрие. Нынешнее молодое поколение имеет на этот счет другое мнение: жить надо с удовольствием, беря от жизни все, что можно, не обременяя себя при этом никакими обязательствами. Вот отсюда и такая статистика разводов и гражданских браков.

Учитывая сегодняшние реалии, когда свобода нравов зашкалила все мыслимые пределы, а блуд и прелюбодеяние стали признаваться чуть ли ни нормой человеческих отношений, разговор о целомудрии весьма актуален. Одна из наших главных задач – укрепление целомудрия в детях. Понятие «целомудрия» обозначает особое состояние души, когда человек способен целостно мудрствовать. Это цельное мудрование заключается не только в физической неповрежденности (можно оставаться телом девственником, а в уме совершать страшный разврат, и наоборот – жить в благочестивом браке и сохранять душу от греха), но и в правильном, цельном, незамутненном взгляде на противоположный пол, в чистоте души. Самый лучший способ уничтожить всякую нацию – лишить ее целомудрия. Половое влечение возникает в подростковом возрасте. Оно дано нам лишь для продолжения рода, а не для получения удовольствия. Целомудрие становится не только редким качеством, но даже и подвергается осмеянию. Вот это – одно из самых страшных явлений нашей жизни. Трагично, если девушка, которая по своей природе должна быть хранительницей целомудрия, теряет представление о том, что это удивительно прекрасное качество она должна беречь как зеницу ока, и поддается на дешевый обман. И, к сожалению, это узаконивается средствами культуры, искусства, кино, становясь общепринятым.

Какие секреты сохранения семьи знали наши предки в дореволюционной России? В то время было неприемлемо жене уйти от мужа к родителям. Ее бы там просто не приняли. Это считалось позором. Сейчас же мы как будто играем «в дочки-матери»: поживем, не понравится – заменим. И как ни прискорбно, это стало

почему-то нормальным. Как контрастно по отношению к подобной жизненной позиции слова Татьяны из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

«Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость, и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

Эти замечательные пушкинские строки являются своеобразным гимном тех людей, для которых порядочность, семейные ценности и Божьи заповеди оказываются дороже запретного чувства, каким бы сильным оно ни было. А многие ли сейчас поступят так же, как Татьяна?

Если бы мы действительно выбирали супругу или супруга один раз на всю жизнь, если бы думали о том, что второго шанса не будет: или уживаешься с этим человеком, или остаешься в одиночестве, – возможно, разводов тогда стало значительно меньше.

Семья, как здание, разрушается постепенно. Сначала появляются трещины, а потом при каком-то испытании вся конструкция обваливается. Эти трещины – грехи против семьи. А многие даже не считают свои слова и поступки грехами, а если и считают, то не осознают, как пагубно они влияют на семью. Первый и самый большой грех, который мешает созданию крепкой семьи, – это потеря целомудрия. Как показать молодым людям вред добрачных сексуальных отношений? Молодежь считает сохранение девственности за недостаток и неполноценность. Плотские, интимные отношения между мужчиной и женщиной сами по себе грехом не являются и даже благословляются Богом, но только когда они совершаются в законном браке. Все, что вне брака, является блудом и нарушает Божественное установление, а значит, блудящие идут против Господа, так как совершают беззаконие, противоречат Священному Писанию: «... Блудники... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 9–10), – если, конечно, не покаются и не перестанут возвращаться к греху.

Человек, разрешая себе половые связи до брака, нарушает свою духовную природу и очень ослабляет волю, открывает ворота греху: он уже дал слабинку, и ему очень трудно противостоять соблазнам. Не научившись воздержанию до брака, он и в браке не будет воздержан, не переродится чудесным образом. Если для парня «переспать» с девушкой так же легко, как сводить ее в кино, то он столь же легко даст себе разрешение на нескромные взгляды по сторонам, будучи женатым, а потом уже и на измену в браке. Нарушая свое девство до брака, человек очень многое теряет, он уже никогда не сможет ощущать тех радостных переживаний, новизны, чистоты отношений, которые даются целомудренным людям.

Кроме того, что грех разрушает духовную и физическую природу, он является нарушением духовных законов. Они существуют объективно, независимо от нашей воли, как и законы физики. Можно не верить, что существует гравитация (земное притяжение), но, шагнув из окна пятого этажа, разобьешься или сильно покалечишься. Нарушая духовные законы, мы повреждаем строй нашей души, наносим ей рану и потом расплачиваемся за это. Если люди не хранили чистоту до брака, если до свадьбы будущие супруги состояли в незаконном сожителстве, а в браке изменяли своим женам или мужьям, бесследно для них это не проходит. Они неизбежно будут за это платить скорбями, семейными неурядицами и проблемами. Знаю немало примеров, когда в парах, где супруги начинали половую жизнь до брака, очень скоро начинались супружеские измены и семейные конфликты.

Один мудрый муж спросил преп. Иоанна Лествичника: «Какой грех после человекоубийства и отречения от Христа есть тяжчайший из всех?» Преподобный ответил: «Впасть в ересь». Тогда тот возразил: «Как же Соборная Церковь принимает еретиков и удостоивает их причащения Св. Таин, когда они искренно анафематствуют свою ересь, а соблудившего, хотя он и исповедал сей грех, и перестал делать его, принимая, отлучает на целые годы от Пречистых Таин, как повелевают апостольские правила?»

Противоположная блуду добродетель – целомудрие, целостное воззрение на мир. У человека, подверженного блуду, мир становится фрагментарным, поэтому целостность мира – великая до-

бродетель. Целомудрие – очень широкое понятие. Оно относится и к религиозным, и к светским моральным нормам. Целомудрие очень важно как для юношей и девушек, только вступающих в жизнь, так и для зрелых людей. Оно подразумевает отказ не только от телесных излишеств – сексуальных, пищевых, но и от совершения дурных поступков. Обладая творческой силой, целомудрие побуждает людей стремиться к самосовершенствованию, нравственной чистоте.

Сложно бороться с пороками и возвращать добродетели, даже имея веру в Бога. А как быть, когда нет веры? Ведь многие многие молодые люди даже и не догадываются о последствиях потери целомудрия. И даже если перед глазами есть неудачный пример семейной жизни их родителей, то юноши и девушки тешат себя надеждой, что у них все будет по-другому, что их непременно ожидает счастье. Во избежание будущих семейных кризисов и трагедий с молодежью необходимо чаще проводить беседы, предупреждая от утраты целомудренного взгляда на мир.

Список литературы

1. *Евсевий (Орлинский), архиеп.* Энциклопедия воспитания маленького христианина / архиепископ Могилевский Евсевий (Орлинский). – Москва : Приход Храма Святого Духа Сошествия, 2004. – 368 с.

2. *Шугаев И., прот.* Один раз на всю жизнь : беседы со старшеклассниками о браке, семье, детях / протоиерей Илия Шугаев. – 6-е изд., доп. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии, 2016. – 208 с.

UDC 37.017.93

CHASTITY EDUCATION**Natalia N. Konobeeva**

Teacher of Tambov

Railway College named of ter

V.M. Baranov

E-mail: zd-college@yandex.ru

For citation: *Konobeeva, N.N.* Chastity education // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 192–198.

Abstract

This article discusses the problems associated with the loss of chastity. A harmonious personality is formed in the family. But now there are few complete families. Often mothers bring up children alone. And women cannot raise a real man without a good example of a father. It turns out a vicious circle with many problems arising from one another. It is very difficult for modern young people and girls to explain why to keep chastity. It is necessary to instill in them the concepts of spiritual laws, virtues, and purity chaste.

Keywords: pedagogy; chastity; self-improvement; moral purity; moral standards.

References

1. *Yevseviy (Orlinskiy), Archbishop of Mogilev.* Entsiklopediya vospitaniya malen'kogo khristianina. Encyclopedia of education of a little Christian]. M., 2004. 368 p. (in Russian)
2. *Shugaev Iliya, Archpriest.* Odin raz na vsyu zhizn': Besedy so starsheklassnikami o brake, sem'ye, detyakh.[Once for life: Conversations with high school students about marriage, family, children]. 6th ed. M.: Publishing house of the Moscow Russian Orthodox Church, 2015. 208 p. (in Russian)

УДК 37.013.43

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Плотникова Ксения Павловна
педагог-организатор
ТОГБПОУ «Строительный колледж»,
г. Тамбов
E-mail: ksy_plotnikova@mail.ru

Для цитирования: *Плотникова, К.П.* Православная культура как фактор духовно-нравственного развития личности подростков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 199–206.

Аннотация

В данной статье автором рассматривается православная культура как фактор духовно-нравственного развития личности подростков, выявляются нравственные ориентиры, рассматриваются принципы православной педагогики, определяются основные направления социально-воспитательной работы учебного заведения по духовно-нравственному развитию, разъясняются сущность и специфика формирования духовно-нравственных качеств учащихся подростков.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание; подростки; развитие личности; православная культура; православные традиции.

На современном этапе развития нашего государства, на фоне экономических и политических изменений, целью учебно-воспитательного процесса является всестороннее развитие человека.

В последнее время возросло внимание к проблемам теории и практики духовно-нравственного воспитания как важнейшему средству формирования отношения к действительности, средству нравственного и умственного воспитания, то есть как средству формирования всесторонне развитой, духовно богатой личности.

В соответствии с Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности, обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики РФ. В Концепции подчеркивается мысль о том, что духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся является первостепенной задачей современной образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа для образования.

Подростковый возраст в жизни молодого человека во все времена считался критическим периодом как с психолого-педагогической, духовно-нравственной, так и с социальной точек зрения.

«Нравственные ориентации подростков сегодня являются сложной, чрезвычайно противоречивой системой, где одновременно существуют совершенно различные, иногда взаимоисключающие представления о том, в чем смысл жизни, что такое добро и зло» [2, с. 10].

Отрицательная тенденция текущего исторического периода в России заключается в преобладающем у людей чувстве материальных ценностей над духовными, из-за чего, в большинстве случаев, происходит искажение представления о доброте, милосердии, великодушии, справедливости, гражданственности и патриотизме. Подростающее поколение отличает чрезмерная агрессивность, эмоционально-волевая и духовная незрелость, ориентация на атрибуты массовой культуры, снижение истинных духовных, культурных, национальных ценностей, характерных для российского менталитета.

Обратимся к анализу сущностных характеристик основных понятий исследования. Само понятие духовность в последнее время наиболее часто используется в науках философии, аксиологии, социологии, педагогике и психологии и это понятие можно причислить к числу определенных категорий, научная модальность которого не определена окончательно. Зачастую, употребляемые термины заменяют исходное понятие такими словами, как: «дух», «разум», «сознание», «душа», «культура» и т.д.

Целью духовно-нравственного воспитания является духовное обновление личности ребенка, постепенное раскрытие и выявление

ние ее творческих ресурсов. Духовно-нравственное воспитание призвано способствовать принятию ребенком духовно-нравственных ценностей и добродетелей. Поэтому главной задачей для взрослого человека, будь то родитель или педагог, является научить подростка истинным добродетелям, главной из которых является любовь. Таким образом, духовно-нравственное воспитание есть процесс целенаправленно организованного как внешнего, так и внутреннего (эмоционального) воздействия педагога на духовно-нравственную сферу личности, которая является системообразующей внутреннего мира человека [4].

Православная культура – один из важнейших факторов духовно-нравственного воспитания личности. Понятие духовности стоит в основе Православия. Этому качеству характерно не внешнее подражание нравственным идеалам, а глубокое внутреннее одухотворение. Духовность личности воспитывается православной верой и церковностью, прививая человеку такие качества, как любовь к Богу, к ближнему и к Родине, смирение, миролюбие, самоотверженность, ответственность, терпение.

Опыт православной педагогики нам представляется важным для современного социокультурного образования. В православной педагогике воспитание определяется изначально только как духовное, как содействие личности в познании духовного мира: «Православное воспитание направлено на создание условий, способствующих рождению духовной жизни и ее развитию в человеке» [1]. Важнейшим положением становится возрождение природы человека, ее иерархичности под влиянием Божественной благодати. Православные педагоги полагают, что воспитание должно быть направлено на сбережение Божественной благодати и увеличение ее даров.

В православной педагогике особенно подчеркивается назначение средств воспитания. Так, иеромонах Порфирий (Левашов) считает: «... средства воспитания должны противодействовать растлению человеческой природы, искоренять недостатки, облагораживать нравы и чувства, пробуждать силы духа настолько, насколько это требуется для служения государству и обществу» [3].

К традиционным средствам духовно-нравственного воспитания относятся средства приобретения добродетелей и искоренения грехов и пороков:

- покаяние (очищение совести);
- воздержание (пост);
- духовное чтение;
- рассуждение и другие.

В современных условиях наиболее эффективными средствами духовно-нравственного воспитания детей является их приобщение к православным традициям и культуре. Особая роль в этом направлении отводится воскресным школам и волонтерским движениям, направленным на возрождение духовности через приобщение подрастающего поколения к православным ценностям. В своей практике социально-воспитательной работы с подростками-учащимися ТОГБПОУ «Строительный колледж», педагогический состав использует следующие направления деятельности, которые помогают духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения (*таблица 1*).

Таблица 1

**Основные направления деятельности
по духовно-нравственному воспитанию подростков
в ТОГБПОУ «Строительный колледж»**

Направления деятельности	Основные задачи	Формы деятельности
Информационно-просветительское	Расширение кругозора, систематическое и целенаправленное распространение новых знаний и иных сведений	Лекции-беседы, показ фильмов, краеведение, исторические реконструкции, круглые столы, походы, экскурсии, ярмарки, лектории, чаепития и т.д. Частью учебного курса обязательных базовых дисциплин является «Основы религиозной культуры и светской этики»
Спортивно-оздоровительное	Формирование здорового образа жизни, физической культуры	Спортивно-игровые мероприятия, спортивные соревнования

Творческое	Художественно-эстетическое и музыкальное воспитание, формирование общей культуры	Театральные постановки, хореографические и музыкальные номера, литературно-музыкальные композиции, участие в творческих конкурсах «Студенческая весна», конкурсы профориентационного характера
Социально-доброе	Приучение подростков к социально значимой деятельности	Выездные концерты, посещение больниц, детских домов, участие в акциях местного, регионального и всероссийского уровней и пр.

Проведенный теоретический анализ философской, педагогической и психологической литературы дал нам право сформулировать следующие выводы. Духовность и нравственность не тождественные, но взаимообусловленные понятия. Нравственность является основанием духовности, качественными характеристиками, содержанием которой выступают ценности, базирующиеся на знаниях и убеждениях, выступающие в качестве регулятора поведения и определяющие духовно-нравственные качества личности.

Исходя из рассмотренных понятий, мы выделили этапы формирования духовно-нравственных качеств учащихся подростков: первый этап – осознание нравственных норм и правил поведения, второй этап – перевод знаний в позицию, убеждение, это твердые, сформированные на определенных взглядах и мировоззрении позиции, которые являются руководством к жизни.

Проведенный теоретический анализ показал, что в педагогических исследованиях формирование духовно-нравственных качеств определяется как: развитие устойчивой системы ценностей, саморазвитие и самовоспитание личности; милосердие,

сострадание, душевность, доброта, честность, отзывчивость, справедливость, искренность, уважения к старшим, порядочность, любовь к Родине, чуткость, толерантность, сопереживание и пр.; изучение культурно-исторического наследия прошлого, национальных традиций, нравственных норм, принятых в обществе и т.п.

Нами была определена сущность формирования духовно-нравственных качеств учащихся подростков как целенаправленный и организованный процесс, направленный на принятие духовно-нравственных ценностей и идеалов, формирование духовных потребностей и нравственных мотивов поведения, развитие нравственных чувств, сознания, выработку умений и привычек нравственного поведения, способностей к духовно-нравственному самоопределению и самосовершенствованию, самореализации в творческой деятельности.

Специфика формирования духовно-нравственных качеств учащихся заключается в целенаправленном включении в деятельность воскресных школ форм, методов и средств социально-культурной деятельности, обеспечивающих наиболее благоприятные условия для формирования интеллектуальной активности, развития взаимоотношений с людьми, устойчивой системы ценностей (милосердие, сострадание, душевность, доброта, честность, отзывчивость, справедливость, искренность, уважения к старшим, порядочность, любовь к Родине, чуткость, толерантность, сопереживание и пр.), саморазвития и самовоспитания.

Список литературы

1. *Битинас, Б.П.* Структура процесса воспитания / Б.П. Битинас. – Каунас : Гивиса, 1984. – 190 с.
2. *Маслов, Н.В.* Методы православного воспитания / Н.В. Маслов // Глинские чтения. – 2007. – Июль-август. – С. 2–7.
3. *Моленда, О.* Влияние ценностных ориентаций на асоциальное поведение подростка : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. соц. наук / Моленда Ольга ; Рос. акад. управления. – Москва, 1992. – 23 с.
4. Православие – путь к духовной безопасности русского человека и русского народа / Кисляков П.А., Шмелева Е.А., Мальце-

ва Л.Д., Джишкариани Т.Д. ; Иван. гос. ун-т, Рос. гос. соц. ун-т – Шуя : Изд-во Шуйского филиала ИВГУ, 2015. – 43 с.

UDC 37.013.43

**ORTHODOX CULTURE AS
A FACTOR IN THE SPIRITUAL
AND MORAL DEVELOPMENT
OF THE PERSONALITY
OF TEENAGERS**

Plotnikova Ksenia P.
organizing teacher
of Tambov Construction College
E-mail: ksy_plotnikova@mail.ru

For citation: *Plotnikova, K.P.* Orthodox culture as a factor in the spiritual and moral development of the personality of teenagers // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 199–206.

Abstract

In this article, the author considers Orthodox culture as a factor in the spiritual and moral development of the personality of adolescents, identifies moral orientations, considers the principles of Orthodox pedagogy. Defines the main directions of the educational work of the educational institution on spiritual and moral development, defines the essence and specificity of the formation of students' spiritual and moral qualities teenagers.

Keywords: spiritual and moral development of adolescents; spiritual and moral education of adolescents; personality development; Orthodox culture; Orthodox traditions of education.

References

1. *Bitinas, B.P.* The structure of the educational process / B.P. Bitinas. - Kaunas: Givies, 1984. 190 p. (in Russian)
2. *Maslov, N.V.* Methods of Orthodox education // Glinsky readings July-August 2007. – Access mode: URL: <http://old>.

glinskie.ru/common/mpublic.php?num=103, free. – Zagl. from the screen. - The description is based on the version (Accessed: 04.30.2019). (in Russian)

3. *Molenda, O.* The influence of value orientations on the antisocial behavior of adolescents. Cand. social sciences. M., 1992. (in Russian)

4. *Kislyakov, P.A., Shmeleva, E.A., Maltseva, L.D., Dzhishkariani, T.D.* Orthodoxy is the path to the spiritual security of the Russian people and the Russian people. Shuya, 2015. (in Russian)

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82-98; 801-731

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ: ОПЫТ ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Волкова Анна Геннадьевна

кандидат филологических наук,
проректор по научной работе,
доцент кафедры исторических
и церковно-практических дисциплин,
Калужская духовная семинария, Калуга
E-mail:kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

Для цитирования: Волкова, А.Г. Рождественские песнопения: опыт лингво-культурологического анализа // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 208–214.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению гимнографических текстов службы Рождеству Христову. Рассматриваются тексты тропаря, кондака, канона как опыт осмысления великого праздника. Среди основных поэтических приемов выделяется обратная перспектива – прием, имеющий и богословское значение: Рождество как добровольное самоумаление Бога. Подчеркивается мысль о том, что в песнопении представлены особенности христианской культуры: через язык, через особые поэтические средства выражается понимание евангельского события.

Ключевые слова: гимнография; канон; мученик; метафора; поэтика; Рождество Христово.

Гимнография как часть богослужения является опытом осмысления библейских событий, поэтому анализ гимнографических текстов представляет собой герменевтический опыт понимания не только богослужения, но и текста Священного Писания. В разнообразных гимнографических жанрах можно увидеть не только и не столько пересказ событий, уже известных из библейского, в

частности, евангельского текста, но и своеобразное осмысление, богословскую рецепцию и интерпретацию этих событий. Одна из причин такого герменевтического опыта песнопений – это лаконичность самого библейского текста, зачастую содержащего только констатацию фактов без какой-либо интерпретации. При филологическом анализе гимнографии, в частности, гимнографии великих двенадцатых праздников, интересны те поэтические средства, при помощи которых выражается эта интерпретация в песнопениях. Таким образом, языковой и образный исследования гимнографического текста могут привести к анализу культурологическому и вскрыть различные культурные смыслы, например, особенности восточнохристианской культуры в ее отличии от западнохристианской.

Среди поэтических средств, используемых в славяно-византийской гимнографии, чаще всего упоминаются антиномии, противопоставления, перечисления, использование образов Ветхого и Нового Заветов [1, с. 5; 3, с. 208]. Однако гимнографическое творчество скрывает еще ряд языковых и богословских особенностей, часто ускользающих от внимания. Одна из таких особенностей – особая организация текста, особое изображение в тексте какого-либо евангельского события. Эту текстовую организацию можно назвать «перспективой» или, точнее – «обратной перспективой». Описание обратной перспективы применительно к иконописи дает Б. Раушенбах: «...удаленное изображено в больших размерах, чем близкое, как будто вместо естественных перспективных сокращений по мере удаления от смотрящего принят противоестественный принцип перспективных увеличений» [4, с. 104]. П.А. Флоренский в своем исследовании об обратной перспективе в искусстве говорит об отражении реальности в изобразительном искусстве: «Что значит... изобразить некоторую реальность? Это значит привести точки воспринимаемого пространства в соответствие с точками некоторого другого пространства, в данном случае – плоскости...» [5, с. 67–70]. То есть в обратной перспективе удаленные предметы изображаются неестественно большого размера, а линии перспективы сходятся не вдали от зрителя, а наоборот – на самом зрителе. Впервые об обратной перспективе исследователи заговорили в связи с византийской и русской иконой, где молящийся является той самой точкой, на которой сходятся линии перспективы, в то

время как мир иконы, мир горний, куда вступает молящийся, изображается как расширяющийся. Явление обратной перспективы может быть применено и к искусству словесному, в частности, к православной гимнографии, которая часто напоминает словесную икону, как, например, песнопения Рождества Христова. Рассмотрим основные песнопения Рождественской службы в контексте лингвокультурологии.

Тропарь Рождеству Христову не атрибутирован конкретному автору, однако в нем уже намечается та зримость, иконографичность, которая отмечает рождественские песнопения:

Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащи звездою учахуся, Тебе кланятися, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты востока, Господи, слава Тебе.

Тропарь праздника содержит ряд зрительных образов: это волхвы, как основные персонажи песнопения, это Рождественская звезда, точнее, ее свет, который освещает и указывает путь к истинному Солнцу Правды. Рождество – это тот праздник, в котором сходится земное и небесное, и именно в тропаре это показывается, хотя еще и имплицитно, неявно: с одной стороны, Рождество показано как явление вселенское (*возсия мирови свет разума* – свет разума воссиял всему миру). Однако, с другой стороны, здесь говорится об историческом событии, вполне конкретном, в котором участвовали конкретные персонажи (*звездам служащи* – те, кто служит звездам, то есть волхвы).

Далее рассмотрим кондак Рождеству Христову:

Дева днесъ Пресущественнаго раждает, и земля вертеп Неприступному приносит, ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют, нас бо ради родися Отроча Младо, Превечный Бог.

Современный рождественский кондак определяется как краткое песнопение, по своему характеру иногда настолько похожее на тропарь, что их сложно различить. Однако если тропарь – это изначально краткое песнопение, то кондак некогда был довольно пространством текстом: в частности, рождественский кондак представляет собой часть многострофного, то есть состоящего из множества строф, частей, кондака на Рождество Христово, написанного преп. Романом Сладкопевцем (V–VI вв.). Этот древний большой по

объему кондак состоял из кукулия (зачина) и икосов – строф. В качестве кондака в современном богослужении используется как раз только строфа-зачин из древнего кондака. Однако даже эта одна начальная строфа представляет собой как будто словесную икону праздника: с одной стороны, и в церковнославянском переводе, и в греческом оригинале, глаголы употребляются только в настоящем времени (*рождает, приносит, путешествуют*). Кроме того, в кондаке создается картина события вселенского масштаба: Дева рождает Бога (*Пресущественного*, то есть превышающего всякую сущность), и все вокруг подносит Ему дары: земля – *вертеп* (пещеру), ангелы и пастухи – славословия, волхвы – еще в пути, но и они изображаются на этой словесной иконе, в центре которой – *Отроча Младо* (Младенец). Все участники евангельского события, даже те, кто еще не рядом со Христом – волхвы – изображаются в одном пространстве, так же как и на иконе все последовательные события изображаются рядом друг с другом, словно они происходят одновременно.

Жанр канона в его современном виде представляет собой также обширную форму для интерпретаций. Исполняясь на утрени, канон является важной частью богослужения и включает в себе значимые догматические и вообще богословские моменты. Существует два канона Рождеству Христову: один из них был написан преп. Иоанном Дамаскиным (VIII в.), известным богословом и гимнографом, второй – преп. Космой Маюмским, сподвижником Дамаскина (по преданию, преп. Косма приходился преп. Иоанну Дамаскину братом). В современном рождественском богослужении остался как раз второй канон преп. Космы, а из канона Дамаскина употребляется только задостойник, по которому можно понять, насколько сложен язык этого первого канона. Канон преп. Космы также очень художественный: в нем предстают зримые образы, написанные словом.

Например, седьмая песнь праздничного канона показывает, как событие Рождества было явлено пастухам (цитируются первый и второй тропари песни):

Песнь 7 [2]:

Пастырие свиряюще, ужасно светоявление получиша: слава бо Господня облиста их, и Ангел, воспойте, вопия: яко родися Христос, отцев Бог Благословенный.

Внезапу со словом Ангеловым небесныя воинства, слава, вопияху, Богу в вышних, на земли мир, в человецех благоволение: Христос возсия, отцев Бог Благословенный.

Вновь в гимнографическом тексте соединяются две реальности – мир дольний, земной, и мир горний, небесный: пастухам, игравшим на свирелях, вдруг является ослепительный свет (*ужасно светоявление*). Внезапность этого явления эксплицитно обозначена в тексте канона (*внезапу...небесныя воинства вопияху*). Прием обратной перспективы здесь предстает не в полную силу, однако прослеживается: небеса сужаются до земли, сияющие ангелы являются простым пастухам, то есть именно земной мир становится точкой, в которой сходятся все линии этой картины, этого события. Этот прием имеет особое значение: самоумаление Бога, его схождение на землю показано как событие вселенского масштаба – Небо сходит на землю, и вся земля сужается до одной точки – того самого вертепа, где находится Младенец Христос.

Ирмос последней, девятой песни очень напоминает уже цитировавшийся кондак:

Таинство славное вижу и преславное; небо – вертеп; Престол Херувимский – Дева; ясли – вместилище, в нихже возлеже невместимый Христос Бог, Егоже воспевающее, величаем.

В данном случае в гимнографическом тексте происходит то, о чем говорил П.А. Флоренский: небесная реальность соприкасается с земной реальностью, так как Сам Господь воплощается, вочеловечивается. Поэтому в этом ирмосе обратная перспектива помогает показать кенозис Бога, Его самоуничижение, самоумаление: перспектива сужается, Господь умалывается до Младенца, небо уменьшается до пещеры, Престол – до чрева Марии, а ясли, кормушка для животных, становятся способными вместить Невместимого. Такова словесная, гимнографическая икона праздника, в которой, подобно писаной иконе, перспектива сужается на зрителях этой рождественской сцены: каждый верующий становится непосредственным участником евангельского события.

Из рассмотренных текстов следует, что поэтический прием обратной перспективы как прием организации текстового пространства не только выполняет собственно поэтическую функцию, но и является своеобразным выражением богословских размышлений: Рождество – это праздник явления Бога как человека,

явления Бога на земле; в богословском смысле это – кенозис, то есть добровольное самоумаление Бога. Поэтому обратная перспектива – адекватное поэтическое средство для выражения кенозиса: небеса спускаются на землю, сужаются до размеров пещеры (*небо – вертеп*), небесный Престол, на который не могут взирать Херувимы, теперь на земле – это Дева Мария, еще точнее – ее лоно, вместившее Господа.

Гимнографические тексты выполняют герменевтическую функцию, поэтому важно исследование гимнографии с точки зрения не только истории, но и поэтики, так как именно поэтика является ключом к постижению богословских истин. Кроме того, анализ поэтики текста песнопений дает возможность понять то, каким образом развивалась мысль, например, византийцев, каким образом ими воспринимался мир реальный и мир священной библейской истории. Анализ текстов песнопений также имеет культурологическое значение: в западнохристианских текстах на Рождество Христово подчеркивается преображение этого мира – Господь пришел в мир, поэтому мир преобразился, мир спасен. В текстах восточнохристианских, в частности, славяно-византийской гимнографии, что были рассмотрены выше, акцентируется именно кенозис, самоумаление Бога, в котором выразилось Его безмерное милосердие к миру. Таким образом, язык, текст выражает определенные смыслы, важные для определенного типа культуры.

Список литературы

1. Волкова, А.Г. Языковая репрезентация события : прием перечисления в византийской церковной поэзии / А.Г. Волкова // Язык и культура. – Томск, 2014. – № 4 (28). – С. 5–16.
2. Канонник. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2004. – 462 с. Текст рождественского канона на церковнославянском языке цитируется по этому изданию.
3. Красовицкая, М.С. Литургика / М.С. Красовицкая. – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 303 с.
4. Раушенбах, Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие / Б.В. Раушенбах. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2002. – 320 с.
5. Флоренский, П.А. Имена : сочинения / П.А. Флоренский. – Москва : Эксмо, 2006. – 896 с.

UDC 82-98; 801-731

**CHRISTMAS HYMNOGRAPHY:
AN APPROACH TO LINGUISTIC
AND CULTURAL ANALYSIS****Anna G. Volkova**

PhD of Philology,

Vice-rector for research,

Associate Professor

of Chair of History and Church Sciences,

Kaluga Theological Seminary

E-mail: kds-nauka@eparhia-kaluga.ru

For citation: *Volkova, A.G.* Christmas Hymnography: An Approach to linguistic and cultural analysis // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 208–214.

Abstract

The main point of this article is to study hymnography texts of the service of Christmas. Troparion, kontakion and kanons are analyzed as an attempt of expressing the meaning of the feast. One of the main poetical methods here is “non-linear perspective”: it’s a way that has got also theological meaning, way to show the Nativity as God’s free-will self-humiliation. One of the main points is that some specific features of Christian culture are found in hymnography i.e. the reception and interpretation of events of the New Testament are expressed in language and poetical means.

Keywords: hymnography; kanon; martyr; metaphor; poetics; Christmas.

References

1. *Volkova, A.G.* Language representation of the event: a method of enumeration in Byzantine church poetry // Language and Culture. Tomsk 2014, No. 4 (28). Pp. 5–16. (in Russian)
2. The canon. SPb.: Satis, 2004. The text of the Christmas canon in Church Slavonic is cited from this edition. (in Russian)
3. *Krasovitskaya, M.S.* Liturgy. M.: PSTGU, 2008. 303 p. (in Russian)
4. *Raushenbach, B.V.* The geometry of the picture and visual perception. St. Petersburg: ABC classic, 2002. 320 p. (in Russian)
5. *Florensky, P.A.* Names: Works. M.: Eksmo, 2006. 896 p. (in Russian)

УДК 82.09

**ЧИЧИКОВ И ЧИЧИКОВЩИНА:
ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ
ДЕГРАДАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА**

Грудинина Елена Валерьевна
кандидат филологических наук,
проректор по научной работе
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: evgrudinina@mail.ru

Для цитирования: *Грудинина, Е.В.* Чичиков и чичиковщина: проблема духовной деградации личности в русской литературе XIX века // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 215–223.

Аннотация

В статье представлен аналитический обзор с точки зрения православного вероучения персонажей русской литературы XIX века, отражающих различные степени духовной деградации личности. Автор приходит к выводу, что образ Чичикова из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» является своеобразным архетипом, содержащим в себе зачатки всех нравственных пороков, критически осмысленных русскими писателями.

Ключевые слова: русская литература; художественный персонаж; духовная деградация.

Поэма «Мертвые души» – одно из самых значительных и загадочных произведений русской литературы – задумывалось Гоголем как монументальное полотно, правдиво изображающее все стороны современной автору действительности и непременно указывающее путь России в будущее. В соответствии с первоначальным замыслом автор взял за основу своего произведения композицию бессмертной «Божественной комедии» Данте Алигьери: 1-й том – «ад» русской жизни, Россия «мертвых душ»; 2-й том – «чистилище», возрождение России, пробуждение человеческой души; 3-й том – «рай», светлое будущее России. Случайно ли,

что Гоголю удалось блестяще воплотить лишь первую часть своего грандиозного плана? Ответить на этот вопрос поможет анализ образа главного героя поэмы – Чичикова.

Гоголь прекрасно осознавал, что для создания правдивой картины русской действительности необходим герой, в котором отразились бы все важнейшие приметы времени, герой, чья личность способна была бы пройти сложный путь развития от невинного детского состояния до крайнего падения и снова к духовному возрождению. В этом смысле Чичикова можно назвать художественным открытием Гоголя.

На протяжении десяти глав первого тома главный герой остается загадкой не только для обитателей губернского города и поместных дворян, чью безмятежную, сонную жизнь всколыхнул приезд нежданного гостя, но и для самих читателей. Самая главная черта Павла Ивановича Чичикова – это его абсолютная усредненность, отсутствие каких бы то ни было выдающихся черт: «...не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако не так, чтобы слишком молод». Поведение героя также отличалось завидной благопристойностью и тактичностью. Прибыв в город, Чичиков нанес визиты всем значительным чиновникам, причем «в разговорах с сими властителями он очень искусно умел польстить каждому», в то время как «о себе проезжий избегал много говорить, если же говорил, то какими-то общими местами». Не удивительно, что все двери открылись перед ним, и он сразу стал «душою общества».

Жизненные запросы Чичикова такие же «средние», как и он сам. Перед читателем он предстает обладателем «среднего достатка»: рубашки тонкого голландского полотна, фрак излюбленного им цвета наваринского дыма с искрою, несколько кусков ароматического заграничного мыла, такой же одеколон да бричка, с которой начинается поэма. Вот и вся подвижность. О недвижности Чичикова пока не идет речи. Мысль о ней хранится где-то в подсознании героя и связана с самым затаенным его стремлением. Ему грезится «свежая, белолицая бабенка... и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилию Чичиковых: резвунчик-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, две и даже три девчонки, чтобы было всем известно, что он действитель-

но жил и существовал, а не то, что прошел по земле какой-нибудь тенью или призраком...» [2, с. 168].

Казалось бы, цель вполне достойная, свойственная всей мужской половине человечества. Но у Чичикова она приобретает характер мании, для ее достижения он готов прибегнуть к любым средствам. Не случайно своеобразным символом души Чичикова в поэме является его шкатулка. Внутреннее ее устройство состояло из «верхнего ящика» с многочисленными перегородками для мыла, бритв и письменных принадлежностей, который легко вынимался, «под ним находилось пространство, занятое кипами бумаг в лист, потом следовал маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки, ...что наверно нельзя сказать, сколько там было денег» [2, с. 228]. Такова же и личность Чичикова: на поверхности – светские условности и приличия (они позволяют завязать нужные знакомства); в середине – дело всей жизни, обретение благосостояния за счет скупки «мертвых душ» и последующим их заложением в Опекунский совет (для этого и нужна гербовая бумага); потаенная же сторона души героя – всего лишь маленький ящичек для денег. Других ценностей для Чичикова не существует.

Становится понятно, почему в одиннадцатой главе, обращаясь к истории жизни своего героя, Гоголь прямо пишет: «Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателю» [2, с. 274]. Тем не менее автор отказывается взять в герои «добродетельного человека», утверждая: «Нет, пора наконец припрячь и подлеца...» [2, с. 275]. Очевидно, прозорливый взгляд писателя сумел разглядеть новый тип человека буржуазной эпохи – дельца-приобретателя, ценящего превыше всего звонкую монету. Именно поэтому образ Чичикова приобретает мистический оттенок: скупщик «мертвых душ» представляется недоумевающим жителям города едва ли не самим дьяволом.

История жизни Чичикова убеждает читателя в том, что появление такого «героя эпохи» вовсе не случайно. Его вскормила и воспитала русская среда с ее извечным чиновничеством и самодурством, против которого так горячо выступал печально известный Чацкий, герой комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Герой Гоголя избрал иной путь, его скорее можно сравнить с другим персонажем комедии – Молчалиным. Оба начинают свой путь с нижних

ступеней общества («темно и скромно происхождение нашего героя»), не имея гроша за душой. Молчалин еще в детстве получил «мудрое» отеческое наставление «угождать всем без разбору». Еще более важный урок дает отец Павлуше Чичикову: «...Если будешь угождать начальнику, то, хоть и в науке не успеешь, и таланту Бог не дал, все пойдешь в ход и всех опередишь. ...Водись с теми, кто побогаче, ... веди себя так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнее всего на свете» [2, с. 277]. Прочно усвоив отцовские наставления, Чичиков совершает свой первый подлый поступок, когда отказывает в помощи своему бывшему гимназическому учителю, чьим любимцем он когда-то был. Подобным же образом Молчалин навлек позор на дом своего благодетеля Фамусова. Параллелизм этих персонажей не вызывает сомнения. Но образ подлеца-приобретателя, стремящегося с помощью аферы обрести благосостояние и даже власть, получит дальнейшее развитие в произведениях А. Н. Островского, И. А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Так, например, в пьесах А.Н. Островского мы обнаруживаем персонажей, которые, следуя прагматическим соображениям, предают любовь: так Борис из драмы «Гроза» и купец Паратов из драмы «Бесприданница». Борис оставляет на произвол судьбы соблазненную им Катерину, прекрасно осознавая, что она на краю омута. А Паратов меняет искреннюю любовь возвышенной и преданной ему Ларисы на золотые прииски, которые обещаны ему в приданое за нелюбимой им женщиной.

Еще большую степень нравственной деградации представляют собой купцы Кнуrows и Вожеватов: они оба готовы сделать своей содержанкой Ларису Огудалову, которая по причине своей безоглядной любви к Паратову скомпрометировала себя в глазах общества и, не имея достойного приданого, не может рассчитывать на хорошую партию. Утратив важнейшие духовные качества, эти люди лишь внешне соблюдают приличия, но внутренне готовы на незаконные и безнравственные поступки, что автор подчеркивает эпизодом, когда поутру купцы пьют вино из чайника, чтобы избежать общественного осуждения. Собираясь в Париж на Всемирную выставку, каждый из них не прочь пригласить Ларису себе в спутницы (о женитьбе на ней, безусловно, речи не идет) и, демонстрируя свое «благородство»

по отношению друг к другу, они решают спор при помощи жребия, буквально разыгрывают ее «в орлянку». Причиной такого падения нравов является власть денег, которые начинают восприниматься людьми в качестве абсолютной ценности, обеспечивающей удовлетворение любой прихоти, достижение любой цели. К подобному же типу относится герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Свидригайлов: он компрометирует Дуню Раскольникову своими непристойными ухаживаниями, а затем при помощи денег пытается загладить свою вину. А в романе «Братья Карамазовы» отец «беспокойного семейства» Федор Карамазов копит капитал, чтобы приближающаяся старость не помешала ему продолжить привычный для него распутный образ жизни, поскольку понимает, что старику будут доступны только продажные женщины.

Не удивительно, что среди людей более низкого социального статуса находится немало таких, кто в не меньшей степени поклоняется «золотому тельцу» и всеми силами стремится достичь желаемого общественного положения, власти над другими людьми. Таков Карандышев, персонаж пьесы Островского «Бесприданница». Будучи мелким чиновником и мелкой личностью, он предпринял попытку повысить свой статус при помощи женитьбы на Ларисе Огудаловой. Осознавая, с одной стороны, свою ничтожность в глазах купеческого общества, а с другой, привлекательность Ларисы для людей, к которым он испытывал острую зависть, Карандышев делает предложение отчаявшейся девушке, которой «некуда больше идти». Когда же Лариса обличает его намерения и в отчаянии заявляет, что не опустится так низко, он стреляет в нее. Тем самым Островский до предела заостряет так называемую тему «маленького человека», подчеркивая, что он может быть одержим большими и губительными страстями.

Аналогичный тип личности мы находим в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» – это Петр Петрович Лужин, жених Дуни Раскольниковой, который, подобно Карандышеву, «спасает» опороченную девушку, снисходя до женитьбы на ней. Тонкий психолог, Достоевский подробно раскрывает все внутренние движения этой мелочной души, которая достигла желанной чичиковской цели – сколотила небольшой капиталец, чтобы от-

крыть адвокатскую контору в Петербурге. Теперь, как и грезилося Чичикову, настала пора обзавестись почтенным семейством, а для этого было важно выбрать девицу бедную, но благородную, которая всю жизнь была бы благодарна своему супругу и всегда пребывала в полной его власти. Так под прикрытием внешней морали (да убоится жена мужа своего) порочная натура воплощает свои эгоистические намерения.

Есть в русской литературе и примеры того, когда деньги и коммерческий интерес погубили изначально живые души. Таков Петр Адуев, герой романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история», который под влиянием делового и прагматичного дяди превратился за несколько лет жизни в Петербурге в такого же расчетливого и холодного дельца, готового устроить «счастье» своей жизни при помощи выгодной женитьбы на дочери начальника. По меткому замечанию М.М. Дунаева, «его сокровища – также земного свойства, все его ценности, даже возвышенные любовь и дружба, есть средства к достижению душевного удовольствия и комфорта. Поэтому он так легко переориентируется, даже превзойдя дядюшку в черством и расчетливом эгоизме» [3, с. 149]. А персонаж рассказа А.П. Чехова «Ионыч», молодой уездный врач, питающий романтические чувства к юной пианистке, дочери семейства Туркиных, чей дом он постоянно посещал, по мере успешного развития своей частной практики и получения все больших доходов превратился в некое подобие языческого идола, излюбленным занятием которого стал пересчет по вечерам дневной прибыли.

Проводя параллели между литературными героями и окружающими нас в реальной жизни людьми, можно прийти к неутешительному выводу, что чичиковщина неистребима на русской почве. Многократные взлеты и падения, обличение и наказания – ничто не останавливает чичиковых на пути к их заветной цели.

Что же можно противопоставить победному шествию чичиковых по русской земле? Окончательно ли погибли их души, или им еще предстоит возродиться из пепла? Куда должна направить свой бег Русь-тройка? Ответы на эти вопросы Гоголю удалось найти лишь в Православии. Неоднократное посещение Оптиной пустыни, беседы с духовным наставником старцем Ма-

карием убедили Н.В. Гоголя в том, что только внутреннее пере-рождение души при созерцании высокого идеала Спасителя и принятие его жертвы за падшее человечество способны возродить наше Отечество.

В своем дневнике накануне смерти великий русский писатель оставил духовное завещание всем последующим поколениям: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелазай иначе, есть тать и разбойник» [1]. И вопрос о духовном возрождении России остается актуальным и в XXI веке.

Список литературы

1. *Воропаев, В.А.* «Будьте не мертвые, а живые души» : о названии поэмы Гоголя / В.А. Воропаев // Слово : образовательный портал. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37078.php> (дата обращения: 23.09.2019).

2. *Гоголь, Н.В.* Мертвые души / Н.В. Гоголь. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – Т. 1. – 353 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=48113> (дата обращения: 06.12.2019).

3. *Дунаев, М.М.* Православие и русская литература : учеб. пособие для духов. семинарий / М.М. Дунаев ; под общ. ред. В.Л. Шленова. – Сергиев Посад : Моск. духов. акад., 2009. – 512 с.

UDC 82.09

**CHICHIKOV AND CHICHIKOVSHCHINA:
THE PROBLEM OF SPIRITUAL
DEGRADATION OF PERSONALITY
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE
XIX CENTURY**

Grudinina Elena V.

PhD of Philology,

Vice-rector for scientific work

Tambov Theological Seminary

E-mail: evgrudinina@mail.ru

For citation: *Grudinina, E.V.* Chichikov and chichikovshchina: the problem of spiritual degradation of personality in Russian literature of the XIX century // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 215–223.

Abstract

The article presents an analytical review from the point of view of the Orthodox doctrine of the characters of Russian literature of the XIX century, reflecting various degrees of spiritual degradation of the individual. The author concludes that the image of Chichikov from the poem of N.V. Gogol's «Dead Souls» is a kind of archetype that contains the makings of all moral vices critically comprehended by Russian writers.

Keywords: Russian literature; artistic character; spiritual degradation.

References

1. *Voropaev, V.A.* «Bud'te ne mertvyye, a zhivyye dushi»: o nazvanii poemy Gogolya [“Be not dead, but living souls”: on the name of Gogol's poem]. Text: electronic // Word: educational portal. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37078.php> (Accessed: 09.23.2019). (in Russian)
2. *Gogol, N.V.* Mertvyye dushi [Dead Souls]: Fiction: [14+] / N.V. Gogol. – Moscow; Berlin: Direct Media, 2015. – Т. 1. – 353 p. – Access mode: by subscription. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=48113> (Accessed: 06.12.2019). – ISBN 978-5-4475-6131-4. – Text: electronic. (in Russian)

3. *Dunaev, M.M. Pravoslaviye i russkaya literatura : uchebnoye posobiye dlya dukhovnykh seminariy [Orthodoxy and Russian literature: a textbook for theological seminaries] / Under the general. ed. V.L. Shlenov. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 2009. 512 p. (in Russian)*

УДК 82-1/9; 82-311.2;
82-312.1

**АНТИУТОПИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО И СОВРЕМЕННОГО
МИРА В РОМАНЕ Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ»
И «ЭКОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ»
С.П. ЗАЛЫГИНА**

Филиппова Светлана Викторовна
кандидат филологических наук,
заведующая заочным сектором
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: 234888@mail.ru

Для цитирования: *Филиппова, С.В.* Антиутопические реалии художественного и современного мира в романе Е.И. Замятина «Мы» и «Экологическом романе» С.П. Залыгина // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 223–240.

Аннотация

В статье представлены идейно-композиционные аналогии между романом-антиутопией «Мы» Е.И. Замятина и «Экологическим романом» С.П. Залыгина. Автор анализирует связь романа с другими произведениями антиутопического вектора, выявляет характерные «антиутопические доминанты» залыгинского романа, акцентирует внимание на антиутопических реалиях художественного мира и современного.

Ключевые слова: душа; утопия; антиутопия; «экологическая психология»; «био психология» Замятин; Залыгин; «Экологический роман»

Творчество Е.И. Замятина и С.П. Залыгина – особая веха в литературно-историческом наследии XX века.

Историческая достоверность и философско-этическая значимость художественного и публицистического творчества С.П. Залыгина в значительной степени характеризуют этого писателя. Важнейшие моменты жизненной и творческой биографии писателя непосредственно связаны с тревогой за судьбу родной страны, ее природы. С.П. Залыгин с поразительной целеустремленностью своей литературно-художественной, научно-общественной деятельности не позволил осуществиться опасным заблуждениям, антинародным акциям: повороту на юг вод Оби до полного их исчезновения в песках Приаралья, а затем еще большей катастрофе – повороту вспять рек европейского Севера России.

Из многогранного творчества Е.И. Замятина особым образом выделяется его роман «Мы», идейно-композиционная структура которого литературной критикой определена как первый роман-антиутопия. Литературный шедевр уникально точно отобразил методы и результаты воздействия на общество в условиях тоталитарного государства, где все вынуждены принять «математически безошибочное счастье», лишая себя индивидуально-личностного начала, «фантазии», «души». Одним из концептуальных вопросов, решаемых в произведениях этих художников слова, является проблема отсутствия духовно-нравственного развития личности и мужественного противостояния жестоким реалиям окружающего мира.

Антиутопия, оказавшись уже в 1920-е годы востребованным жанром, со временем лишь укрепляет свои позиции. В конце XX века она актуализируется в творчестве В. Аксенова («Остров Крым», 1979), В. Тендрякова («Покушение на миражи», 1979), А. Адамовича («Последняя пастораль» 1986), В. Войновича («Москва 2042», 1986), А. Кабакова («Невозвращенец», 1988), А. Курчаткина («Записки экстремиста», 1989), Л. Петрушевской («Новые робинзоны», 1989), В. Маканина («Лаз», 1990) и других.

Попытка устроить жизнь по логически стройной схеме, пренебрегающей «природным законом», Божественными заповедями, и сомнения в самой возможности, целесообразности и благотворности такого устройства всегда шли рядом. Библейская история о Вавилонской башне указывает на глубокие исторические корни и

попыток столпотворения, и скепсиса в связи с непомерными человеческими амбициями.

Проблемам формирования и развития жанра антиутопии посвящены работы А. Зверева, В. Чаликовой, Б. Ланина, К. Гордович, Л. Геллера, Т. Давыдовой, В. Евсеева и других¹. Большинство исследователей склонно считать, что, как правило, антиутопия показывает мир у рубежа, за которым следует окончание человеческой истории и одновременно «последний час природы». Этот мотив, соединяя между собой антиутопические произведения в единую жанровую разновидность, позволяет не только рассмотреть их жанровые контаминации, но и увидеть настоящее и перспективу будущего в свете антиутопического прогноза автора. Развивая мысль об антиутопии как своеобразном «антижанре», Т.Т. Давыдова констатирует: «Антиутопия – полемичный в своей основе антижанр. Он выразил усилившееся в нашем столетии ироническое отношение к действительности, нараставшее ощущение хаоса и абсурдности бытия» [2, с. 191]. Нельзя обойти вниманием размышление о сущности жанра утопии самим С.П. Залыгиным, который утверждает: «Утопию надо трактовать расширительно: это не только общественный идеализм, это желание жить. Глубоко осознанное желание, в отличие от желания биологического. Где кончается реализм, где начинается утопия – никто не знает и знать не должен. Мысль как таковая не дает для этого никаких оснований».

Без утопии не было бы всего того, что мы называем идеями, идейностью, духовностью. Утопии различаются между собой не столько идеями – все они возникают, как правило, из идей высоких и высочайших, – сколько теми средствами, которые утопист принимает для достижения своих целей: насильственные эти средства или ненасильственные» [4, с. 153].

¹ См.: Зверев, А. «Когда пробьет последний час природы...» / А. Зверев // Вопросы литературы. 1989. – № 1. – С. 26–69; Чаликова, В. Утопический роман: Жанровые и биографические источники современных антиутопий и дистопий // Социокультурные утопии XX века. – М., 1985; Ланин, Б.А. Русская литературная антиутопия. – М., 1993. – С. 96–166; Гордович К.Д. Русская литература конца XX века. – СПб., 2003; Давыдова, Т.Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века. – М., 2000, Геллер, Л., Нике, М. Утопия в России. – СПб., 2003; Евсеев, В.Н. Роман «Мы» Е.И. Замятина (жанровые аспекты). – Ишим, 2000; Быстрова, О.В. Русская литературная антиутопия 20-х годов XX в: проблема жанра. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996; Баран, Г.П. Антиутопия Е. Замятина «Мы» в мировом контексте // Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня. – Тамбов, 1994. – Вып. I. Ч. 1. – С. 136–150 и др.

«Экологический роман» расширяет поле полемики утопии и антиутопии.

Логика теоретических рассуждений В.Н. Евсеева подталкивает к возможности возникновения такого контраста: «Антиутопия переворачивает в утопии все ее ценностные параметры, включая жанровые. Утопию интересует идеальное устройство общества, антиутопию – личность» [3, с. 27]. Но практика писателя делает этот вывод неактуальным для художественного мира С. Залыгина. Реальная художественная практика оказывается сложнее самых стройных логических теоретических положений. Залыгину одинаково «ненавистны» и легкомысленные обещания земного «рая», и создаваемый под аккомпанемент этих обещаний «ад».

От «ощущения хаоса и абсурдности бытия» лишь один шаг до предчувствия апокалипсиса. Мотив «последнего часа природы», эсхатологические идеи оказываются структуро- и жанрообразующими в «Экологическом романе» С.П. Залыгина. Известно, что его первоначальное название – «Заколдованный створ». Но, видимо, оценивая масштаб обозначившейся в реальном мире экологической катастрофы, ставящей под сомнение будущее земли и человечества, писатель решил переименовать произведение. Автор начал писать роман в ноябре 1992 года, а в августе 1993 года он был завершен. Проблемы экологические, социально-этические в романе представлены через восприятие «природного» человека – таким, по мысли Залыгина, может быть не только лесной отшельник или крестьянин, но и ученый-гидролог. Высвечивая явные и скрытые мотивы человеческой психологии, автор видит губительность любой деятельности человека при отсутствии чувства «принадлежности к этому миру». К этому же ведет и существование вне «экологической психологии», вне «биопсихологии».

Герой «Экологического романа» – Николай Петрович Голубев, живет в мире реализующейся социальной технократической утопии – именно в таком качестве воспринимает он свою родину, сопредельные страны. Но эта реализация порождает проблем больше, чем решает: затопление богатейших территорий, техногенные экологические катастрофы, превращение человека в часть саморазвивающейся антиприродной государственной машины. Голубев пытается противостоять нарастанию экологического безрассудства, торжеству ведомственных интересов. В ряде случаев это

ему удастся. Но ему не удастся приостановить разрушительные процессы в душах людей, забывших о том, что они являются частью уничтожаемой ими природы.

Роман «Мы» принято считать образцом антиутопического жанра, поэтому именно к нему следует обратиться для необходимых сопоставлений и параллелей, которые помогут в определении жанровой природы залыгинского «Экологического романа». Изучение текста и контекста романа «Мы» уже состоялось в самых различных аспектах. «Экологический роман» еще не получил достаточно широкого освещения в критике и не исследован детально. Предполагаем, что, помимо отмеченного мотива «последнего часа природы», проблематика, структура и поэтика «Экологического романа» содержат явные антиутопические компоненты.

Подтверждают правомерность этого предположения и существующие на сегодняшний день литературоведческие работы В. Курбатова, О. Быстровой, О. Славниковой, Л. Теракопьяна, К. Гордович, П. Гончарова и др., где «Экологический роман» прямо или косвенно связывается с антиутопическими тенденциями литературы XX века.

Главная проблема романа С. Залыгина сформулирована предельно остро: есть ли надежда у человечества выжить, «быть ему или уже не быть в ближайшем XXI веке?» [6, с. 3].

В нашем случае заслуживает особого внимания то, что позиция С. Залыгина, выраженная в «Экологическом романе», в какой-то мере созвучна мысли, высказанной Е. Замятиным в статье «Завтра»: «Наше обращение к тем, кто видит далекое завтра – и во имя завтра судит сегодня» [7, с. 345]. Интуитивная восприимчивость к антиприродным проявлениям в человеческом сообществе является общей для художников начала, середины и конца XX века.

В центре «Экологического романа» – персонаж, чей жизненный и творческий путь ученого, публициста, писателя, общественного деятеля, представляет собой ярчайший пример защитника природы. В главном герое романа читатель легко узнает детали биографии его автора. Поэтому «Экологический роман» является и автобиографическим повествованием об антиприродных акциях общества, одержимого утопическими технократическими идеями.

Мысль о возможности и необходимости сохранения природной гармонии, о недопущении катастрофического варианта жизни, про-

израстая из «деревенской прозы», утверждается в особом литературном феномене – в натурфилософской литературе XX века, в том ее течении, которое иногда полемически именуют «экологической» прозой [1, с. 89]. Экологическая проблема, охватывая все большие измерения человеческого существования, привела Залыгина к решению: «поразмыслить над существованием человека, которого он не может назвать ни героем, ни антигероем», но для которого «антигеройство уже чуждо». Главный герой романа – Голубев Николай Петрович, гидролог, который свою жизненную стезю (с детства до глубокой зрелости), полную раздумий, лишений, борьбы и отчаяния, назвал «собственной экологической жизнью» [6, с. 6].

Залыгин – один из тех художников, чье творчество переполнено трогательной заботой о «здоровье природы» и о человеческой природе. Обращение Залыгина – писателя, публициста, ученого, эколога – к антиутопическим традициям, объясняется его стремлением вселить в сознание современников осмотрительность по отношению ко всему, чем занимается человек.

Своеобразным завещанием С. Залыгина является утверждение о том, что в современном человеке необходимо сформировать понимание единства жизни на земле, неделимости природного и человеческого мира. В «Экологическом романе» отразились технократические попытки строительства современной «Вавилонской башни». Ее очертания без труда угадываются в грандиозных плотинах, в «великих стройках», в планах «переброски рек» и преобразования природы в целом, в желании человека «строить царство Божие на земле без участия Бога» [6, с. 176].

Эти самоуверенные богоборческие попытки могли приобретать и иной облик. Желание человека господствовать над природой, развитие отдельной личности стало предметом философского осмысления в повестях М. Булгакова «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

С. Залыгин неслучайно высоко ценил творчество А. Платонова и посвятил ему объемную статью «Сказки реалиста и реализм сказочника (Очерк творчества Андрея Платонова)» [7, с. 335–378]. Родственная С. Залыгину углубленность А. Платонова в природу человека, в природу всего сущего **позволяют** утверждать, что приверженность А. Платонова утопическому дискурсу не могла остаться незамеченной знатоком и ценителем его творчества. «Ювенильное море», «Чевенгур», другие произведения

А. Платонова, содержащие в себе утопические и антиутопические элементы (претензии героев на радикальное переустройство не только социальной сферы, но и отношений человека с природой), явно созвучны залыгинским утопиям и антиутопиям.

Сюжетные аналогии коллизиям «Экологического романа» без труда можно отыскать и в романе Е. Замятина «Мы» – наиболее ярком произведении антиутопического жанра не только 1920-х годов, но и XX века в целом. В романе многочисленные «нумера», строящие под руководством Благодетеля космический корабль «Интеграл», считают божественно безграничными свои возможности, при этом откровенно признают, что они «антихристиане» [8].

Катастрофический финал такого строительства известен, но не могли «цари без царя в голове» отказаться от идеи царя Нимврода. Мотив Вавилонской башни (присутствующий в обоих романах) символизирует высокомерие, гордыню, заносчивость человека-богоборца. Голубев в «Экологическом романе» видит проявление этих качеств у бюрократической верхушки, возглавившей осуществление утопического проекта в России.

Замятинские «нумера» сооружают свою «башню» – соединяющий времена и народы «Интеграл». В романе «Мы» Е. Замятин использует иронию и гротеск как приемы развенчания упования на технический прогресс, на спасительную роль социальных и политических преобразований. «Разве не казалось вам, что вы – гигант, Атлас – и если распрямитесь, то непременно стукнитесь головой о стеклянный потолок?» [16, с. 120].

Эта фраза, насыщенная яркой метафорической образностью, помогает сделать важное замечание на пути к установлению констант антиутопического жанра. Замятин создает своеобразный ключ к пониманию структуры антиутопии, представляющий собой явную идеологическую метафору, в которой можно предположить формулу антиутопического социума. Смысл этой формулы заключается в том, что в антиутопии человек живет вне природного мира, под строгим и неусыпным присмотром государства и общества.

В романе Дж. Оруэлла «1984» (1949) многочисленные «телекраны» действуют «на прием и передачу», манипулируя сознанием жителей Океании, следя за каждым их шагом. Залыгинский персонаж тоже ограничен в своих действиях «стеклянным потолком» государственных и общественных установлений, лишен свободы,

способности самовыражения. На наш взгляд, литературное произведение, содержащее в своей структуре этот выделенный элемент повествования, является произведением, тяготеющим именно к антиутопическому жанру. Выработанная в замятинском романе формула антиутопического мира может звучать и иначе: моделирование, художественное воссоздание общества или человека в отсутствие (или в процессе уничтожения) природного мира, духовного начала в человеке, свободы выбора, права на личное счастье и права иметь свое мнение об окружающем мире, лежит в основе антиутопии. В совокупности с неусыпным контролем государства, соединенным с обязанностью неукоснительного исполнения человеком всех предписанных государством норм, эта формула составляет основу антиутопического художественного мира.

Дж. Оруэлл в романе «1984» почти в деталях следует структуре романа Е. Замятина «Мы». Финалы романов, изображающие операции над сознанием персонажей и их результаты, предельно звучны. «Экологический роман» в наименьшей степени повторяет даже и в трансформированном виде структуру и детали романа Замятина «Мы». Залыгин часто публицистически воспроизводит и трансформирует общее направление мысли, дискурс классической антиутопии, он воспроизводит и трансформирует тип героя-идеолога, характерный для романа «Мы».

В мире главного героя «Экологического романа» господствуют те же тенденции, законы, запреты, установления, что и в возглавляемом Благодетелем Едином Государстве. Голубев в течение многих лет пытается противостоять губительному стремлению к антиприродному «раю», отстаивая права природы на ее целостность. За свою жизнь Голубев сделал много полезного: не допустил строительства Нижне-Обской ГЭС, убедил правительство в абсурдности идеи поворота северных рек и так далее. Но эти действия на самом деле никого не вразумили, и ничто не изменилось в сознании людей. Поэтому отчаяние заставило Голубева почувствовать себя «одной миллиардной частицей человечества» [6, с. 98].

Интересно, что мотив превращения «я» в «мы», осознания себя «одной шестимиллиардной частицей человечества» уже присутствовал в «фантастическом повествовании» С. Залыгина «Оська – смешной мальчик» (1973). В сюжете этой повести имеет существенное значение эпизод добровольного превращения персонажа в «мы».

«Мы» – существа, которые не знают друг друга. Они одинаковые. Их великое множество – «семьдесят семь триллионов плюс эн в бесконечной степени» [Т. 2. С. 472]. Представляется, что эта деталь сюжета – превращение «я» в «мы» – и в повести, и в «Экологическом романе» восходит не только к трагическим размышлениям о нивелировании личности урбанистической цивилизацией Л. Андреева («Проклятие зверя», «Царь-голод»), к обожествлению массы, коллектива в литературе 1920-х годов (В. Кириллов, А. Серафимович, В. Маяковский), но также и к антиутопии Е. Замятина «Мы».

В замятинском романе на этот счет выработана своя философия: «Вероятно, куску железа так же радостно покориться неизбежному, точному закону – и впиться в магнит» [8, с. 49].

Логика героев Замятина математически достоверна, по видимости бесспорна. «Я» – составная, но малая часть «мы». «Отсюда распределение: тонне – права, грамму – обязанности; и единственный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны» [8, с. 77].

Как и в романе «Мы», в «Экологическом романе» переход «я» в «мы» происходит в результате долгих исканий и борьбы. В «Мы» – между безликим техногенным миром нумеров и «Я – Вселенной», между долгом и чувствами. В «Экологическом романе» – с бюрократической антигуманностью, с ложными проектами, с «глухотой общества». Залыгин точно передает движение мысли героя к осознанию того, что надо «покориться неизбежному». Зablуждение, ошибка человека и человечества, по мысли и Замятина, и Залыгина, заключается в том, что, подчиняясь необходимости, не осознавая и подавляя в себе личность, ответственную за все происходящее в мире, человек добровольно или под давлением обстоятельств отрывается от своего духовно-личностного начала, от своего природного «я» как дома души. «Душа – неповторимая, незаменимая, превращает каждого в отдельную Вселенную» [9, с. 6].

Ведь не случайно Замятин наделяет своего героя Д-503 «образованием души», заставляет ощутить разницу между «мы» и «Я – Вселенной». Близкой Е. Замятину и С. Залыгину является мысль о том, что индивидуальная личность должна быть свободной от «тенет счастья» Благодетеля, счастья в виде антиприродного техногенного мира. Исследовательница жанровой специфики романа «Мы» Т.Т. Давыдова справедливо усматривает здесь («тенета сча-

стья») оксюморон в качестве одного из значимых элементов поэтики [2, с. 239–240].

Аналогичный прием (сочетание несочетаемого) оказывается и в основе названия романа С. Залыгина – «Экологический роман», поскольку проблемы экологии изначально являются по преимуществу принадлежностью науки, а не искусства.

Отчаяние героя «Экологического романа» едва не способствовало его уходу из жизни, но Голубева остановил родительский долг – забота о подрастающем поколении, о внуках. Великое не существует вне «мелкого», частного и проявляется в этом «мелком» и частном. Эта мысль высказывается Залыгиным с присущей ему мягкой иронией: «Рядом с детьми, в хлопотах, заботах, Голубев, природный человек, о природе забывал, какое там! <...> Нет возможности у Голубева подумать о судьбе России, потому, что Ольвиан и Олимпия вступили в конфликт – кому принадлежит старый-старый плюшевый медведь с одним ухом? Дело зашло так далеко, что Голубеву пришлось вступиться, искать компромиссное решение» [6, с. 106]. Заботиться о природе, о России, по Залыгину, означает заботиться о каждом, в том числе и самом малом ее «природном жителе».

Жанровая специфика «Экологического романа» сложна и противоречива. В нем имеет место синтез автобиографии и научного исследования, эссе и традиционного романа, утопии и антиутопических элементов. При совмещении разных пространственных и временных пластов это создает причудливую мозаичность композиции. Антиутопическое видение позволяет автору воссоздать и осмыслить современную картину природно-социальной дисгармонии. Затрагивая особенности жанровой модели «Экологического романа», О. Славникова замечает: «Вещь переломная, всей своей структурой отражающая переход от живого времени к безвременью» [11, с. 211].

На фоне уже известных антиутопий оригинальность «Экологического романа» и в том, что при всей своей художественности, метафорической образности он биографичен, документален, историчен, переполнен конкретными цифрами, реальными событиями, фактами, подтверждающими губительность антигеройского поведения человека и антигуманного отношения к природному естеству, что особым образом выделяет его на фоне других антиутопических произведений.

Метафизическую сущность зальгинского повествования об антиприродных явлениях удачно сформулировал В. Курбатов: «Зальгин жестоко напомнил своим романом, что диалога с вечностью нам не избежать, что творчество мира может быть только религиозно и, если человек отговаривается от сотворчества с Богом, и, загораживаясь требованиями истории и прогресса, противоречит своим трудом существу жизни, вечность подойдет с другой стороны и напомнит о себе возможностью физической смерти такого развитого и прогрессивного мира» [10, с. 157].

Природное воспринимается в художественном мире Зальгина как синоним разумного. В этом плане Зальгин противоречит замятинскому алгоритму мысли. В романе «Мы» рациональное (изначально восходящее к разумному) вытеснило в героях природное настолько, что все относящееся к природной первооснове воспринимается в качестве противоречащего рассудку, как корень квадратный из минус единицы. Зальгинский мир стремится к гармонии природного и разумного, поэтому такое противопоставление для обитателей этого мира неактуально. Вместе с тем природное у Зальгина реализуется в ощущении родства между людьми, в ощущении близости человека к природе. Этот мотив созвучен роману Е. Замятина «Мы». Лишь за Зеленой стеной, где жив мир природы, герой осознает: «На один миг: я, старуха, полынь, желтые глаза – мы все одно, мы прочно связаны какими-то жилками, и по жилкам – одна общая, буйная, великолепная кровь» [8, с. 63]. Этот миг даруется ему как временное прозрение от осознанно бессознательной слепоты технократического мышления. Миг, оживляющий природную человеческую сущность Д-503 во время «рождения» в нем души. Технократизм для Замятина – проявление рассудка, рационализм, порвавший с природными инстинктами человека. Технократизм для Зальгина – неразумная, антиприродная рассудочность, противоречащая природному началу человека. Эти детали восприятия сближают и разводят двух писателей, оставляя их в рамках антитехнократического и антисциентистского дискурса, питающего их антиутопии.

Наблюдения, неусыпный контроль над гражданами государства, представлявшиеся безусловным благом на страницах «Утопии» Томаса Мора, «Города Солнца» Томазо Кампанеллы, являются признаками тоталитарно-технократической системы,

отчетливо представленными в антиутопиях. Функции контроля в «Мы» принадлежат хранителям. Герой-повествователь (он же «идеолог» и «проводник по утопии») психологически тонко передает ставшие чудовищной привычкой ощущения наблюдаемых: «Так приятно чувствовать чей-то зоркий глаз, любовно охраняющий от малейшей ошибки, от малейшего неверного шага. Пусть это звучит несколько сентиментально, но мне приходит в голову опять все та же аналогия: ангелы-хранители, о которых мечтали древние. Как много из того, о чем они только мечтали, в нашей жизни материализовалось» [8, с. 45].

Мотив религиозный («ангел-хранитель») здесь сведен к абсурду. «Д-503 заметил, что из-за его плеча, кто-то заглядывает в его развернутую страницу. Оказалось, : розовые, распростертые крылья – уши, двояко изогнутые» [8, с. 45].

Крылья ангела трансформируются в уши «хранителя».

В романах Е. Замятина и С. Залыгина утверждается мысль об ответственности человека за совершаемые в угоду идеологии действия, за «блага цивилизации», которые приобретаются ценою человеческих жизней и жизни природы в целом. Акцентируется мысль об ответственности каждого человека, его «экологической психологии» за действия свои и государства по отношению к природе.

Общей у Е. Замятина и С. Залыгина оказывается мысль о том, что человеческая личность должна быть свободной от «тенет счастья» Благодетеля, «счастья» в виде антиприродного, техногенного мира. В своих конспектах Д-503 сознается: «Буду вполне откровенен: абсолютно точного решения задачи счастья нет еще и у нас» [8, с. 10].

Человек не может быть счастлив в «условиях зоопарка», лишенный индивидуальности, личного выбора, человек теряет душу, свою основу – божественное начало.

Картина гибели души в романе, весь антиутопический проект будущего, по замыслу Е. Замятина, должны воскресить в человеке личность, ответственную за завтрашний день. Но эту же цель ставит и С. Залыгин в своем «Экологическом романе», где герой на протяжении всего повествования ведет борьбу за отстаивание интересов природного порядка бытия, раскрывает заманчивую, но коварную сущность состоявшихся утопических проектов и замыслов, не получивших еще воплощения.

В «Экологическом романе» С. Залыгина обнаруживаются и признаки антиутопического жанра. Время в начале романа определяется датой рождения из биографии главного героя – 1913 год, повествование охватывает период до 1993 года.

Пространство в романе интегрировано объектами и явлениями самых разных частей мирового сообщества (Россия, Украина, Белоруссия, Египет, гигантские плотины, циклопические гидрозлы). Время действия романа, реализуя замысел автора, из современности (1990-е годы) возвращает читателя в недавнее и отдаленное прошлое России. Залыгин внимателен к реалиям XX века, к проектам, которые до сих пор угрожают человечеству.

Антигеройство – отсутствие «экологической психологии», «биопсихологии», «экологической этики» с мышлением «царя без царя в голове» – представляют, по мнению Залыгина, реальное движение человека и мира к осуществлению самых неутешительных прогнозов, к антимиру. Осознавая свое бессилие в неравном поединке с «антигеройством», Голубев, тем не менее, остается верен себе. Залыгинский персонаж не позволяет системе сломить его, лишить «души», хотя подобные мысли не раз посещали его. Замятинский герой Д-503 слишком далеко ушел от природного начала, слишком оторван от природного в себе для того, чтобы путь «назад» был возможным. Замятин-мастер осознанно ведет героя по сюжетной лестнице от машинной цивилизации «номеров» к природному миру любви. Но и осознав трагическую несвободу, он, «связанный по рукам и ногам тенетами счастья», не мог освободиться и вполне вернуться к природной «Вселенной».

Характерно, что понятие «Вселенной» в романе Замятина приравнивается к понятию «душа». Ни Единое Государство, ни Бюро Хранителей, ни работающие в одном «эллинге» «номера», ни отдельный «номер» не ассоциируются с душой. Такое «вселенское» наполнение души, восходящее к идее Ф. Достоевского о вселенской «отзывчивости» русской души, оказывается свойственным и для залыгинского Голубева. Замятин косвенно выразил и смысл человеческого существования в этом мире, декларируя, что когда погибает душа, кончается и Вселенная. В фантастическом мире романа Замятина душа, фантазия способны рождаться и погибать. Это создает надежду, что, несмотря на хирургические операции, они могут заново возродиться в человеке. Но если у Замятина фантастика

не только допустима, но и вмещает основной сюжет романа, то Залыгин предельно документален, достоверен, связан только с миром реальности. Поэтому его предостережения звучат не менее сурово: надо беречь душу от неизвестно что несущих «тенет счастья», будь то прогресс техники или достижения по изучению генома человека. Оба художника предупреждают: во всем нужна мера и осторожность, ибо «зародыш будущего всегда в настоящем» [8, с. 346].

Вероятно, осознание нанесенного человеку, природе, всей жизни России да и всего человечества вреда от реализации заманчивых, политических доктрин, социальных идей, экономических расчетов привело С. Залыгина в позднем периоде творчества к категорическим утверждениям: «Идея должна служить жизни, а не наоборот... Она должна облагораживать жизнь, а не угнетать ее. Когда же она подчиняет себе жизнь и судьбы – это уже не столько идея, сколько заговор. <...> Заговор единственного против гармонии множественности» [5, с. 114].

Не допустить антиприродного безвременья – своеобразная сверхзадача «Экологического романа». Она созвучна комплексу идей романа Е. Замятина «Мы», идеям, характерным для других антиутопий XX века. Наличие этих и иных идейных параллелей закономерно приводит к выводу о том, что оба романа имеют функцию предупреждения. Писатели выразительно и достоверно моделируют переживания персонажей в психологическом столкновении между долгом и чувством, в борьбе с «тенетами счастья», в противостоянии распространению «ядовитого рая».

Прозаиками подчеркивается мысль о значимости и спасительности природного начала в человеке. Ведь именно основы человеческого сознания, фактор «биопсихологии» способны расставить верные, по их мнению, акценты в отношениях между миром природным и технократическим.

В финале романа Д-503 «оптимистически» утверждает: «Разум должен победить» [8, 155]. Залыгинские же персонажи страдают от недостатка «природного закона», который равнозначен в их художественном мире «природному разуму». Закрывающие «Экологический роман» строки звучат как напутствие грядущим поколениям «искать компромиссное решение» [6 с. 106] между «разумом» технократическим и «природным законом».

Однако для обоих романов характерно доведение торжества техногенных устремлений до крайности. В романе «Мы» это нефтяная пища, полное обезличивание человека и стремление подчинить воле Единого Государства весь мир. В «Экологическом романе» это торжество ведомственных интересов над здравым смыслом, плана и силы техники над природой. В этом смысле обоснованным представляется утверждение А.А. Цуркана: «Человечество в полной мере сможет осознать свое единство и ценность собственной истории, лишь оказавшись на грани гибели. Современная антиутопия моделирует для нас эту грань» [12, с. 12].

Таким образом, «Экологический роман» С.П. Залыгина – синтетическое и сложное по жанру произведение, тяготеющее по своей проблематике и образности, по структуре и композиции, по воспроизведенным в нем антиномиям бытия к роману Е.И. Замятина «Мы» и к антиутопической литературе XX века в целом.

Список литературы

1. Гончаров, П.А. Эволюция русской экологической прозы // Труды Тамбовского филиала Юридического института МВД России. / П.А. Гончаров. – Тамбов, 2000. Вып. 3. – С. 89 – 91.
2. Давыдова, Т.Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века / Т.Т. Давыдова. – М.: Издательство МГУП. – 2000. – 363 с.
3. Евсеев, В.Н. Роман «Мы» Е.И. Замятина (жанровые аспекты) / В.Н. Евсеев – Ишим: Издательство Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова, 2000. – 115 с.
4. Залыгин, С. Два провозвестника. Заметки / С. Залыгин // Новый мир. – 1995. – № 3. С. 153–176.
5. Залыгин, С.П. Заметки, не нуждающиеся в сюжете: к 90-летию со дня рождения / С.П. Залыгин // Октябрь. 2003. – № 11. – С. 102–131.
6. Залыгин, С.П. Экологический роман / С.П. Залыгин // Новый мир. – 1993. – № 12. – С. 3–106.
7. Залыгин, С.П. Собрание сочинений. В 6 т. / С.П. Залыгин. – М.: Худ. лит. 1989–1991. С. 335–378.

8. *Замятин, Е.И.* Избранные произведения. В 2 т. / Е.И. Замятин. – М., 1990. – Т. 2.
9. *Кузичева, А.* «Мы» и «Я» в романе Е. Замятина / А.Н. Кузичева // Книжное обозрение. – 1988. – № 20. 13 мая. – С. 6.
10. *Курбатов, В.* Беззащитная жизнь / В.Я Курбатов // Москва. – 1994. – № 7. – С. 154–160.
11. *Славникова, О.* Старый русский: Поздняя проза Сергея Залыгина / О. Славникова // Новый мир. – 1998. – № 12. – С. 204–221.
12. *Цуркан, А.А.* Эсхатологическое сознание как источник антиутопических традиций: Социально-философский анализ / А.А. Цуркан. Дис. ... канд. филос. наук. – Воронеж, 1996. – 144 с.

UDC 82-1/9; 82-311.2;
82-312.1

**DYSTOPIAN REALITIES OF ARTISTIC
AND MODERN WORLD IN E.I.
ZAMYATIN'S NOVEL WE AND S.P.
ZALYGIN'S ECOLOGICAL NOVEL**

Svetlana V. Filippova

PhD in Philology

Head of the Extramural Studies Division

Head of the Philology Department

Tambov Theological Seminary

E-mail: 234888@mail.ru

For citation: *Filippova, S.V.* Dystopian Reality of Artistic and Modern World in E.I. Zamyatin's Novel We and S.P. Zalygin's Ecological Novel // Theological collection of the Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 223–240.

Abstract

The article presents ideological and compositional analogies between the dystopian novel *We* by E.I. Zamyatin and *Ecological Novel* by S.P. Zalygina. The author analyzes the relationship of the novel with other works of the dystopian vector, reveals the characteristic “dystopian dominants” of the Zalygin novel, focuses on the dystopian realities of the art world and the modern one.

Keywords: Sergei Pavlovich Zalygin, Yevgeny Ivanovich Zamyatin, soul, utopia, dystopia, 'ecological psychology', 'biopsychology', Ecological Novel.

References

1. *Goncharov, P.A.* Evolyutsiya russkoi ekologicheskoi prozy [Evolution of Russian Environmental Prose]. // Works of Tambov Branch of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. / P.A. Goncharov. Tambov, 2000. Issue 3, pp. 89–91. (in Russian)
2. *Davydova, T.T.* Tvorcheskaya evolyutsiya Evgeniya Zamyatina v kontekste russkoi literatury pervoi treti 20 veka [Creative Evolution of Yevgeny Zamyatin in the Context of Russian Literature of the First Third of the 20th Century / T.T. Dvydova. Moscow, Publishing house MGUP, 2000. 363 p. (in Russian)
3. *Evseev, V.N.* Roman “My” Ye.I. Zamyatina (zhanrovye aspekty) [The Novel We by Ye.I. Zamyatin (genre aspects)]. / V.N. Evseev, Ishim: Publishing House of Ishim State Pedagogical Institute named after P.P. Ershov, 2000. 115 p. (in Russian)
4. *Zalygin, S.P.* Dva provozvestnika. Zametki [Two Heralds. Notes]. / S. Zalygin // New World, 1995, no. 3, pp. 153–176. (in Russian)
5. *Zalygin, S.P.* Zametki, ne nuzhdayushchiesyu v syuzhete: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya [Notes that do not Need a Plot: to the 90th Birthday Anniversary / S.P. Zalygin // October. 2003, no. 11, pp. 102–131. (in Russian)
6. *Zalygin, S.P.* Ekologicheskii roman [Ecological novel]. / S.P. Zalygin // New World, 1993, no. 12, pp. 3–106. (in Russian)
7. *Zalygin, S.P.* Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 6 volumes / S.P. Zalygin, Moscoe, Khudozhestvennaya literature, 1989–1991, pp. 355–378. (in Russian)
8. *Zamyatin, Yu.I.* Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. In 2 volumes / Ye.I. Zamyatin, Moscow, 1990, vol. 2. (in Russian)
9. *Kuzicheva, A.* “My” i “Ya” v romane Ye. Zamyatina [‘We’ and ‘I’ in the Novel by Ye. Zamyatin]. / A.N. Kuzicheva. // Book Review, 1988, no. 20, May 13, p. 6. (in Russian)
10. *Kurbatov, V.* Bezzashchitnaya zhizn’ [Defenseless Life]. / V. Ya. Kurbatov // Moscow, 1994, no. 7, pp. 154–160. (in Russian)

11. *Slavnikova, O.* Staryi russkii: Pozdnyaya proza Sergeya Zalygina [Old Russian: The Late Prose of Sergei Zalygin]. / O. Slavnikov // New World, 1998, no. 12, pp. 204–221. (in Russian)

12. *Tsurkan, A.A.* Eskhatologicheskoe soznanie kak istochnik antiutopicheskikh traditsii: sotsial'no-filosofskii analiz [Eschatological Consciousness as a Source of Dystopian Traditions: Socio-philosophical Analysis]. Cand.Sci. (Philosophy) Dissertation, Voronezh, 1996. 144 p. (in Russian)

УДК 82.0

**ПРИЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«СОКРОВИЩЕ ДУХОВНОЕ ОТ МИРА
СОБИРАЕМОЕ»)**

Иеромонах Савва (Силантьев)

выпускник Тамбовской духовной
семинарии 2018 г.

E-mail: tdsmetod@yandex.ru

Для цитирования: *Савва (Силантьев), иеромон.* Приемы художественной выразительности в творчестве святителя Тихона Задонского (на примере произведения «Сокровище духовное, от мира собираемое») // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2019. Вып. 8. С. 240–253.

Аннотация

В статье проведен системный анализ средств языковой выразительности, использованных в дидактическом сочинении святителя Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое», посредством которых автор достигает полноты и глубины раскрытия богословской мысли в доступной для всех форме нравственного наставления. В заключение сделан вывод о том, что избранное святителем сочетание художественных приемов позволило избежать нарочитой обширности рассуждений и сухой схоластичности, что было характерно для церковных писателей, продолжавших традиции юго-западной школы.

Ключевые слова: святитель Тихон Задонский; нравственное наставление; средства языковой выразительности; метафора; сравнение; аллюзия; реминисценция; православная духовная традиция.

Художественное своеобразие литературных творений святителя Тихона Задонского определяется использованием ряда характерных средств языковой выразительности, которые заимствованы из текстов Священного Писания. Стилистический анализ дидактического сочинения «Сокровище духовное, от мира собираемое», созданного в конце 70-х гг. XVIII века, позволяет выявить наиболее часто встречающиеся лексические и синтаксические художественные приемы: 1) комплексное применение сравнений и метафор, вписанных в структуру развернутого сравнения; 2) сопоставление «мирского и духовного», земного и небесного по ряду признаков с использованием приемов антитезы и аналогии, 3) дробление глав на подглавки для конкретизации и уточнения отдельных аспектов рассуждения; 4) использование приема градации при построении аргументации в рамках каждой подглавки: подбор примеров, иллюстрирующих авторскую мысль, с усилением смыслового и эмоционального воздействия на читателя; 5) комплексное использование цитат (прямых и косвенных) из Священного Писания и творений святых отцов; 6) использование таких приемов художественного цитирования, как аллюзия, реминисценция и аппликация из Священного Писания, позволяющих автору подчеркнуть строгое следование православной духовной традиции.

Написание «Сокровища духовного...» в 1777–1779 годах было обусловлено искренним стремлением святителя Тихона Задонского научить христиан по возможности чаще возноситься умом от земного к небесному, побудить к богосозерцанию. Явное подтверждение этому мы можем найти уже в эпитафии к его сочинению: «Как купец от различных стран собирает различные товары, и в дом свой привозит, и скрывает их, так и христианин может от мира этого собирать душеполезные мысли, и слагать их в сердце своем, и тем душу свою созидать» [1, с. 28].

Приведенный эпитафия показывает пример использования святителем комплексного приема **метафоры, вписанной в сравнение**. В данном случае в сравнение, построенное на принципе **аналогии**

(как поступает купец, так должен поступать и христианин), вписываются метафоры (слова или выражения, употребляемые в переносном значении, сравнения предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака): «слагать их в сердце своем», «душу свою созидать».

Использование подобного приема, когда применяются в комплексе развернутое сравнение и метафора, можно обнаружить в «Сокровище духовном...» почти повсеместно. Например, статья 28-я «Обед или вечеря» имеет девять дополнительных подглав, вступления к которым представляло собой сравнение заданных в начале статьи предмета и образа по дополнительным признакам: «Как видим, бывает в этом мире так, что какой-то знатный и богатый человек собирает богатую и знатную вечерю или обед и зовет на тот обед многих людей. Так и Бог, Царь Небесный, сотворил вечного блаженства великую вечерю, всякого неизреченного утешения, наслаждения, радости и веселья исполненную, и звал и зовет всех по Своему человеколюбию» [1, с. 28]. На этом примере мы можем увидеть, как в сравнение торжественного обеда у земного знатного человека и небесной Господней вечера встроена метафора «вечного блаженства великая вечеря».

Еще один яркий пример обширного комплекса сравнений со встроеными в них метафорами, расположенными по принципу градации, мы можем найти в главе 145 «Пчела, жалом уязвляющая»: «Гонишь ли человека, – уже гонит тебя дьявол. Похищаешь ли добро у человека, – уже похитил добро души твоей дьявол. Клеветешь ли на человека, – уже отдал ты себя клевете дьявольской. Хулишь ли и ругаешь человека, – уже отдал ты себя в поругание дьяволу. Бьешь ли и уязвляешь человека, – уже бьет и уязвляет душу твою дьявол. Смеешься ли над человеком, – уже смеется над тобой дьявол. Презираешь ли и унижаешь человека, – уже и дьявол презирает и унижает тебя» [1, с. 28]. Кроме того, в построении данного сложного синтаксического целого мы наблюдаем многочисленные **лексические повторы** (человек, дьявол) и связанные с ними повторы глаголов (похищать, хулить и ругать, уязвлять, смеяться, унижать). В целом композиционно единство данного фрагмента текста поддерживается приемом **синтаксического параллелизма** (аналогичной структурой входящих в него предложений).

Кроме сравнений, приведенных выше, которые построены по принципу **аналогии**, то есть уподобления одного другому, святитель часто использует и другой вид сравнения – **антитезу**, которая, наоборот, построена на противопоставлении предметов речи. Как яркий пример **антитезы в развернутом сравнении** в «Сокровище духовном...» можно привести выдержку из подглавки «О том же» главы 28: «В этом мире бывает, что славные и богатые на свои вечера зовут по большей части славных и богатых, подобных себе. У Царя Небесного, Человеколюбивого Бога, не так. Он, по Своему человеколюбию, никем не гнушается, но на небесную Свою вечерю зовет, невзирая на лица, всех равно: богатых и нищих, славных и низких» [1, с. 28]. Здесь святитель противопоставляет горделивых земных богачей, любящих трапезничать с подобными им, Царю Небесному, Который не гнушается никем и призывает на Свою вечерю всех, любящих Его. Основную смысловую нагрузку в приведенном фрагменте текста несут антонимы (богачи – Царь Небесный, богатые – нищие, славные – низкие).

В другом сравнении, построенном по принципу антитезы, святитель метафорически уподобляет спасение человека «нетленному сокровищу»: «Не золото, не серебро и прочее тленное вещество, а вечное и нетленное сокровище, спасение твое старается у тебе отнять враг». В приведенной цитате смысловое ядро антитезы также составляет противопоставление «земного» и «небесного».

В некоторых случаях святитель совмещает такое сравнение-антитезу с приемом дробления и синтаксического параллелизма: «Что завесою завешено или покрывалом покрыто, того не видим. Так не видим солнца, облаками закрытого. Не видим лица, платком или одеждою закрытого. Не видим вещей, за завесою лежащих, и прочее. Так у всякого грешника нераскаянного, у всякого блудника и прелюбодея, у всякого хищника, вора и мздоимца, у всякого лживого и обманщика – словом, у всякого бессовестного человека перед глазами некая завеса висит» [1, с. 29].

Такой характерный синтаксический прием выразительности, как **дробление глав на подглавки**, используется святителем для придания тексту большей структурированности и аналитичности, для систематизации многочисленных цитат и конкретизации, уточнения отдельных аспектов рассуждения.

Так, почти треть глав «Сокровища духовного...» показывает, как автор применяет подобное дробление. В 32-х главах произведения из 157 сопоставления противоположностей по выделенным святителем признакам оформляются в отдельные подглавки, называемые «О том же», для более аргументированного и структурированного рассуждения. В частности, глава 41-я «Зовомый на суд человек» содержит четыре дополнительные подглавки; вступления в каждой из них представляют собой сопоставление приведенных в начале главы реалий земного и небесного миров по дополнительным признакам.

Святитель, используя в своих сравнениях знакомые образы из повседневной жизни простого обывателя, представляя их в форме обобщений как типичные проявления окружающей действительности, приближает высокодуховные размышления к пониманию читателя, будто бы с помощью «многих нитей» воссоединяя вечные богооткровенные истины с человеческой жизнью.

Проводя сопоставление «мирского» и «духовного» по нескольким признакам, святитель стремится разъяснить читателю духовный смысл предлагаемых нравственных поучений. Комплексы синонимических сравнений не просто обобщают и углубляют пастырскую идею, но и оказывают глубокое эмоциональное воздействие на внимательного читателя. Как писал сам святитель, «ничем же так не разъясняется, и понятным не делается, и в памяти не углубляется учение, как подобиями тех вещей, которые чувствам нашим подлежат и перед глазами нашими находятся» [2, с. 254–255]. Например, видим такое сопоставление в статье 121-й «Великое»: «Горе душе без Христа! Подобна она дому без хозяина; подобна городу, разоренному и опустошенному врагами; подобна кораблю, на море плавающему без кормчего; подобна овце, без пастыря бродящей по пустыне; подобна человеку, совратившемуся с правого пути и заблуждающему; подобна больному, лекарем и прочими оставленному».

Святитель Тихон, используя для сопоставления «земного» и «небесного» понятия из обыденной человеческой жизни, план «земного», «видимого» показывает всегда в предельно обобщенной форме. В этих сопоставлениях отсутствуют распространенные описания образов, воображаемые события и природные явления не обусловлены ни по хронологическому, ни по территориальному

признаку. Изображаемые герои также предстают абстрактными персонажами, с отсутствующими портретными особенностями, именами собственными.

Святитель Тихон Задонский пишет: «Вещь одна другой подобна бывает не во всем, а только в некоторых свойствах: поэтому и о подобиях <...> разуметь должно то же, что и они только в неких свойствах сходны с теми вещами, которые разъясняют» [2, с. 254]. Более трети нравоучительных глав «Сокровища духовного...» выстроены именно на таких сопоставлениях объектов и субъектов, по различным признакам. К примеру, в статье 4-й «Господинъ и раб» мы находим целый комплекс подобных сравнений: «Раб называется именем того господина, которого есть раб: тако христианин называется христианином, понеже есть раб Христов. Раб того ради называется рабом некоего господина, яко работает ему, волю его творит и угождает ему: тако христианин того ради называется рабом Христовым, яко работает Ему, волю Его творит и угождает Ему» [1, с. 28].

И снова в той же главе читаем: «На знатной мира сего вечери сядящии и пирующии одяны бывають въ светлыя и красныя одежды: тако будетъ и на преславной оной великолепной Небесной вечери» [1, с. 28]. «На знатной мира сего вечери бывает музыка и пение ради увеселения пирующихъ гостей. Пение будетъ и на небесной оной вечери, но несравненно лучшее» [1, с. 28]. «На богатой вечери въ мире семъ бываетъ, что поставляются свѣтильники и свещигорящия. На Небесной оной вечери не потребенъ будетъ таковой светъ, ниже отъ солнца, ниже отъ луны, ибо и ноци не будетъ тамо: слава бо Господня просветитъ вся» [1, с. 28].

Святитель умело использует прием **градации** при построении аргументации в рамках сравнения: иллюстрирующие авторскую мысль примеры располагаются с усилением смыслового и эмоционального воздействия на читателя. Так, в главе 16 «Лоза и розги»: «Розга, не приносящая плода, отсекается от лозы; так и христианин, который не приносит плода доброго, отторгается от Христа. Розга, отсеченная от лозы, иссыхает; так и христианин, отторженный от Христа, всю духовную свою живность губит и духовно иссыхает. Розга иссохшая не пригодна ни к чему иному, как к сожжению; так и христианин, отторгнувшийся от Христа и иссохший, вечному предается огню (см. Ин. 15, 4–6)» [1, с. 16].

Здесь усматривается расположение примеров с усилением наказания человеку за отдаление от Христа: сперва душа его отторгается от Христа, затем духовно иссыхает, а затем и вовсе предается вечному огню.

Аналогично, в главе 20 «Козлища» мы видим на примере неблагоприятного поведения козлов деградацию человека, подверженного страстям: «Козлища <...> скот рогами своими бодают и обижают. Так и злые люди всякого человека, доброго и злого, или делом, или словом обижают. В козлищах примечается гордость, <...> так и злые люди гордятся и высоко возносятся. Козлища всегда стараются в стаде быть впереди. Так и злые люди всегда хотят над другими начальствовать или быть на первом месте. Козлища, когда их влекут куда или бьют, не молчат, а кричат. Так и злые люди, когда их наказывают, не терпят, а ропщут, а часто и хулят: какая-де моя вина? чем я согрешил, и прочее. Козлища издают некий особый смрад. Так и злые люди смердят злонравием и беззаконной жизнью» [1, с. 20].

Следует обратить внимание на то, что и цитаты святитель Тихон во многих местах приводит не единично, а объединяя по две и более. **Комплексное цитирование** архипастырем применяется преимущественно как общепринятая форма подтверждения правдивости авторского тезиса или в целях придания большей авторитетности его поучениям, а чаще всего и для повышения экспрессивности. Это, по-видимому, можно объяснить стремлением писателя углубить духовный смысл в поучительно-толковательных целях, а также особой любовью святителя Тихона Задонского к составлению молитв. Пример подобного цитирования: «Надобно убо терпеть, молитвою противу их [искушений] вооружаться и тако преодолевать; сатана не спит, но всегда бодрствует на погибель нашу, по учению апостольскому: “Трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити: ему же притивитесь, тверди верою”, и прочее (1 Петр. 5, 8–9). Апостол Иаков учит: “Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв, примет венец жизни, его же обеща Бог любящим Его” (Иак. 1, 12)» [3, с. 518].

В целом данный прием можно назвать характерным для всего творчества святителя Тихона, в том числе для эпистолярного жанра. Примером может служить отрывок из его письма: «Когда такие

помыслы [смутные и отчаянные] находят, молись тако: “Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене; вонми в помощь мою, Господи спасения моего!” (Пс 37, 22–23). И паки: “Господи! Что ся умножиша стужающии ми? Мнози восстают на мя, мнози глаголют души моей: несть спасения ему в Бозе его. Ты же Господи заступник мой“, и прочее до конца псалма 3-го» [2, с. 512].

По замечанию исследователя творчества свт. Тихона протоиерея П. Хондзинского, для святителя «слово Писания было и источником его молитвенной жизни. Если Сам Спаситель взывал к Отцу с Креста словами Давидова псалма, то святитель и здесь следовал Ему. Известно, что он знал наизусть всю Псалтирь, бывшую одной из любимейших его книг, и стихи ее служили ему неисчерпаемым кладезем молитв. Из них он составлял на все случаи жизни краткие молитвы, которыми молился сам и учил молиться других» [4, с. 28].

Святитель широко применяет и приемы **косвенного цитирования**, искусно вплетая в ткань своего произведения характерные слова, выражения и даже целые предложения из Священного Писания и сочинений других авторов, демонстрируя совершенное владение средствами языковой выразительности, характерными для профессиональных литераторов. Наиболее часто используемыми приемами художественного цитирования в «Сокровище духовном...» являются **реминисценция, аллюзия и аппликация**. Рассмотрим эти приемы на конкретных примерах.

Реминисценция (от лат. *reminiscentia*, воспоминание) – прием художественного цитирования, заключающийся в авторском воспроизведении ритмико-синтаксических конструкций, заимствованных из сочинений других авторов. Ярким примером приема реминисценции в произведении «Сокровище духовное...» являются названия самих глав произведения, в которых читатель, знакомый со Священным Писанием, может усмотреть отсылки к библейским событиям и евангельским притчам Спасителя.

К примеру, название главы 59-й «Доброе дерево» отсылает читателя к притче Спасителя о дереве добром, приносящем плоды добрые, и о дереве худом, приносящем худые плоды (Мф. 7, 17–20). И в самой главе святитель приводит множество сопоставлений, по которым христианина, живущего добродетельной жизнью, приносящего духовный плод, который, по слову апостола, есть «любовь, ра-

дось, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22), сравнивает с добрым плодоносным евангельским деревом [1, с. 59]. Название же главы 82-й «Плевелы между пшеницей» направляет мысль читателя к евангельской притче о добром семени и плевелах (Мф. 13, 24 – 30). В этой главе святитель развивает библейскую мысль о людях благочестивых, приносящих добрый плод, подобно пшенице, и о людях нечестивых, остающихся бесплодными и ни к чему не годными, которые, подобно снопам сорной травы, «при кончине века будут собраны, связаны в снопы и преданы вечному огню» [1, с. 82]. А наименование главы № 154 «Человек попадает в яму, которую сам выкопал» является практически прямой цитатой из Псалтири: «ров изры, и ископа и, и падет в яму, юже содела» (Пс. 7, 16). В самой главе святитель размышляет над этими псаломскими словами, заканчивая ее грозным предостережением нечестивым людям: «Слышите, коварные люди и злодеи! Впадают люди в яму, которую для ближних искапывают; и яд сами испивают, который для других приготавливают; и сами от того зла страдают, в которое других ввергнуть хотят. Ужаснитесь и берегитесь ближним зло делать, да прежде сами в то не впадете зло» [1, с. 154].

Такой прием художественного цитирования, как **аллюзия**, всегда был в арсенале у многих классиков, поскольку мастера слова всегда искали возможность вступить в интеллектуальный диалог с другими литераторами – предшественниками и современниками. Аллюзия также популярна и у читателя-интеллектуала, поскольку она призвана задействовать его когнитивные способности и чувство языковой гармонии – фактически «центр эстетического удовольствия». Святитель Тихон в «Сокровище духовном...» повсеместно использует данный прием, причем в большинстве случаев это аллюзии на евангельские притчи или события.

К примеру, в главе 152-й «Путь» усматривается явная аллюзия на поучение Господа Иисуса Христа о тесном и просторном пути, о котором повествует нам апостол Матфей. Святитель приводит такое сравнение: «Видим, что видимый путь иной пространный и широкий, иной тесный и узкий. Так и путь жития нашего иной пространный и широкий, иной узкий и тесный. Но увидим, какой путь жития нашего пространный и какой тесный, а отсюда познаем, к какому концу тот и другой ведет» [1, с. 152]. Даже

без прямого цитирования библейского текста мы, увидев знакомые внимательному христианскому читателю выражения «путь пространный и широкий», «путь тесный и узкий», понимаем, что писатель отсылает нас к притче Спасителя: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13–14).

В главе 153 «Чрево», в которой святитель обличает людей, пребывающих в роскоши и ненасытном чревоугодии, мы видим другой пример аллюзии, когда автор в предложении: «Одни порфирию и виссоном украшаются, другие полунагие ходят; одни расширяют и украшают дома свои, а другие и хижин не имеют», – дает отсылку к притче о богаче и Лазаре. «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно» (Лк. 16, 19). Здесь мы видим аллюзию в использовании святителем слов «порфира и виссон», то есть драгоценных тканей, употреблявшихся богатыми людьми в древности. Внимательный читатель непременно заметит эту отсылку к несправедливому богачу и уловит предостережение святителя, призывающего удаляться от роскоши.

Широко употребляет святитель в своей речи и художественно-поэтический прием **аппликации**, то есть включения в текст произведения прямой цитаты или цитаты в слегка измененной форме, когда фраза не берется в кавычки, а органическим образом входит в текст, зачастую являясь опорной строкой, предлагающей сделать какие-то выводы по поводу заявленного тезиса. Рассмотрим, к примеру, цитату из главы 157: «Но чтобы пение наше согласно с их пением было, да последуем и святому житию их, и будем пребывать в любви, согласии и мире между собою, как они пребывают, тогда и пение наше согласно будет с пением их. *Иначе не красна песнь во устах грешника*» [1, с. 157]. Здесь последнее предложение, выделенное мной курсивом, является аппликацией фразы из библейской книги Иисуса, сына Сирахова: «Не красна похвала (т.е. хвалебная песнь) во устах грешника, яко не от Господа послана бысть» (Сир. 15, 9).

В главе 12 видим другой пример аппликации. Святитель пишет: «Пожил Царь Небесный на земле, и *совершил спасение среди земли*, ради чего и пришел, и опять взошел на небо, и сел на

Престоле славы Своей». Здесь вновь очевидно использование аппликации из псаломского стиха: «Бог же, Царь наш, прежде века соделал спасение посреде земли» (Пс. 73, 12).

В заключение следует обратить внимание на явную, проходящую красной нитью через все произведение святителя **теоцентричность**, а точнее, **христоцентричность** используемых в «Сокровище духовном» образов, художественных приемов и цитат. Почти в половине из них центральный образ соотносится с Господом Иисусом Христом – как в Его евангельской, земной миссии, так и в грядущей славе Его.

Кроме общеизвестных и общепринятых образов Царя и Господина, в «Сокровище духовном...» святитель изображает Бога Отца в образе света, светящего во тьме; вертоградаря, срубавшего неплодное древо, не приносящее плода; зрячего поводыря при слепом, знатного человека, усыновившего безродного и др. Господь Иисус Христос в произведении уподобляется солнечному свету, виноградной лозе, наседке, собирающей птенцов под крылья свои; приговоренному к смертной казни, главе тела Церкви, жениху или мужу (где невеста или жена – душа-христианка), вождю, учителю, освободителю пленных и др.

К примеру, в 107-й статье «Память благодетеля отсутствующаго» или в статье 8-й «Пленник и свободитель»: «Аще бы кто в пленении былъ, и тамо всякое мучение от пленившаго мучителя терпел, и ничего не ожидал бы от него, кроме горькия смерти; а пришел бы къ нему какой добрый и сильный человек, и сказал бы ему: “Вот освобождаю тебя от этой горькой работы и всего бедствия, и приведу тебя в отечество твое, только иди за мною”: о, с какой великой радостью захотел бы бедный тот пленник идти и следовать за тем милостивым освободителем! Христос, Сын Божий, Всесильный, Всеблагий и Преблагой, к нам, плененным, пришел с небес, посланный от Отца Своего Небеснаго, и говорит нам: “Я к вам от Отца Моего Небеснаго послан освободить вас и привести вас к Нему в небесное Его Царствие”» [1, с. 107]. Или в статье 102-й «Иди за мною»: «Бывает, что един другому в различном случае говорит: иди за мною. Христианине! Тако Христос Господь всякому от насъ говорит: иди за Мною. Читай святое Евангелие, и внимай тому, и услышишь сладчайший Его глас сей: иди за Мною» [1, с. 102].

Таким образом, мы видим в приведенных примерах отражение общепризнанного христоцентризма произведений святителя Тихона Задонского. «Описание земного жития и страстей Спасителя занимает центральное и важнейшее место в книге. В него естественно вплетаются, из него вытекают все любимые мысли святителя, уже во многом знакомые нам по „Истинному христианству“, и прежде всего мысль о личном подвиге последования Христу. Здесь узел всего его богословия. Бог, мир, человек, общий смысл бытия и должность христианская к соседу – все уясняется во Христе и через Христа. Практический христоцентризм – вот конечное слово святителя Тихона об истинном христианстве, с неопровержимой силой выраженное им именно в «Сокровище духовном» и ставшее конечным словом и его жития» [4, с. 40–41], – подчеркивает протоиерей Павел Хондзинский.

Благодаря приведенным примерам мы можем сделать вывод, что посредством употребляемых святителем приемов и их комбинаций он реализует свое искреннее стремление как можно более полно и глубоко раскрыть богословскую мысль в доступной для всех форме нравственного наставления. Но также важно отметить, что в произведениях святителя Тихона Задонского нет той вычурной пасторальности, нарочитой обширности рассуждений и сухой схоластичности, которые были характерны для некоторых церковных писателей того времени (например, Стефана Яворского), продолжавших традиции юго-западной схоластической школы [2, с. 255]. Размышления святителя основаны на хорошем знании Священного Писания и глубокой вере архиерейства: «Чтобы от видимых вещей к невидимым рассуждение обращать и так духовную пользу получать, требуется размышление верою, которая основанием своим имеет Божие слово, управляемое и утверждаемое, без которой удобно погрешить можно» [2, с. 255]. И именно поэтому они остаются так понятны и близки как современникам святителя, так и его духовным ученикам и наследникам.

Список литературы

1. *Тихон Задонский, свт. Сокровище духовное, от мира собираемое / святитель Тихон Задонский // Азбука веры : православ. эн-*

цикл. : [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/sokrovische_duhovnoe/28 (дата обращения: 06.05.2018).

2. *Тихон Задонский, свт.* Собрание творений. В 5 т. Т. 3 / святитель Тихон Задонский. – Москва : Изд-во им. Свт. Игнатия Ставропольского, 2003. – 863 с.

3. *Тихон Задонский, свт.* Собрание творений. В 5 т. Т. 4 / святитель Тихон Задонский. – Москва : Изд-во им. Свт. Игнатия Ставропольского, 2003. – 992 с.

4. *Хондзинский, П., свящ.* Истинное христианство в житии и трудах святителя Тихона, епископа Задонского // Тихон Задонский, свт. Избранные труды, письма, материалы. – Москва : Православ. Св.-Тихон. Православ. ун-т, 2004. – С. 10–48.

UDC 82.0

TECHNIQUES OF ARTISTIC EXPRESSIVENESS IN THE WORKS BY ST. TIKHON OF ZADONSK (BASED ON “A SPIRITUAL TREASURE GATHERED FROM THE WORLD”)

Savva (Silantiev), Heiromonk
Graduate of Tambov Theological
Seminary of 2018
E-mail: tdsmetod@yandex.ru

For citation: *Savva (Silantiev), Hieromonk.* Techniques of Artistic Expressiveness in the Works by St. Tikhon of Zadonsk (based on “A Spiritual Treasure Gathered from the World”) // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2019. Issue 8. P. 240–253.

Abstract

The article provides a systematic analysis of means of linguistic expressiveness used in the didactic work by St. Tikhon of Zadonsk “A Spiritual Treasure Gathered from the World,” through which the author achieves the fullness and depth of disclosure of theological thought in a form of moral instruction accessible to all. The author concludes that the combination of artistic techniques chosen by the saint made it possible to avoid the deliberate

vastness of reasoning and dry scholasticism, which was characteristic of church writers who continued traditions of the Southwestern School.

Keywords: Saint Tikhon Zadonsky; moral instruction; means of linguistic expressiveness; metaphor; comparison; allusion; reminiscence; Orthodox spiritual tradition.

References

1. *Tikhon of Zadonsk, St. Sokrovishche dukhovnoe ot mira sobiraemoe* [Spiritual Treasure, Collected from the World]. ABC of Faith: Orthodox Encyclopedia. (in Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/sokrovische_duhovnoe/28 (Accessed: 06.05.2018).

2. *Tikhon of Zadonsk, St. Sobranie tvornii* [Collection of Works]. In 5 vols., vol. 3, Moscow, St. Ignatius of Stavropol Publishing House, 2003. 863 p. (in Russian)

3. *Tikhon of Zadonsk, St. Sobranie tvornii* [Collection of Works]. In 5 vols., vol. 4. Moscow, St. Ignatius of Stavropol Publishing House, 2003. 992 p. (in Russian)

4. *Hondzinsky P., Priest. Istinnoe khristianstvo v zhitii i trudakh svyatitelya Tikhona, episkopa Zadonskogo* [True Christianity in the Life and Works of St. Tikhon, Bishop of Zadonsk]. // *Tikhon of Zadonsk, St. Selected Works, Letters, Materials*. Moscow, St. Tikhon's Orthodox University, 2004, pp. 10–48. (in Russian)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ**АРХИВЫ И ИНСТИТУЦИИ**

ГАПО	Государственный архив Пензенской области
ГАСПИТО	Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области
ГАТО	Государственный архив Тамбовской области
ЖМП	Журнал Московской Патриархии
ИТУАК	Известия Тамбовской ученой архивной комиссии
НИОР РГБ	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ОГПУ	Особое государственное политическое управление
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОСРК	Основное собрание рукописной книги
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РСХД	Русское студенческое христианское движение
ТЕВ	Тамбовские епархиальные ведомости
ЦК РКП(б)	Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков)

**БОГОСЛОВСКИЙ СБОРНИК
ТАМБОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

Выпуск XIII

ISBN 978-5-907132-81-8

9 785907 132818

Компьютерная верстка – Т.В. Подковырова
Корректор – Л.И. Дудова

Подписано в печать .12.2019 г. Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная
Бумага офсетная. Усл. печ. л. . Тираж 500 экз. Заказ № 1064

Отпечатано в обществе с ограниченной ответственностью
«Тамбовский полиграфический союз»
392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А
Тел. 8 (4752) 53-26-27
E-mail: info@tps68.ru
www.tps68.ru